

Алиса Владимировна

Алиса
Владимировна.
Автобиография

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алиса Владимировна

Алиса Владимировна.
Автобиография

«Автор»

2026

Владимировна А.

Алиса Владимировна. Автобиография / А. Владимировна —
«Автор», 2026

«Речь нужна людям лишь для того, чтобы скрыть, насколько мы все одиноки». Перед вами шокирующе честная автобиография девушки-невидимки, выросшей в декорациях сурового портового городка. Мир вокруг неё соткан из нищеты, жестоких драк родителей, буллинга и удушающего равнодушия. Отрезанная от людей тяжелой социофобией, она не умеет играть в их игры. Но биологическая потребность быть любимой настолько сильна, что её психика выстраивает радикальную броню. Пытаясь сбежать от непереносимой реальности, она бросается в крайности: от жестких религиозных сект до подвальной токсикомании. На её долю выпадут предательства, серия изнасилований, балансирование на грани безумия и смертоносный менингит. Но даже опустившись на самое дно, калеча собственное тело, она продолжает искать Своего Единственного — Того, ради кого стоит жить. Это пугающий трепанационный снимок сознания на стыке КПТСР и ПРЛ. Книга о том, как хрупкая душа выживает среди волков и учится принимать своё тотальное одиночество.

© Владимировна А., 2026

© Автор, 2026

Алиса Владимировна

Алиса Владимировна. Автобиография

Глава 1

Буду рассказывать, не только передавая биографические сведения о себе, но и их внутреннюю интерпретацию. Так как, возможно, у меня наследственное заболевание — бредовое расстройство, т. е. способность к фантазированию, но такому, в который я сама охотно верю. Это сложно объяснить: как можно искренне врать самой себе, не подозревая об этом. Но если вы встретите в моей истории противоречия, простите меня заранее: мозг искажает факты. Есть восприятие объективное, а есть субъективное, и сложно сейчас, спустя столько времени, отделить мух от котлет — мои фантазии от реальных событий. Но я буду к себе критичнее и постараюсь одновременно передавать и субъективные ощущения, при этом обращая внимание на этот факт. К примеру, я не уверена, что друг моего далёкого детства был в меня влюблён, так же не уверена, что мальчики в классе устраивали травлю из-за любви ко мне, ведь это лишь моё субъективное восприятие в то время всего происходящего. И, возможно, они совершенно ничего положительного ко мне не испытывали, но мне так хотелось верить, что меня любят.

Мои родители были ещё совсем молодые, когда я родилась: маме — 21, отцу — 25. Жили они в убогой однокомнатной квартире, прокуренной дедушкой. Первое время жили с дедушкой, который к тому же любил выпить, и, когда мама была беременна мной, он ударил её по животу (с её слов). С тех пор она дедушку ненавидит. Родилась я с пятнышком на лбу, из-за чего моя суеверная мама была уверена, что я избрана для какой-то важной миссии и это божественный знак. Как оказалось позже, это всего лишь «поцелуй аиста», и такие дети часто рождаются — совершенно ничего особенного в этом не было. Плакала я много, в отличие от своего спокойного брата, так что моя повышенная эмоциональность стала проявляться уже с пелёнок: нескончаемый плач и с поводом, и без него изводил маму. Отец хотел мальчика (как это часто бывает у отцов), а родилась девочка, и первое время отец не хотел меня принимать, но потом полюбил. И когда уже родился брат, времени уделял не мальчику, которого так хотел, а мне. Я была глазами на него похожа, когда он был такой же маленький: такие же чёрные и большие. Дедушка позже съехал к любовнице — к женщине добродушной и весёлой, торговке, но любящей выпить/ Пили они вместе. Мои родители ссорились из-за нехватки денег: отец работал тяжело, зарплату не выдавали, выживали как могли, часто голодали. Помню, всё детство в моей семье — скандалы из-за денег, драки, крики, угрозы развода.

Потом с мамой что-то произошло: она стала много спать, и я её практически не видела. Она жила в зале, а мы с отцом — на кухне: так родители поделили квартиру на две комнаты и отделились друг от друга. Отец мать всегда любил, но уважал её личное пространство. Ему было важно то, что она с ним, и неважно, на каком расстоянии. Он довольствовался тем, что они хоть живут в одной квартире, ну и пусть при этом он её практически не видел. Мама скинула детей на отца, сама по уши ушла в депрессию и изоляцию — так и проходили её дни. Мы играли, забыв о маме, думали, что всё нормально, всё так и должно быть. Гуляли с друзьями во дворе до самой ночи, и нас никто не искал. Когда других детей после 10 вечера родители забирали домой, то я с братом оставались одни и возвращались домой только потому, что хотелось есть, спать и становилось скучно без друзей на улице. Мы ходили в походы, жгли

шины под мостом, жарили картошку, которую кто-нибудь из нас крал из дома, купались в реке. Домой возвращаться боялись, когда хотелось кушать, потому что могли загнать родители домой и не выпустить. Искали еду на улице: либо кто-то из друзей выносил свою и угощал, либо на огороде у соседей, либо терпели, пока невыносимый голод всё же не заставлял идти домой. Обычно моими друзьями были мальчики — наверное, из-за брата: с ними было веселее, чем с девочками. Куклы играть не любила: это было скучно, и вообще я этой игры не понимала. Как ни начнёшь в них играть, подружки какие-то правила устанавливают — что я должна говорить, что делать, — это раздражало, и в куклы я играть избегала. Куда интереснее было прыгать по гаражам, лазить по стройкам, чердакам, подвалам, искать исток реки.

Утром мама злилась, если её кто-то будил. Она запрещала нам шуметь и запирала на кухне, пока спала в зале. От скуки на кухне мы с братом дрались, поднимался крик, и мама просыпалась, нас наказывая. В этот раз брат схватил отвёртку и ударил ею мне в спину, а сам убежал на улицу. Я от боли и страха, что меня хотели убить, громко заплакала. Проснулась мама и стала на меня кричать, а я в слезах: «Меня брат пытался убить отвёрткой!» Но мама не придавала этому значения, закрыла меня на кухне, а сама пошла обратно в зал. Вернулся брат, я подошла к нему и ударила: «Ты меня чуть не убил!» Он принял это как должное, но я уже к тому времени успокоилась, хотя напряжённость между нами потом ещё долго сохранялась.

Мы с братом обычно вместе мылись в ванной, и в этом ничего не было постыдного, до тех пор пока Денис не объяснил брату, как взрослые занимаются сексом. Брат ничего толком не понял из рассказов Дениса, только то, что «пися в попу должна входить», и попытался повторить это со мной в ванной. Но я к этому отнеслась настороженно и ему ничего не разрешила делать. А когда мы вышли из ванной, я рассказала родителям об этом. Мама испугалась, и после этого мыться вместе нам больше не позволяла.

Мы приходили с братом на работу к отцу. Огромный цех, в котором стояли краны, предназначенные для переноски железных листов или тяжёлых блоков. Мужчины в касках, как инопланетяне, сидящие на корточках, и искры сверкали от них во все стороны. Другой рабочий с серьёзным лицом закричал нам: «Кто вас впустил сюда!» Отец снял каску и увидел нас, крикнув через весь шум, творящийся на базе: «Не смотрите на сварку!» Мы закрыли глаза руками и отвернулись. Отец подошёл к нам и отвёл нас в другое помещение, где сидели пьяные мужики и играли в домино. На столе были разбросаны газеты, железные кружки с накипью от чая и сам железный чайник. Один из полных мужчин, с круглым лицом и носом картошкой, светлыми курчавыми волосами, подозвал меня к себе: «Иди ко мне! Как тебя зовут?» Он усадил меня на свои колени: «Она мне нравится, красивая девочка». Отец поставил чайник, чтобы напоить нас чаем, и вытащил сгущёнку из стола. Обед закончился, все бросили домино и пошли в цех — мы с братом остались одни. Я полезла в стол смотреть, что интересного рабочие в нём ещё прячут, кроме сгущёнки, но ничего существенного не обнаружили. Играли с братом в домино, строили из него заборы и домики. Иногда так и сидели до вечера и ждали конца рабочего дня отца, чтобы вместе пойти домой. А когда в цеху под вечер никого не было, мы нажимали на кнопки пульта крана и катались на крюке. Разглядывали железную спиральную стружку, забирались по лестнице на самый верх цеха, прыгали по железным листам и бетонным балкам. Отец всегда на базе был в пыльной робе серо-коричневого цвета и перед уходом домой переодевался, затем закрывал большие ворота цеха, и мы вместе уходили домой.

Я была упрямым, смелым, активным ребёнком. У меня было только два лучших друга: Денис и Максим. И один из них, Денис, дрался с другим за моё внимание — детская ревность. Любовь в таком раннем возрасте? Не знаю. Но то, что этот уличный маленький хулиган ко мне никого не подпускал, искал со мной встречи и просил, чтобы я вышла за него замуж, когда вырастем, — это не придуманные, а вполне реальные вещи. Любил ли он меня, я не знаю — вам судить. Другой мальчик, которого обижал хулиган, его звали Максим, боялся со мной дружить, но в свободное время, когда Дениса не было поблизости, мы вполне хорошо вместе проводили время. Обычно, помню, я приходила к нему в гости, и мы играли в самолётики или бегали во дворе наперегонки, прыгали с моста. С Максимом было не так интересно: он был скромный, домашний мальчик и скучный, не проявлял ко мне яркого интереса, из-за чего я всё же больше предпочитала компанию Дениса. Денис крал яйца из дома и кидал их в свои же окна, пытаясь отомстить родителям, которые его периодически жестоко избивали. Мы жили на втором этаже, а он — под нами, и нескончаемый плач и крики Дениса пугали. Меня с братом тоже наказывали родители, но не так часто, как случалось это с Денисом, у которого был суровый отец-алкоголик. Денис очень рано стал смотреть порно: ему тогда ещё и 7 лет не было. Его отец прятал кассеты с порно на верхних полках шкафа. Однажды Денис пригласил меня в гости, чтобы показать что-то интересное: кассеты с порно, вставив в видеомагнитофон. Смотрел только он — мне же совершенно было это неинтересно, и я просила его заняться чем-то другим. Мы ели конфеты с ликёром. Он никогда практически не отказывал мне, чтобы накормить втайне от родителей. Это в те голодные годы, когда наши родители запрещали нам кормить своих друзей, ведь самим есть нечего.

В соседнем дворе жил Женя, и были у него друзья — два Димы. Моим друзьям нельзя было часто посещать соседние улицы, гулять далеко от дома, но нам с братом можно было всё. И иногда Денис с нами отправлялся в путешествия, несмотря на запреты родителей. Однажды я пошла в соседний двор с подружкой. Я была в платье, и выбежал мальчик, содрал с меня трусы и убежал. Мальчика звали Женя. Мне тогда было лет пять, ещё совсем маленькая, но в тот день я в Женю влюбилась. После этого я постоянно ему мстила: обзывала «дураком», а когда он хотел погнаться за мной, дабы наказать, я убегала от него. Так несколько лет я была заиклена на нём, специально демонстративно гуляла по его двору, чтобы его провоцировать. Когда он меня видел, бежал за мной. Я от него — так вокруг дома, пока не укрывалась где-нибудь в подъезде. Он меня ни разу не догнал за всё время нашей интересной игры, и я этим жутко гордилась. Настроила Дениса, Максима, Сергея и других мальчиков против Жени, напугала их страшным страхом, что есть такой мальчик, который выбегает откуда ни возьмись и трусы сдирает. И мне удалось поднять авторитет Жени на весь двор: все Женю боялись, боялись даже двора, в котором он жил. Так и называли его: «Тот, кто снимает трусы», потому что имени его тогда ещё не знали. Мне нравился тот адреналин и возбуждение, которое я испытывала, встречая глазами Женю. Однажды я написала на бумаге (это уже было лет в 6–7): «Женя мне снимает трусы». Это была как одна из моих эротических фантазий, и мама нашла записку под креслом. Она меня пристыдила за написанное. Было обидно до слёз. Это на тему: свойственна ли детям сексуальность? Ещё как свойственна. Просто дети при этом не понимают, что за страсти в них происходят: их тянет к противоположному полу, но нет осознания, почему. Какие-то элементы игр заводят, любопытство одолевает, тянет играть, флиртовать. Вам, наверное, это тоже было знакомо в детстве? Такие события вызывают много эмоций и откладываются ярко в памяти. Почему именно Женя вызывал их? Потому что он первый проявил бесстрашие, сильный сексуальный импульс ко мне — пусть на спор с друзьями, это уже неважно. Я влюбилась в

его смелость, дерзость, тогда как другие мальчики только крутились скромно рядом со мной, хотели, но не делали.

Ещё один из эротических моментов, который вьелся мне в память, так как вызвал шквал эмоций. Денис решил повторить увиденное в порно (видимо, порно смотрели у них в семье часто, не скрывая от маленького сына). Ну а объектом его преследования стала единственная подруга, которая у него вызывала симпатию. Я вообще не могла понять, что он от меня хочет, но Денис был настойчив в сексуальных домогательствах, готов был выполнить мои просьбы, лишь бы я сняла трусики. Однажды он добился своего: я пообещала это сделать, и мы забрались на второй этаж деревянного дома во дворе, и я их сняла. Он там нежно провёл пальцами, и мне стало смешно и щекотно. Надела трусики обратно, что его возмутило, но попыток больше в тот день не повторил. Всё это происходило на глазах недоумевающего братика, который не понял, зачем Денису вообще это всё нужно, но всем было весело.

Мне тогда не было ещё семи лет, когда мама нарядила меня в пышное розовое платье. Уложила волосы в причёску: «Красавица, иди зови своих друзей». Я побежала к Денису, потом к Максиму и позвала Серёгу, Машу, Лену. Но девочки не смогли прийти: их не отпустили родители, поэтому день своего рождения я провела только с мальчиками. Мы играли в «бутылочку» по инициативе мамы: рассевшись кругом, бутылочка указала на Дениса. Денис обрадовался и полез целоваться. Я ему: «Только в щёчку!» А он, чуть не обидевшись: «Нет таких правил!» Но мама меня поддержала, и, когда я зажмурила глаза, Денис поцеловал меня в щёку. Крутили вновь бутылку, и она указала на Максима. Денис разозлился и приревновал, обратившись к Максиму: «Только попробуй!» Максим испугался и не стал целовать, а после игры вышел на балкон и сел на кушетку. Я подошла к нему: «Не обижайся на Дениса. Хочешь сейчас меня поцеловать?» Максим: «Нет!» Я: «Ну ладно, но ты его не бойся, я тебя от него защищу». В тот момент я чувствовала себя принцессой, за внимание которой борются два мальчика. К вечеру настроение испортилось, потому что сначала забрали Серёгу, потом ушёл Максим, остался со мной, как всегда, только Денис. И хоть Денис заменял всех моих друзей подвижностью и веселостью, но было жаль, что меня покинули и такой прекрасный день подходит к концу.

Третий эпизод сексуального детского интереса, в этот раз последовавший с моей стороны к Сергею, с которым мы не особо дружили, но иногда он приглашал к себе в гости. Пока мама была на кухне, мы резвились детьми в зале, строя дом из диванных подушек. После того как залезли в домик, я зачем-то его попросила показать, что у него в трусиках. Какое-то детское любопытство и азарт одолевали. Сергей поначалу сопротивлялся моей просьбе, но после того, как я пообещала показать свою, он согласился. Показать свою я не успела, так как в тот момент, когда он показывает своё, заглянула к нам в «окошко» его мама: «Что вы тут делаете?!» — и подушки полетели в стороны, домик разрушен в её нескрываемой ярости. Меня с позором выставили в подъезд, а Сергею запретили со мной дружить. После этого он послушно избегал со мной общения, несмотря на мои попытки с ним сблизиться, так и прекратилась наша только начавшаяся дружба. А на меня лёг позор: меня обсуждали и стыдили соседи, ходили неприятные слухи. Мама меня всячески оправдывала перед ними: «Они всего лишь дети». Потом шумиха улеглась, и все забыли об этом инциденте.

Во дворе неподалёку от дома стоял огромный ржавый корабль, вбитый в землю. Это было завораживающее зрелище, и у меня появилась мечта — залезть на этот корабль и погулять по его палубе. Но, к сожалению, как мы ни пытались закинуть на него верёвку, чтобы по ней взобраться, как ни искали лестницу или отверстие, чтобы пробраться внутрь, у нас ничего не вышло. Корабль потом с поляны убрали, а на месте него построили детскую площадку. Мне этот психоделический корабль посреди жилых домов до сих пор снится, ещё снится море, к которому я отчаянно рвусь, чтобы погрузиться в прохладные волны. Очень скучаю по морю.

Мы любили ездить на море летом с родителями на машине дедушки — кажется, «Москвиче». Машина часто ломалась в дороге, дедушка её часами пытался потом завести, все были расстроены, но до моря всё же добирались после починки. Папа меня называл «Спичкой» из-за излишней худобы, потому что я ела мало и есть совершенно не хотела. Из-за чего родители часто ругали, сажая за стол со словами: «Пока всё не съешь, со стола не встанешь, гулять не пойдёшь!» И я с обиженным лицом сидела над тарелкой либо кривлялась с отвращением, глядя на еду, ковыряя её ложкой. Но помню также и попытки встать из-за стола — тогда отец или мать сажали обратно, я громко ревела от обиды. Мама рассказывала, что, когда я была младенцем, ела так же плохо, всё вываливая обратно изо рта. Она думала, что, возможно, я чем-то болею, бегала со мной по врачам, но те никаких болезней не обнаружили.

Я смотрела в окно, как кривляется Максим, который меня пытался рассмешить. Притворно смеялась на его гримасы, дабы не обидеть, и знаками показывала, что родители не выпускают из дома. В тот момент я чувствовала себя нужной и даже взрослой: вот такая девочка послушная, дома сидит, кашу есть пытается. В квартире было мало мебели, балкон не застеклён, на шторах дырки, тараканы днём прятались за шкафами. Отец любил что-то чинить: то телевизор, то ещё какую-либо электронику. Мама — шить, вязать. Отец повесил качели на дверных косяках, и мы с братом по очереди на них катались. Однажды мама пошла в школу на работу (она работала учительницей старших классов) и оставила меня с братом одних дома. Мы решили погладить ковёр и включили утюг, а потом увлеклись играми на кухне, пока утюг дымился на ковре. И не пришла мама. Она увидела утюг, спасла нас от пожара, но пятно ещё долго ей напоминало, что нас оставлять одних дома опасно.

Самая заветная моя мечта была — полетать на самолёте, всё детство ею бредила. Дошло до того, что я решила смастерить парашют из тепличной плёнки, приделав к нему верёвки, и прыгнуть с какой-нибудь высоты. Весь день латала дырки в пакете, потому что тепличную плёнку родители, используя многократно на теплице, изодрали. Скотчем что-то удалось заделать, и с этой работой я вышла на улицу, чтобы похвастаться друзьям своей затеей, воодушевлённо рассказывая, что если с разбегу побежать с этим пакетом, то ветром может подхватить и, вероятно, даже взлетишь. Они верили, но сколько я ни бегала с этим пакетом по улице, взлететь так и не удалось, и решила я тогда, что тактику надо менять: нужно прыгать с высоты. Мы пошли на чердак, но по пути я обнаружила ещё одну дырку и села на подъездной лестнице, чтобы её заделать. В это время как раз возвращалась мама с работы и, увидев меня с пакетом, спросила, что я делаю. Я ей рассказала о своём плане, она испуганно отобрала у меня пакет и отругала, забрала папины инструменты и скотч. Только потом я спросила папу: «Из чего делают парашюты?» И он ответил: «Из особого материала, не пропускающего воздух, тепличная плёнка для этого не подходит». Таким образом моя мечта осуществилась лишь спустя больше 20 лет.

Ещё мы ездили к бабушке на дачу за вкусной и большой клубникой летом, и хоть на даче мне не нравилось из-за беспорядка кругом, но клубнику и другие ягоды, что росли там, я любила. Неродная и единственно близкая бабушка Юля, любовница дедушки, любила нас очень смачно целовать в губы и запрещала потом вытираться от её слюней. Такое вот садистическое проявление бабушкиной к нам любви. Ещё она разговаривала с помидорами, рассадой, верила, что растения её понимают. Дедушка был молчаливым и суровым, никогда не женился на женщинах, всегда лишь только сожительствовал с ними. С нами не был ласков, и какая-то отстранённость и отчуждённость от нас чувствовалась во всём его поведении. Сначала умер дедушка от рака лёгких, а следом через год умерла и бабушка от рака желудка, когда мне было 20 лет. Умерли они в разных городах: дедушка в Липецке, бабушка в Ульяновске. А следом ещё через год умерла и единственная жена дедушки, уже родная моя бабушка по папиной линии. Случайное стечение обстоятельств?

Одно событие из моего далёкого прошлого, которое стало впоследствии болезненным для меня, — это когда меня одну бросали родители дома по разным причинам. Например, было у меня жёлтое платье без пояса с карманом посередине, на котором была изображена уточка, оно мне не нравилось, и я ни в какую не хотела его надевать. Тогда отец говорил: «Если не наденешь это платье, останешься дома, никуда не пойдёшь!» Но я хотела другое платье, голубое, и таким образом отец уходил, оставляя одну в голубом платье посреди комнаты, и я не могла поверить, что меня все бросили из-за какого-то платья, а я осталась дома совершенно одна и плакала. В очередной такой день «предательства» родители с братом ушли, оставив меня одну рыдать в ванной. Когда вернулись, я продолжала лежать на полу, уснув на холодной и грязной плитке возле унитаза. Тогда родители испугались, разбудили, подняли на руки, положили на кресло, и мама стала умывать моё лицо «святой» водой из банки, которую набирали обычно на Крещение, думая, что в меня вселился бес и я потеряла сознание от истерики. Точно и не помню, от чего я оказалась на полу, смутно вспоминаются те события, но очень хорошо, зато, запомнилось ощущение грубого и неприятного обтирания лица водой.

Родители всегда были творческими людьми. Половина всей мебели в нашей квартире была сделана вручную отцом: полка для обуви, кресло, стол, кровать, полки для книг и даже титан. Мама также любила шить и вышивать. Платья, которые были на мне на утренники и праздники в детском садике, все сшиты её руками. Из-за однотипности и дефицита красивых и модных вещей уметь шить в то время было необходимостью, чтобы хоть как-то выделяться из серой массы. Зарплату отцу часто не выдавали, а под зарплату отец приносил коробки с консервами, сгущёнкой. Питались мы практически за счёт дачи и леса, так и выживали. Ещё у нас под балконом был небольшой огород, в нём росли клубника, зелень, крыжовник и смородина. Мама посылала по весне нас собирать папоротник, стебли молодых лопухов, из которых делали вкусное жареное блюдо в соевом соусе, одуванчики или шиповник, из которых варили варенье. Навоз не покупали для рассады, а собирали лопаткой во дворе за коровами в железное ведро лепёшки. В подвале дома выращивали соседи утят. Моя подруга Маша, чья бабушка всем этим хозяйством занималась, пригласила меня посмотреть на утят. Мы спустились в подвал, и сразу ударил в нос неприятный запах животного кала вперемешку с сеном. Потом как-то Маша стала искать одну из уток, которая сбежала из подвала, потому что бабушка их периодически выгуливала на свежем воздухе и одной из уток не досчиталась. Только потом я узнала, что утку эту приготовили мои родители, всячески оправдываясь, что понятия не имели, чья она была,

так случайно нашли во дворе. Но точно в этом не был замешан мой принципиальный отец, который жил в то время с верой в советские идеалы, порядочность и честность, потому что так был воспитан. Поэтому как утка оказалась на нашем столе, до сих пор для меня остаётся загадкой. Машенька была красивой девочкой с длинной светлой косой. Её бабушка и дедушка имели большое хозяйство и огород, в который я с братом или с друзьями периодически лазили за ягодами. Нас гоняли, ругали, но ягод так хотелось, что Машу уговаривали впустить в огород ненадолго, пока бабушка не видит, и она иногда на уговоры соглашалась. Мы наедались ягод, и Маша становилась, в благодарность нам, близкой и лучшей подругой.

Рядом с домом была речка, и во время невыносимой жары мы находили в этой реке самое глубокое место и прохлаждались в ней, ловили рыбу, смотрели на цветных и тонких, как волос, червей, из-за чего прозвали это существо «Конским волосом». Панический страх разнёсся среди деревенских детей, что волосы эти не простые: они внедряются под кожу человеку и съедают все органы внутри. Кто изначальный виновник этой небылицы, уже никто и не знает, но это на время речку сделало неприятным и опасным местом для купания. Когда же засуха стояла слишком долго, речка превращалась в ручей. Во время большого ливня она разливалась бурлящим и грязным потоком за берега. Через эту реку переброшены были два моста, маленький и большой, так и прозвали эти мосты. Большая часть наших гуляний была проведена на этих мостах, на реке. Максим жил на третьем этаже, и иногда я приходила к нему в гости. Отец его наловил корюшки и всё это высушивал на балконе, хвостами, прибитыми к доске. Я уговаривала Максима поделиться, но он боялся, что родители отругают, — он никогда практически не делился со мной ничем.

Мои родители ссорились часто, делили квартирное пространство, какие-то документы, отец требовал ключи или мама что-то ему не отдавала. Однажды мама кричала, стоя в зале, а отец в коридоре, и я между ними испуганно плакала: «Мамочка, мамочка!» Она оттолкнула меня со словами: «Иди к своему отцу!» Мама, от которой ожидает защиты испуганный ребёнок, не понимающий, что за шумный и яростный ураган носится между родителями, пытаясь понять этих грозных великанов и их серьёзные проблемы, ища защиты, но вместо этого её отшвыривает к отцу тот единственный человек, являющийся убежищем от зла. Я понимаю, мамочка ничего нам не должна, она не бог, она живой человек, и у неё много и без того проблем: трагедий, разборок с отцом, фрустрации из-за неудачного брака, нищеты, бесконечных депрессий, нервогрёпки на работе, а тут ещё и оружие под ногами дети. Она не бог, чтобы выдержать такую непосильную нагрузку на психику, и любой на её месте однажды бы взорвался в гневе на всё, в том числе на своих детей. А эмоциональная травма всё же была нанесена, и событие тем самым отчётливо запомнилось. Мои родители в таких тяжёлых условиях борьбы, проблем всё же старались быть лучшими для своих детей, они составляли отчасти образцовую семью того времени. Это сейчас, из-за непонимания сложности той эпохи, не учитывая многих факторов, можно поспешить осудить, но «не суди, да не судим будешь».

Мама вкусно умела готовить, но обычно по готовке и уборке обязанность переносила на папу, что в дальнейшем за ним окончательно закрепилось. На папе всегда была не меньшая нагрузка, а то и большая за семейное благополучие, но такой у него характер, что он любил маму и выполнял все её прихоти, приказы и капризы беспрекословно, и, видимо, это ему нравилось. Мама была строгой и даже властной в какой-то мере. Не любила, когда её не слушают, старалась занимать комфортную позицию, и с возрастом эти качества только усиливались, пока

жить с ней стало невозможно без борьбы за своё личное пространство. Но это потом, а пока она старается быть мамой, и характер у неё ещё достаточно милый. Она верила в мистику и жила в каком-то своём фантастическом мире, среди ведьм, НЛО и экстрасенсов, энергетики и призраков. Гадала на картах соседкам, предсказывала будущее, и по теории вероятности однажды это будущее отчасти сбылось у её подруги Лены. Лена после того, как ей несчастье нагадала мама, вышла из дома и попала под машину, сломала руку. Слухи разнеслись по улице, что мама моя — ведьма, и с ней лучше не шутить. Стали её бояться, тень пала и на меня как на дочь самого дьявола. Однажды у нас перегорел счётчик в квартире, потух свет, и папа попросил маму поддержать свечу в подъезде. Пока мама держала над ним свечу, тень папы на стене исказилась и стала напоминать дьявольскую рожу с длинным носом. Тогда мама и поняла, что вышла замуж за самого дьявола! Ну а дети её, следовательно, — бесы. Она ненавидела и дедушку за тот случай, когда он её ударил, пыталась навести порчу на его портрет, колола его иголками, а потом замученный образ деда закинула с проклятьями за шкаф. Она любила моего брата больше, чем меня, потому что он был на неё похож: светлые волосы, голубые глаза, пухленькие щёчки. Я же была темненькой, как мой отец. И больше внимания, естественно, она уделяла братику, а мне внимание уделял папа. Когда мы шли по парку, мама держала за руку братика, а отец тащился со мной следом. Волосы мама мои не любила заплетать, говорила: «Волосы как солома, что заплетай, что не заплетай, всё равно банты слетят». Так я с распущенными волосами и не стриженной чёлкой, которая лезла в глаза, так и попала в кадр на фото во время новогоднего утренника. А дома я с братом любила, взявшись за руки, бегать кругами по комнате под песни Высоцкого, которые любил отец.

Однажды я гуляла во дворе и увидела, что дети, которые играют в песочнице, совершенно без одежды. А было очень жарко, и мне захотелось тоже гулять голой. Я зашла домой и стала просить родителей меня раздеть, но родители не соглашались и объяснить не могли, почему нельзя. В итоге я стала плакать в коридоре: «Хочу гулять голой!» — пока криками не спровоцировала родителей на действие. Они содрали с меня платье и вышвырнули в подъезд. Я стояла в подъезде, рядом с закрытой дверью, и не могла понять, что это только что произошло. Зачем они так со мной? Как действовать дальше? И решила продолжать плакать. Проходил мимо сосед с третьего этажа и, увидев меня, дал конфету и пошёл дальше. Потом проходила соседка, пышная и добрая женщина, которая меня забрала к себе домой и напоила молоком, пока не пришли за мной родители. Это инцидент принижения наготы, по понятным причинам, тоже хорошо отложился в памяти.

Бывало, что отец приносил для развлечения каких-нибудь зверюшек: утят, кроликов, кошек, собаку, ёжика, хомяков, но долго у нас никто не задерживался: либо умирали, либо сбегали. Особенно мама не любила кошек, она их выбрасывала в подъезд, где либо они бесследно исчезали, либо находили их я или брат и возвращали обратно. Мама же отрицала свою вину: «Сама убежала, дверь была открыта». Отец пришёл с работы, разделся, прошёл на кухню. Братик следом побежал за папой, как вдруг остановился и закричал: «Что это?!» В коридоре на пороге сидели маленькие крольчата: беленький и чёрненький, самка и самец. Когда они прыгали по нашей квартире, оставляли за собой круглые горошины, топали лапками по полу, прижимались от страха друг к другу. Мы позже купили для них клетку, и эту клетку нужно было ежедневно убирать, потому что в ином случае из неё начинало вонять. Я уже не помню, почему мама решила её отнести зимой на балкон, — может, лишний шум создавали, спать мешали, может, запах, — но кролики замёрзли насмерть. Сначала замёрз самец, пытаясь обогреть самочку теплом своего тела. Самочка наутро выжила. Но мама всё равно не забрала

клетку в комнату, и на следующее утро умерла и самка: лежала неподвижно с телом своего друга. Мама ужасно поступила, ей жестокости, к сожалению, не занимать. Я не могу до сих пор понять мотивов её хладнокровности. Я просила маму спасти хотя бы «Беляшку», так мы её прозвали, но мама была уверена, что следующая ночь будет тёплой и ничего с ней не случится, а самец скорей всего умер не от обморожения, а от какой-то болезни, но ледяные, окоченевшие трупы говорили об обратном. Так постепенно я стала привыкать к смерти, понимать, что она не щадит никого, каким бы миленьким и няшным ты ни был, красота не защищает от жестокости, никто от смерти не застрахован.

Когда папа принёс ёжика, он у нас сразу спрятался за шкаф и выходил оттуда только ночью, чтобы попить молока и покушать. Ёжик — самое бесполезное существо в доме: его не погладить, с ним не поиграть, он постоянно прячется, и о его присутствии часто забываешь, пока он не заболит. А пока мы решили его показать бабушке Юле и принесли в коробке. Бабушка закричала: «Зачем вы его принесли?» Бабушка явно была недовольна затеей. Мы спали все втроём на бабушкиной кровати и проснулись от того, что кто-то быстро топал вокруг кровати и шелестел газетой. Бабушка включила свет — ёжик затих. Выключила, легла — и топот продолжился. Наутро мы обнаружили рванные и разбросанные газеты, стопка которых аккуратно когда-то лежала в углу. Ёжик всю ночь трудился, пытаясь из них создать себе убежище. Через некоторое время ёжик заболел, и тут пришлось решать, куда его девать или как лечить. Мы отнесли его в детский сад. Это был мой единственный и последний ёж за всю мою жизнь.

Умирили животные также и по моей вине. Например, была у меня беременная самка хомяка, но я не знала, почему она такая толстая, думала, у неё такая физиология, поэтому беспощадно её тискала, ею играла на руке. И в один из дней мы обнаружили, что она лежит мёртвая, а рядом с ней её новорождённые и голодные, голые и слепые хомячата извиваются в поисках мамы, которая их бы покормила. Умерли в этот день все, никто не выжил, один за другим переставали двигаться. Как принимать роды, как ухаживать за новорождёнными, ни я, ни мои родители не знали. Мы только лишь беспомощно смотрели на их отчаянную попытку выжить, а потом всех похоронили за большим мостом в коробке, закопав в землю.

Но ещё одно из самых ужасных событий произошло с очередным «подарком», когда я хомяка понесла к Максиму в гости, показать это чудо. Несла в деревянной маленькой клетке, в которую я положила тряпочку, чтобы ему было уютно спать. И уже в подъезде решила эту тряпочку поправить, выпустив хомяка погулять по подъезду. Наводя порядок в клетке, я услышала хруст под ногами. Подумала, что это спичечный коробок, я посмотрела вниз и увидела его, обездвиженного. Подняла его на руки — у него из носа шла кровь. Я попыталась его разбудить, но он не шевелился, и тогда на меня напал весь ужас осознания происходящего. Я закричала на весь подъезд, слёзы хлынули потоком, и я перестала что-либо понимать, просто громко плакала, стоя в углу подъезда минут 15, пока сестра Максима, Света, не спустилась вниз. Увидев меня, а потом хомяка, она всё поняла и пошла за моими родителями. Пришёл папа и стал успокаивать. В тот же день мы мёртвого хомяка похоронили на берегу реки. Это было моё первое случайное убийство млекопитающего. Детские мои глаза также успели увидеть ужасающее разделывание кроликов у отца Максима в гараже, когда он меня однажды пригласил посмотреть «интересное». Он подвешивал их за задние лапы и лезвием подрезал кожу, стягивая её словно чулок с дергающихся, ещё живых кроликов. В его гараже, раскрашенном

яркими красками, голубого и оранжевого цветов, как красивый детский домик, стояли клетки с кроликами, на крючках висели туши уже убитых и голых, и вокруг гаража бегала их большая и лохматая собака Ая.

Кому в детстве не говорили родители, когда видели наши капризы в общественных местах, указывая на тётю поблизости: «Если не успокоишься, отдам тебя этой тёте», — и мне так же однажды сказала мама, когда мы ехали к бабушке Юле в гости на автобусе. Бабушка нас встречала неприятными поцелуями, оживлённо и громко радуясь нашему приходу. Она очень любила маленьких детей. У самой же был сын Игорь, худощавый и длинный парень лет 30, который одевался во всё чёрное и любил черепа. У него в комнате жил ворон, он сидел на шкафу и грозно наблюдал за суетой внизу. Игорь обычно в свою комнату не пускал, но иногда, когда у него было хорошее настроение, он позволял нам смотреть кабельное телевидение у себя, включая фильмы ужасов. Но мы были неугомонными детьми, поэтому это происходило не часто. Игоря практически не помню, он в квартире появлялся редко. Зато помню, как мы любили лазить в его шкафах, когда он отсутствовал, рассматривать маленькие черепа, кресты, ножи и другие интересные вещицы. Однажды бабушка увидела нас за этим занятием и запретила туда лазить, потому что Игорь будет ругаться. Помню, как бабушка готовила что-то на кухне: варился мосол, стоял аппетитный запах, и хотелось есть. Когда я стояла рядом со столом, она угостила меня хрящами со словами: «Вкусные, очень их люблю. Попробуй». После этого я полюбила хрящи и сгрызала мясо с косточки всегда вместе с ними ещё много лет. На подоконнике у бабушки росли настоящие помидоры и мандарины, а под диваном лежали вещи на продажу, и почему-то бабушка очень боялась, что их кто-то обнаружит. На балконе у бабушки часто громко ворковали голуби, она их прикармливала из-за одиночества: ей не хватало о ком-то заботиться, и животные, и растения порой компенсировали ей эту потребность. Мы гладили голубей, держали их на руках, а потом бабушка отправляла нас мыть руки, чтобы мы не подхватили какую-нибудь инфекцию. Иногда втроём голенькие мылись вместе в ванной и тёрли друг другу спину, при этом бабушка в блаженстве громко кричала, когда мы ей натирали спину мочалкой до красноты. Пар стоял в квартире от душа, ванная была тесная, дверь открыта нараспашку, а мы намыливали друг друга. Обычно бабушка нас забирала из детского садика, и по пути мы гуляли во дворе под её присмотром, катались на качелях. Рядом с квартирой бабушки жила хорошая знакомая соседка с дочерью Светой. Они часто с бабушкой уединялись на кухне и пили водку, пока мы со Светой играли в игры на кровати: она стояла у стены, мы подбегали к ней, и она толкала нас на кровать. Мы падали, поднимались вновь и снова со смехом бросались к ней. Со Светой мы гуляли, она покупала нам вкусняшки, и мы очень любили Свету, а за нами бежала коричневая болонка, собака бабы Юли.

Детский сад для нас с братом был самым скучным местом. Когда нас будили родители, чтобы отправить в садик, вставали очень рано, и они включали нам мультики по ТВ, обычно их показывали после новостей. Мы чистили зубы, протирали под краном с водой мокрыми пальцами сонные глаза, имитируя умывание, и садились смотреть мультики, пока родители одевались на работу. Ещё не рассвело, но родители оставляли меня в одной группе, брата в другой. Я стояла у окна и смотрела на огни за стеклом, шершавый подоконник, от чего потом возненавидела крашенные колючки торчащих заноз из дерева. Подоконники в то время, как и рамы, были деревянными и не всегда аккуратными. Мы практически не общались с другими детьми, друзей из сада новых не нашли. Обычно я играла всегда в одиночестве сама с собой вдали от других. Помню, я просто кружилась в центре комнаты, пока не стало тошнить. Помню тихий час, и я не могла уснуть, играла под одеялом со своими руками, представляя их в виде человек-

ков. Помню желатинное, безвкусное блюдо, которое однажды попробовала в садике и потом возненавидела его надолго. Максима наконец-то перевели к нам в группу, и у меня появился хотя бы один друг, дабы коротать время в этой тюрьме. Мы сидели на полу, и я разглядывала дырку на моих колготках, и я сказала Максиму: «Вот сейчас возьму и порву свои колготки окончательно, а потом всю одежду на себе и буду голой!» Мы засмеялись, а я продолжила: «А потом ты свою, и потом все люди вокруг свои одежды разорвут и выбросят, и будут все голые!» Когда нас выгуливали воспитатели, — это единственные радостные моменты, которые вспоминаются в детском саду. А самое лучшее время — это когда Женя «снимающий трусы» однажды встретился на прогулке в одной из групп. Мы бегали вокруг веранды, и спрятаться в подъезде уже не было возможности. Но даже там воспитательница Женю поставила на место, чтобы девочек не смел обижать, поэтому он пригрозил мне, что после сада обязательно меня поймает. Мы стояли возле железного забора, в котором была дыра, и я Максиму предложила бежать вместе со мной, но он испугался и отказался. Максим всегда был нерешительным, и я жалела, что Дениса вместо Максима не поместили в мою группу. А друзей новых заводить я не умела и до сих пор не умею, привязываюсь к старым и стараюсь не терять, потому что знаю, что для новой сильной и крепкой дружбы нужно много времени, которое лучше всего проверит отношения на прочность. Также проводились творческие мероприятия, когда всем детям раздавали пластилин и давали задание слепить что-то элементарное, например пятиконечную звезду. Я её слепила и была удивлена, что кроме меня никто с этим заданием не справился, за что заслужила похвалу воспитателя. Этот момент мне потому и запомнился — из-за чувства переполняющей гордости. Когда меня папа забирал из детского сада, я, натягивая колготки на ногу, зачем-то про себя подумала: «Я запомню этот день на всю жизнь, эти бежевые колготки, маленькие шкафы, уставшего папу, лестницу, по которой мы сейчас спускаемся». Я хотела уловить каждый миг, поскольку смутно осознавала несовершенство нашей памяти. И как ни странно, но благодаря этому тот день, который не вызвал особых эмоций, хорошо запомнился.

Через дорогу у нас находился единственный крупный магазин, в котором мы однажды украли рогалик хлеба, засунув за пазуху и выбежав с братом, а потом с удовольствием его уплетали. И через эту же дорогу мы совершали самоубийственный экстрим, когда видели машину: задача наша была как можно ближе пробежать под её колесами, при этом не попасть под машину. Так и бегали, то брат, то я, по очереди, пока нас не отругали родители, которым доложили соседи о наших играх.

Помню ночь: отец что-то делал в своих инструментах, я сидела на кресле, а по телику показывали, кажется, «Историю О», фильм с элементами БДСМ. Всех подробностей из этого фильма не помню, только лишь надевание пирсинга на половые губы девушки. В фильме я ничего не понимала, потому что ещё тогда была маленькая, и отец был занят своими делами, и фильм практически не смотрел. Мы часто сидели на кухне, и я смотрела мультики, старые фильмы, сериал Шерлока Холмса, новости. Поэтому этот вечер не выделялся ничем особенным среди других вечеров, проведённых на кухне с папой, пока мама спала в зале. Но, возможно, именно сценарий фильма каким-то косвенным образом засел в моём подсознании и повлиял на всю мою жизнь.

Глава 2

В дождливый и пасмурный день мы пошли с родителями в школу, в первый класс, первого сентября, нарядные, как положено. Братик — в костюме, я — в тёмно-коричневом платье и фартуке, с бантами на голове. Перед этим мама сшила мне прозрачные кружевные фартуки, купили мне школьную форму — аж несколько платьев на вырост. Фартуки моей мамы были лучшими: у всех стандартные, а мои — самые красивые, потому что это ручная работа. В то время школьная форма была обязательной. Было много народу, суеты; детей распределяли по группам. И мы потеряли родителей из виду, после того как какие-то тётки нас поставили в ряд с другими детьми и сказали идти за ними следом. Так мы оказались в классе «Е», сидели напряжённо за партой и испуганно смотрели на происходящее, пока полная женщина что-то объясняла у доски. В класс заглянули наши родители в поисках нас: «Вот они где, идите сюда!» Оказалось, что по пути за своей группой мы заблудились и пошли не за той группой, не в тот класс. Нас привели родители в класс «А», но там мы долго тоже не задержались, потому что наше с братом странное поведение всех настораживало. Брат спал на уроках, а я испуганно смотрела на учительницу, и, когда меня о чём-то спрашивали, я, зная ответ, всё равно боялась что-то сказать, стояла и молчала, пока меня не оставляли в покое. И хотя мама работала в этой школе и с директрисой у неё были хорошие отношения, но отстоять право не переводить нас в класс для детей из неблагополучных семей она не смогла. Нас с братом перевели в самый худший класс школы — в класс «Д». Там у меня и начались проблемы. Дети были воспитаны по-другому, знали уже, что воровать, грабить и материться — это нормально, что выживает сильнейший. Я подружилась с девочкой Катей из этого класса; она казалась мне по детской наивности подружкой. Короткие волосы, постриженная под мальчика, — видимо, из-за вшей, — плохо одетая. А так как я не имела опыта общения с такими детьми, я не знала, что они способны на подлость. Однажды мы шли вместе в столовую, и она зашла за дверь у входной двери, позвала меня с собой. Там прижала к стенке и потребовала вареники и то, что у меня висит на шее, думая, что это ключи от квартиры. Я вытащила крестик и показала ей, но она потребовала: «Всё равно отдавай!» Я сняла крестик и отдала вареники из серой шерсти с белой снежинкой, которые мама мне связала, и она с моими вещами ушла, но недалеко. Потому что навстречу шла моя мама и, увидев у Кати мои перчатки: «Что она у тебя ещё забрала?!» — отобрала их у неё и мне всё вернула, вместе с крестиком. На этом дружба наша с Катей закончилась, мама запретила с ней общаться, а ей — подходить ко мне. Я не понимала, что это грабёж, и до последнего думала, что просто даю подруге поносить свои вещи. В этом же классе мы поняли, что вещи оставлять нельзя: такие дети, как стервятники, хватают всё, что неправильно лежит. Приходилось брать свои вещи с собой в столовую или в туалет. Видя опасность нахождения в таком классе, мама уговаривала директрису перевести нас в другой класс, и она наконец-то сжалась и перевела нас сначала в класс «Г», потом в «Е», который оказался последним, где мы и доучивались с братом изгоями до конца школы.

Я любила смотреть, как мнут в руках липучку полные и мягкие руки учительницы, — почему-то меня это зрелище завораживало. Она расхаживала по классу и что-то всё говорила, а я боялась поднять на неё глаза. В Прописи так и писали: «Девочка неразговорчивая, в мероприятиях не участвует, всего боится» или «У неё нет друзей, очень замкнутый ребёнок, но старается учиться». Так потом и осталась эта тетрадь с Прописями и замечаниями учителей красной ручкой на полях на память. У меня, кроме брата, из друзей совершенно не было никого за 8 лет обучения в школе — я всегда была одинока. Приходила в школу, сидела за партой с братом, а потом вместе уходили. И казалось нам: друг друга вполне достаточно, зачем нам ещё кто-то. Класс шумел, дети бегали друг за другом, вокруг нас с братом суета, а мы будто изолированы от всех в своём мире, только наблюдатели за происходящим вокруг, как в кино. Когда я получила первую двойку, я выбежала из класса и расплакалась в коридоре; вышла учи-

тельница и стала утешать: «Ну хорошо, не поставлю я тебе двойку, поставлю тройку, пошли в класс». Другой неприятный случай позора произошёл однажды, когда меня вызвали к доске специально, чтобы публично унизить за внешний вид: «Дети, вы только посмотрите, как она неряшливо одета! Что это у тебя за мешки на коленках?!» У меня были растянутые колготки, и не помню, насколько я выглядела неряшливо, за что удостоилась таких унижений, но итог — дети ещё больше стали меня избегать. Мало того, что мне сложно было наладить с кем-либо отношения в классе, так учителя подлили масло в огонь своими замечаниями, выделяя меня в неприглядном свете.

Однажды учительница оставила нас с братом, чтобы поговорить с нами наедине после уроков: «Вас бьют родители? Родители пьют?» Получив отрицательные ответы, она, наверное, подумала, что, пригласив нас к себе в гости и угостив печеньем с чаем, мы станем более разговорчивыми. Мы пошли все троём к ней в гости; был уже вечер, и она достала варенье с печеньем, налила чай и стала продолжать допрашивать о родителях и климате в семье. Обычная семья, родители не пьют, работают, — а отчего дети такие нелюдимые, так и осталось для неё загадкой. Я боялась есть печенье, боялась пить чай, смотрела в пол и даже боялась сделать лишнее движение. Брат сидел рядом и тоже чувствовал себя скованно, но доброта и мягкость учительницы нам нравились, мы ощущали даже некоторую любовь к ней, которая и по сей день сохранилась в тёплых воспоминаниях.

До 5-го класса школьные годы обучения практически вычеркнуты из памяти как что-то невероятно скучное, поэтому все интересные события в ней начинаются только после 5-го класса, вместе с первой влюблённостью. А пока расскажу лишь о событиях, проходящих за пределами школы. По-прежнему дворовые друзья в нашей жизни занимали первое место. Но мой брат с отцом на каникулах уехали на материк, и я дома осталась одна с мамой. Это была самая счастливая и спокойная пора моего детства, когда между дочерью и мамой наконец-то установилась родственная связь. Мама меня учила готовить, вязать, а по вечерам рассказывала мистические истории. Я часами любила слушать маму и вместе с ней фантазировать. Когда она уходила на работу, я убиралась, мыла полы и старалась, чтобы мамочка была мною довольна, — всё делала тщательно. Мысленно я назвала её «Богородицей» и очень сильно любила. На фоне маминых историй у меня разыгралась фантазия. Стала воображать, что моя мама ночью перевоплощается в красивую ведьму и что я на самом деле тоже ведьма, просто у меня сейчас закрыты способности, потому что я ещё маленькая, и родилась я на кладбище ночью при луне. А на месте, где красное пятно на лбу, был золотой рог, и, когда я вырасту, буду, как моя мама, сильной и красивой колдуньей. Пока отсутствовал братик с отцом, со мной что-то случилось, я сильно изменилась, стала больше погружаться в мир грёз, отдалилась от друзей, предпочитала компанию собаки Аи, с которой я пыталась разговаривать в один из дождливых дней, сидя на заборе. Денис приходил ко мне редко, с Максимом тоже дружба не ладилась, особенно после того случая, когда мы шли к моему огороду и о чём-то спорили, он ударил меня ногой в живот и убежал. Я его долго не могла за это простить и рассказала об этом Денису, который заставил его прийти с извинениями, но наша дружба после этого случая уже не смогла окончательно оправиться. Я стала настолько отстранённой от реального мира, что это стало бросаться в глаза даже соседям, которые маме докладывали о моём одиночестве. Могла часами стоять в подъезде, играя мусором, строя дома из него и разговаривая сама с собой. Мне никто не был нужен, и я не стремилась найти друзей. Ходила одна на речку, бросала камни в воду, мечтала, разговаривала с богом, после того как мама рассказала мне о боге и дала молитву «Сон Пресвятой Богородицы», сказав: если я перепису её 3 раза, то бог исполнит моё жела-

ние. Я стала переписывать молитву от руки, своим детским и корявым почерком, ещё толком не зная своих желаний, которые смутно зарождались в моей душе. Одну молитву цветными фломастерами я переписала для своего братика, которую отправила ему на материк с письмом. В нём говорилось о желании, чтобы он поскорее вернулся, ведь мне без него очень грустно. В один из вечеров, когда мама лежала на кровати и вязала, над ней на стене висел портрет — фотография брата, — который по непонятным причинам вдруг слетел со стены и упал на маму. У мамы сразу возникло неприятное предчувствие: «С сыночком что-то случилось». А через несколько дней мы получили письмо, в котором отец пишет, что сына положили в больницу с желтухой. Мама также научила меня молитве «Отче наш»: когда однажды мы молились за брата и отца возле образа, я повторяла молитву за ней. На основе всех переживаний и новой информации приснился сон, словно я ночью стою посреди двора и из подъездов и углов домов выходят люди с ножами и злые клоуны. Я в голубом и длинном платье выбегаю на дорогу, на перекрёсток, падаю на колени и читаю молитву «Отче наш». Неожиданно я будто вижу себя со стороны — голубым пятном на распятии, которое было перекрёстком. С неба на меня упал свет, и все люди с ножами, и злые клоуны попрытались обратно, откуда вышли.

К нам в гости приходила подруга Лена, та самая, которая сломала руку после гадания мамы; она же и была матерью Дениса. Мама ей часто гадала, и они курили на балконе, часами о чём-то разговаривали, пока я сидела на кухне и смотрела телевизор. Они подозвали меня к себе и посадили на стул, Лена стала щупать мою голову и сказала: «У неё будет два брака». Я не понимала тогда, как они определили моё будущее по моей голове, но, ничего не сказав, ушла на кухню смотреть фильм. Потом Лена подошла ко мне и спросила: «О чём ты мечтаешь?» И я сказала, что мечтаю о балетках, как у зайца из «Ну, погоди!», — она рассмеялась: «И это всё?» Мне казалось, что балерины — это само изящество и лёгкость, и я так хотела быть такой же нежной и женственной, как они. Но так как балериной мне стать невозможно, то хотя бы приобрести балетки и пытаться танцевать в них дома. К тому же у меня было нежное голубое платье, которое я очень любила, и с балетками оно бы превосходно смотрелось. Мама меня часто предостерегала, много лет повторяя одно и то же: «Дочка, не выходи замуж и не рожай детей! Пообещай мне, что никогда этого не сделаешь!» Я маме: «Обещаю, я не выйду замуж и не рожу детей. А если выйду замуж — только за своего брата!» Мама засмеялась: «Ну за брата ты выйти замуж не сможешь, законом запрещено». — «Тогда за Иисуса!» — уверенно сказала я.

В шкафу в коридоре на полках лежала коробка с шахматами, и, так как игрушек у нас с братом в детстве было немного, мне шахматные фигурки заменяли кукол. Я раскладывала их на доске и придумывала сюжет. Обычно в моём сюжете всегда присутствовало испытание, которое должна пройти героиня, — унижение и общественное отвержение, где в конце она находит своего принца, и они женятся. Говорят, дети умеют предчувствовать свою судьбу и, играя в игры, её создают. И всё было в моей жизни, как в моих играх, но с разницей лишь в том, что принца своего я так и не нашла. Был у меня резиновый пупсик, 10 см размером. Я приклеила ему волосы из ваты, чтобы сделать из него девочку, и оставила так голой. Играла я им, имитируя бога, который её проводит через пытки и страдания, а в конце надевает в красивую одежду и создаёт домик из ваты, тёплую постель и все удобства на новогодней ёлке среди гирлянд и игрушек. Она у меня мёрзла, плакала, была одинока, и единственным другом для неё была я. Мне тогда не было и 10 лет, когда я играла в подобные игры. В блокноте, где мама записывала кулинарные рецепты, я нарисовала домик, вырезала из бумаги человечка и рисовала ручкой подземные лабиринты, через которые его проводила: огонь, воду и медные

трубы, страшных ведьм и гоблинов, и в конце он выбирался из подземелья с большим сундуком денег.

К началу осени отец с братом наконец-то вернулись домой, и первое, что бросилось брату в глаза, — это стоящая и улыбающаяся во весь рот от счастья его беззубая сестрёнка. Тогда он закричал: «Беззубая!» — и мы вместе смеялись. Он был удивлён, как сильно я изменилась за несколько месяцев, даже не сразу меня узнал, будто заново познакомились. Дом наполнился разговорами, шумом, суетой, и всё казалось таким нереальным. Постепенно вместе с приездом моего брата вернулись и наши друзья, точнее, только один лучший друг — Денис, потому что с Максимом дружбы не только у меня не получалось, но и у моего братика тоже. Денис снова стал приходить чаще к нам в гости, я выходить из своей интроверсии, а мама с папой снова ругаться. Когда родителей не было дома, к нам в гости пришёл Денис и принёс мне букет из полевых цветов и ромашек. «За поцелуй отдам!» — сказал он, и я только решилась его поцеловать в щёку, как он: «Нет, в губы!» — и я отстранилась от него с удивлением и гордо помотала головой. «Ладно, бери!» — протянул он букет. Теперь я чувствовала какую-то пропасть между мной и Денисом: я не могла больше быть той непринуждённой и раскрепощённой девочкой, которой была. Стала очень стеснительной и закрытой, словно во мне начало пробуждаться нечто, что я пыталась в себе утаить и стыдилась этого, из-за чего наши с братом общие друзья стали друзьями лишь брата, а я всё больше погружалась в одиночество. Теперь сексуальный характер брал верх в наших отношениях, и скрыть это было уже невозможно. Я хотела нравиться Денису и надела своё любимое голубое платье, в котором я чувствовала себя красивой. Я расхаживала перед Денисом в своём платье, пока они с братом сосредоточенно о чём-то разговаривали, не обращая на меня внимания. Меня это сильно задевало, и я всё же решила влезть в их диалог, чтобы хоть как-то обратить на себя внимание, и наконец Денис его на меня обратил. Когда я стояла у проёма двери, он подошёл практически вплотную, внутри меня всё сжалось в комок от смущения, и я быстро ускользнула, но осталась в комнате. Все эти игры кончились тем, что они меня раздели с братом и стали щипать на кровати; я кричала: «Отпустите!» Прикосновения Дениса мне нравились, но щипания брата раздражали, и только из-за смущения перед братом я хотела прекратить весь этот кошмар. Потом я всё же вырвалась и спустилась со второго яруса кровати на первый в поисках своего платья. Они быстро спустились за мной, а Денис моё платье держал в руках. Я пыталась закрыть руками голое тело, сидела на кровати и просила отдать платье. Денис сказал: «Отдам, если встанешь прямо». Я не хотела вставать, тогда он даже показал, как встать надо, чтобы получить платье. Брат смеялся, а я от стыда готова была провалиться под землю. И тут во входных дверях повернулся ключ — пришла мама с работы. Денис испуганно кинул мне платье, я стала быстро одеваться, пригрозив, что всё маме расскажу. Денис просил: «Пожалуйста, не рассказывай!» Я же, чувствуя свою власть над ним, только хитро улыбнулась. Мама зашла в комнату, ничего не подозревая, что сейчас тут произошло, и Денис, видя, что я не собираюсь ничего ей рассказывать, осмелел, быстро собрался и ушёл домой. Ходили слухи, что Денис переломал все кости маленькому котёнку, завернув его в одеяло и прыгая на нём. Насколько достоверно, не могу судить.

Вдали от дома, по пути через деревню, начиналось поле, и за ним — лес. И мы с родителями ходили ночью на Иван Купалу совершать магические ритуалы. Загадывая желания, перелезали через заборы, жгли костёр и через него прыгали. Была тёплая, звёздная ночь, лаяли собаки, и романтично-мистическая атмосфера меня завораживала. Казалось, мы окунулись в сказочный мир, о котором я так давно мечтала, — мир леших, кикимор, ведьм и русалок.

Я пыталась рассмотреть на звёздном небе НЛО; пока возвращались домой, тропинки не было видно, и мама поскользнулась: «Бес попутал!»

Жили мы в беспокойное время, в криминальном районе, где обитали алкаши, и часто появлялись на улице наркоманы и бандиты на чёрных джипах. Приезжала милиция, кого-то ловили, искали, допрашивали соседей. Мы стояли на балконе с мамой, и вдруг окно на первом этаже вылетело от сильного грохота — взорвалась граната; приезжала скорая, кого-то убило. Ходили слухи, что гранату бросили в окно одному из мафиозной группировки другие бандиты за денежные долги.

Были случаи, которые подтверждали наличие ведьминских способностей у мамы, — как, например, когда однажды она поссорилась с соседкой-бабушкой, которая хотела забрать себе часть нашего огорода, своевольно вырвав клубнику и перекопав участок. Тогда мама наслала на неё порчу. Через некоторое время соседка скончалась, что подкрепило уверенность мамы в своих магических силах, и часть отнятого огорода вернулось обратно к нам. Во дворе стоял ящик, в нём — чёрный гроб; проходили похороны бабушки, и стали мою маму все больше бояться. Когда слухи о её силе пронесли по двору, стали бояться и меня; тогда мама мне сказала: «Лучше пусть бояться, чем гадают». Напротив нашего подъезда жил Саша «Дурачок», то есть больной мужчина, умственно отсталый, пастух коз. При виде меня он гнал своих коз подальше и старался обходить меня стороной, приговаривая: «Ведьма!» Мне было смешно за всем этим наблюдать, и даже совсем не обидно; напротив, я внутренне гордилась, что я ведьма, и даже очень хотелось верить, что смогу ею быть. Тогда я стала просить маму научить меня гадать на картах, и она показала несколько видов гаданий. Мама часто просила меня отчистить карты от плохой энергетики, посидев на них. Ведь отчистить гадальные карты может только девственница. Однажды на мамино день рождения, на 13-е пятницу, упал на кухне шкаф и разбилась в нём некоторая посуда, что стало знаком разбушевавшейся нечистой силы в квартире.

С предметом русского языка у меня уже со школы не сложилось. Когда родители заставляли учить правила по русскому языку, я плакала в ванной часами, ненавидя этот предмет. У меня до сих пор внутреннее отторжение от этих правил, и барьер сопротивления бессознательно выстроен между правилами по русскому и памятью — произошло болезненное вытеснение. Несколько неудачных попыток было выхода из ванной, чтобы рассказать правила, но потом меня обратно загоняли в ванную, и я продолжала плакать над раскрытым на полу учебником. Я сидела на холодной плитке в ванной и громко ревела, смотрела сквозь слёзы на банку с «Суржой» в желании наесться моющего средства и умереть. Потом схватила эту банку, открыла и попробовала немного: на вкус — безвкусный песок. Отец зашёл в ванную, чтобы спросить, готова ли я рассказывать выученные правила. Я ответила: «Я съела "Суржу"!» Отец равнодушно: «И как?» И я разревелась ещё больше от обиды, что отцу меня не жалко, ведь я сейчас умру, а он даже не делает попытки меня спасти. Когда успокоилась, я взяла учебник и хриплым голосом, шмыгая носом, стала читать правила. Я их всё же выучила, вышла из ванной и покорно рассказала всё родителям, но неприятные воспоминания осадком остались навсегда.

Бабушка Юля решила нас с братом взять с собой в гости к одной своей знакомой, у которой был сын Максим. Квартира была просторная, стол накрыт. Не помню, какой был праздник в тот день, но застолье было большим, и много взрослых, и всего три ребёнка: я, брат

и Максим. Мы уединились с ним в его комнате и рассматривали его игрушки. Максим был чем-то похож на Женю, и внешне мне очень нравился. Я нашла в его игрушках стеклянного слонёнка и просила мне его подарить, но Максим не захотел его отдавать. Мы сидели втроём в темноте, и я рассказывала мистические истории, которые когда-то рассказала мне мама, в желании Максима напугать. Мы играли в прятки, пока нас бабушка Юля и мама Максима не увели в другую комнату и не уложили спать на матрасе на полу. Я снимала платье, а под ним была майка, и, снимая колготки, наблюдала за реакцией Максима, в желании его заинтересовать, потому что уже тогда в моём сознании зафиксировалось: оголённость — интерес. Мы залезли втроём под одеяло, и я стала Максима щекотать; он громко смеялся, я шептала ему: «Тихо, а то услышат», — но пришла его мама и пригрозила: «Если сейчас не уснёте, я вас разделю!» Мне Максим нравился, и я не хотела, чтобы нас разделяли, поэтому я притворилась, что сплю. Наутро бабушка нас забрала, а я даже с Максимом не успела попрощаться. Мне было очень больно от мысли, что мы больше никогда не увидимся, и с того дня я стала уговаривать бабушку дать адрес Максима, чтобы к нему снова приехать. Или хотя бы снова поехать к ним в гости, но бабушка сказала, что поссорилась с той женщиной и больше ноги её в их доме не будет. Тогда я решила собрать всех своих друзей и пойти искать Максима: брат, Денис, новый друг Костя и Маша. Но по дороге мои друзья поняли абсурдность затеи и один за другим от меня стали уходить. Куда и в каком направлении идти искать Максима, я не знала; я была растеряна, а тоска внутри не давала покоя — сердце к нему рвалось. После этого имя Максим стало моим любимым именем ещё на много лет. Женю перестали бояться мои друзья после того, как Денис с ним подружился, — он всем открыл глаза на правду. Оказалось, что Женя не такой страшный монстр, как его описывала я. Теперь я видела, как Денис и мой брат гуляют вместе с Женей, и мне даже стало обидно, что меня предали, потому что у меня страх перед Женей так никуда и не ушёл, и по-прежнему при виде него срабатывал рефлекс — бежать. Однажды он за мной побежал; я завернула за гаражи и, когда выглянула, увидела его всего в грязи — он упал в лужу, и мне стало смешно. Стоял грязный и злой и обиженно ушёл, сказав: «Всё, больше я за тобой бегать не буду!» На этом наша игра в догонялки прекратилась, и он не делал попыток меня поймать, а я — попыток от него убежать. В один миг мы стали словно чужими друг другу.

Иногда по какой-то причине мама оставляла нас у себя на занятиях старших классов. Мы сидели и скучали на её последнем уроке, а потом вместе возвращались домой. Мама выписывала журналы «Крестьянка» и «Бурда моден», делала вырезки из газет с мистическими историями, рецептами и ЗОЖ. Вся эта макулатура копилась у нас дома, потому что тогда ещё не было интернета. Я также почитывала эти журналы, особенно любила мистические рассказы про НЛО и мечтала, что когда-нибудь НЛО меня заберёт на свою планету, покажет удивительные вещи, а потом вернёт домой. Я рассказала маме о своей мечте с НЛО, и она мне дала молитву, сказав, что ею можно их вызвать на контакт. Эту молитву: «Хибибе, хибебе, казожаж, айоко йо маме...» я произносила на балконе, смотря на звёздное небо, но все мои попытки их вызвать оказались тщетными. Зато накануне мне приснился сон-компенсатор, где НЛО в виде треугольной летающей тарелки с тремя цветными огнями на углах меня похищает и переносит в будущее. В будущем я ищу своих родителей, но не могу найти. В квартире, в которой мы живём, живут совершенно другие люди, и такой фамилии даже не знают. Я бродила во сне по улицам, не зная, куда идти, пока не проснулась. Иногда папа рисовал карандашом, и у него это очень хорошо получалось; он нарисовал мой портрет, но почему-то сам не был им доволен, хотя мне всё нравилось. Также иногда лепил из пластилина — в этот раз он слепил медведя, и я восхищалась, смотря, как у него это искусно получается. Я вообще любила смотреть, как другие делают что-то своими руками, и сама пыталась лепить. Вечером, когда папа чинил теле-

визор, паял микросхемы, вокруг него лежали раскрытые книги с непонятными чертежами, я сидела на полу и лепила из пластилина. Слепила девушку: руки, ноги, грудь, осиная талия — всё как положено, только лысую и без лица. В этот момент к нам в гости пришёл Максим, и я ему показала слепленную куклу. Он взял её и стал выкручивать ей ноги, и я почувствовала возбуждение. Как это произошло, я не знаю, но та жестокость, с которой он это сделал, меня напугала и возбудила одновременно. Я утаила эти чувства, запрятала их глубоко в себе, стыдясь. Сейчас пишу о том, о чём никто не знает: что творится в детской душе невинного, казалось бы, ребёнка. Родилась я такой или сделали меня такой психологические травмы? Также по вечерам к нам приходил в гости Денис, которому тоже не была чужда жестокость, но его жестокое обращение с моими куклами меня почему-то не возбуждало. Так случилось и в тот вечер, когда он пинал мою куклу в коридоре, как мячик, бросая её об стены и пол. Я кричала: «Отдай куклу или я обижусь!» А он не перестал издеваться над ней; тогда я залезла на второй ярус кровати под одеяло, и через некоторое время Денис стал тормошить одеяло: «Возьми куклу. Прости, я больше не буду. Только не плачь». Я и не плакала, только сделала вид в попытках хоть как-то на него повлиять. Когда мама ушла утром в магазин и дала мне задание почистить «Суржой» стол, я осталась дома одна, и, так как мне предоставили полную свободу, я решила ею воспользоваться. Залезла на стол и стала громко петь, не заметила, как зашёл в гости Денис: «О, ты поёшь! У вас дверь была открыта, я слышал, как ты пела». Я засмушалась, слезла со стола и попыталась сделать вид, что ничего не происходило. Вечером на выходных родители решили взять нас с собой на фильм ужасов. Уже было темно, мы стояли у кинотеатра и ждали, когда начнут запускать. Фильм был по-настоящему жутким, особенно запомнился кадр, где огромные пауки лезли в рот и в глаза спящему мужчине, съедая его изнутри. Так во мне пробудились первые признаки арахнофобии. Не помню причины этого кошмара, но после очередных моих капризов папа меня впервые сильно ударил, когда тряс за плечи, и я ушиблась об стену головой, из-за чего стала громко кричать. На мой крик пришли соседи с милицией; родители разбирались с ними в коридоре, а я от страха утихла, боясь, что сейчас родителям сделают что-то плохое. Когда милиция и соседи поняли, что я жива и со мной ничего плохого родители не сделали, спокойно ушли, а родители меня упрекнули: «Из-за твоих истерик чуть папу не посадили!»

Отец купил хомяков, которые долго у нас не прожили, потому что куда-то бесследно исчезли из клетки на балконе. Балкон был практически пустой, бетонный, но смежный с другим, соседским балконом. Я оставила клетку с хомяками, а когда вернулась, она была опрокинута, и в ней никого не было. Жил у нас также серый кролик. Мы его выгуливали на улице, рвали ему траву на чужих участках, перелезая через забор, и в один из вечеров, когда я его выгуливала, рядом со мной была Маша; залаяли собаки, и кролик убежал. Я не смогла его догнать — он оказался на удивление быстрее меня и Маши. Так я потеряла своего кролика, а спустя некоторое время Маша его нашла с раной на боку. Мои подруги Лена и Маша практически спасли кролика от смерти, когда на него лаяли собаки. Рана была от зубов одной из собак и кровоточила. Мы с родителями её обрабатывали мазями, бинтовали, пытались спасти кролика, но она так и не хотела заживать и гноилась. Тогда мы отвезли его далеко за город летом в лес и выпустили на свободу. Наверное, родители это сделали, чтобы обезопасить нашу психику от новых смертей, потому что кролика, как им казалось, уже не удастся спасти. Когда я была на речке с братом, Женя увидел меня и закричал: «Вот она! Лови её!» — указывая на меня пальцем. Дима, который был с ним, побежал за мной; я забежала за гаражи и попала прямо в высокую крапиву. Дима не решился за мной через крапиву лезть дальше; они с Женей покрутились вокруг гаража ещё некоторое время, а потом ушли. Я вышла из-за гаража, когда убедилась, что никого нет, вся в укусах крапивы, пришла домой и залезла в своё укромное

место, в котором часто пряталась от родителей, — на шифоньер, и стала плакать. Родители не сразу заметили, что что-то произошло, и, когда отец заметил, что я плачу на шифоньере, он спросил: «Что случилось?» — «Я в крапиву попала», — но отец не придавал этому особенного значения, словно ничего не произошло, что меня ещё сильнее расстроило. Моё унижение достигло крайней точки, и я просидела ещё несколько часов на этом шифоньере.

Денис очень хотел, чтобы я осталась у него с ночёвкой, и один раз этого добился — уговорил родителей, чтобы я переночевала у них. Меня положили родители с Денисом в одну кровать, под одно одеяло, а его родители лежали на раскладном диване напротив. Что-то смотрели по телику, свет был выключен, и комнату освещал только экран телевизора. Денис пытался мне залезть аккуратно в трусики, чтобы не заметили родители, но как только он достигал своей цели, я тут же начинала от смущения тихо смеяться, убирая его руку. Родители заметили всю эту возню под одеялом, и мама спросила: «Вы что делаете?» Денис затих и перестал шевелиться, потом убрал осторожно руки, и мы терпеливо ждали, пока родители уснут. Наконец они выключили телевизор, и комната погрузилась в темноту, только стучали электронные часы на телике с горящим синим циферблатом. И после его очередных попыток приставания ко мне я Денису сказала, что хочу спать, и повернулась на бок. Денис не уговорился; тогда я вскочила с кровати и сказала, что сейчас уйду домой, если мы не уснём. Тогда Денис пообещал, что больше не приставать, и мы наконец-то заснули.

Мы ходили с братом на поле — позже его переименовали в «Гончье поле», убрав все огороды, распахав извилистые дороги для машин. Но в то время оно ещё было полем с высокой травой, и на нём отдыхали люди, жарили шашлыки, жгли костры. Мы гуляли среди развалин дома и остановились рядом с мужчинами, которые жарили шашлыки. Запах вкусных шашлыков соблазнял, хотелось дико есть, и мы стояли и смотрели, как они жарятся. Наш голодный взгляд уловили отдыхающие и предложили нам немного мяса. Этого оказалось мало — маленькие кусочки разожгли лишь ещё больший аппетит, и мы продолжали смотреть, уже специально, пытаясь привлечь внимание. Тогда мужчина сказал: «Больше не дам! Идите отсюда!» Это звучало унижительно, словно мы голодные собаки, которым кинули кость, а потом прогнали. Видимо, эти мужчины подумали, что мы беспризорники.

У дедушки был гараж, в котором стоял его «Москвич». Гараж, вполне благоустроенный, с погребом. Железный, сваренный стол, и на нём были разбросаны разные инструменты, стоял чайник с железными кружками и банка сгущёнки. Мы пили чай, высасывая сгущёнку из проделанной в крышке дырки. Чай был очень крепкий — другой дедушка не заваривал, любил только такой, — и сгущёнка в нём могла позволять его хоть как-то допить. Мы гуляли вокруг гаражей с Костей; некоторые гаражи были заброшены и совершенно пустые. Мне они до сих пор снятся, но переплетаясь с жуткими трупам, брошенными в гаражах, завёрнутыми в полиэтилен. Видимо, именно это я и боялась увидеть, когда с братом пинали пакеты и мешки на стройках, а теперь детские страхи во снах вырываются наружу.

Утром мама злилась, если её кто-то будил; она запрещала нам шуметь и запирала на кухне, пока спала в зале. От скуки на кухне мы с братом дрались, поднимался крик, и мама просыпалась и нас наказывала. В этот раз брат схватил отвёртку и ударил ею мне в спину, а сам убежал на улицу. Я от боли и страха, что меня хотели убить, громко заплакала. Проснулась

мама и стала на меня кричать, а я в слезах: «Меня брат пытался убить отвёрткой!» Но мама не придавала этому значения, закрыла меня на кухне, а сама пошла обратно в зал. Вернулся брат, я подошла к нему и ударила: «Ты меня чуть не убил!» Он принял это как должное, но я уже к тому времени успокоилась, хотя напряжённость между нами потом ещё долго сохранялась. Мы с братом обычно вместе мылись в ванной, и в этом ничего не было постыдного, до тех пор пока Денис не объяснил брату, как взрослые занимаются сексом. Брат ничего толком не понял из рассказов Дениса, только то, что «пися в попу должна входить», и попытался повторить это со мной в ванной. Но я к этому отнеслась настороженно и ему ничего не разрешила делать, а когда мы вышли из ванной, я рассказала родителям об этом. Мама испугалась, и после этого мыться вместе нам больше не позволяла.

Я ругалась с отцом, спорила о чём-то. Забралась на кровать, готовясь ко сну. Но как только легла, вдруг испугалась, потому что кто-то под моей кроватью двигался. Я спустилась, чтобы посмотреть, кто это, и увидела чью-то ногу и услышала шёпот: «Тихо. Это я». Мой брат заметил, что я нашла Дениса, и мы вышли в коридор, чтобы поговорить. Отец ничего не подозревал, пока мы там шептались: «Не выдавай его». — «Не буду». Наутро, когда отец вышел из комнаты, брат помог Денису выйти из квартиры. А потом мы долго смеялись, вспоминая, как я испугалась в тот момент. Когда я спала, Денис к нам пришёл в гости; перед этим я просила брата не впускать его в комнату, когда я сплю, но он никогда меня не слушался. Я открыла глаза от поцелуя в губы — он сидел на моей кровати и смотрел на меня, и я от стыда закрылась одеялом.

Я кружилась посреди комнаты на сером ковре, юбка вокруг меня, и, смотря в потолок, повторяла первый мною придуманный детский стишок: «Господи, заberi меня в Свое Царство из огня!» — а через некоторое время придумала к нему продолжение: «В мире этом погибаю, холод зла окутал тьмой. В этом мире я страдаю, мне он кажется тюрьмой». Потом упала уставшая на пол, но повторять его как заклинание не переставала...

Мы с братом развлекались тем, что показывали голые ягодичы, прислонив их к подъездному окну. Один из нас выбегал на улицу и смотрел в это окно, когда как другой показывал голый зад через окно. Нарушать запреты взрослых — страшно и весело.

Ещё смешная история произошла у нас с ковром. Мы не имели возможности сдать ковёр в химчистку, так как тогда и химчисток не было, или дорого было, не знаю. Родители, как и наши соседи, часто ковёр выбивали в снегу. Мы расстилали ковёр на снег и били по нему, выбивая из него весь мусор и пыль, прыгая на нём. А вот летом снега не было, и у родителей возникла идея его постирать в море. Но волны в тот день были особенно большими, и родители не удержали ковёр — его унесло в море. Так мы потеряли свой ковёр. Позже он приплыл к нам обратно, — причин не помню, наверное, это произошло на следующий день. Нашли свой ковёр на берегу.

Глава 3

Когда мама уволилась со школы, она делала попытки найти другую работу и нашла вакансию уборщицы на палубе. Пришла устраиваться на работу и встретила своего будущего любовника — капитана дальнего плавания дядю Юру. Он был крупным, светловолосым мужчиной. Потом мама ушла к нему жить, забрав моего брата, а я осталась с отцом. Дядя Юра был богатым, получал зарплату в долларах, в отличие от моего бедного отца. В квартире — евроремонт с экзотическими вещами. Холодильник всегда был полон еды: с овощами и фруктами, которые мои глаза никогда не видели; мясо было обычным на кухне. Много кассет с фильмами, видик. Мама будто попала в рай после такой нищеты, в которой мы жили, и была уверена, что Юра — её вторая половинка. Но был один лишь недостаток у дяди Юры: он был алкоголиком, как и все капитаны.

А я осталась в той же самой нищете, и условия после ухода мамы стали ещё хуже, потому что отцу зачем-то приспичило копить на машину. Наверное, тем самым хотел вернуть маму, заморив нас голодом. Голодная, я всю ночь обсасывала куриную косточку после супа, в котором только она и плавала, а отец тихо плакал под одеялом. Утром он надел на меня крестик с цепочкой — цепочку купил специально для меня — и проводил в школу. Брата в классе не было, потому что мама планировала его перевести, под покровительством Юры, в элитную школу. Потом папа вернулся в класс и забрал меня домой.

Я помню, как папа меня мыл в ванной, поднял и посмотрел на меня голую. Тогда-то я и начала понимать, что теперь папе мыть меня позволять нельзя. Когда он расчёсывал мои волосы, в тот момент он меня научил расчёсывать их правильно — придерживая у корней, чтобы не вырвать. С папой жили вдвоём в однокомнатной квартире и ждали, когда вернётся мама.

Однажды, когда папа отсутствовал (возможно, был на работе), мама вернулась, открыв дверь ключом, зашла за порог и протянула мне куклу Барби. Впервые у меня появилась настоящая Барби, которая в то время была уже в моде. Она забрала некоторые вещи и ушла, а я Барби потом отрезала волосы и обнаружила у неё плешь на голове. Она мне стала казаться уродливой, и я забросила с ней играть.

Мама забирала меня иногда покататься на джипе с дядей Юрой на море. Это был пасмурный осенний день. Я ходила по берегу моря и разглядывала камни под ногами, ища камень с дырочкой, который приносит удачу. С дядей Юрой я тоже была не особо разговорчива, что он не мог не заметить, и сказал, что меня надо показать психиатру, потому что я очень странный ребёнок.

Мама уже привыкла слышать от окружающих, что у неё отсталые в развитии дети, и не слишком придавала этому значение. Она мне часто говорила, что я не от мира сего, что у меня дебилизм, что я, как и отец, — тормоз, что, кажется, я умственно отсталая. Она боялась, что мы с братом не выживем — слабые, инфантильные и несамостоятельные. Но мы выжили, и каждый по-своему.

И вот мама наконец;то вернулась домой в слезах: её избил дядя Юра в белой горячке. Папа ликовал, брат был огорчён, что его из рая обратно отправили в ад, а мне казалось, что теперь жизнь будет, как и прежде, и появится наконец;то еда в доме. Хотя ездить на море с дядей Юрой мне понравилось. Юра пытался вернуть маму: звонил ей, клялся, что бросит пить. Но мама ему больше не верила, хотя иногда плакала, скучая по тем хорошим дням, которые они вместе провели. Это была единственная с её стороны измена, которая продлилась не больше года за всю супружескую жизнь моих родителей.

Однажды, возвращаясь со школы, мы с братом зашли в подъезд и подошли к нашей входной двери. Мы увидели ровный слой земли толщиной 10 см, линейно лежавший возле порога. Брат хотел его смахнуть бумагой, но я его остановила и позвонила в звонок. Открыла мама, и я ей показала на землю. Она нас предупредила, чтобы мы ничего не трогали, вынесла банку со святой водой и вылила её на порог, смыв землю.

Позже я узнала от мамы, что существует такой ритуал на смерть, когда делают заговор на землю, взятую из кладбища. Также много историй, когда вымирала целая семья от наркомании, алкоголизма, суицида и прочего после такого обряда. Это затрагивало всех, включая и детей, и взрослых. У мамы были подозрения на соседей, живущих напротив, которых она считает до сих пор людьми еврейского происхождения из;за фамилии, кончавшейся на «;вич». Тогда мама стала мстить, настроив нас против этой семьи. И до сих пор у неё ненависть к этим людям.

Причина, почему они это сделали, была в следующем. Когда;то мама была учительницей Ани, дочери этой семьи, и с ней из;за чего;то не поладила. Тогда Аня стала названивать с подругами по телефону ей и всячески обзывать. Мама быстро вычислила, кто это звонит, пришла к их квартире и вцепилась в волосы Ане. Аня ещё надолго затаила на неё обиду после этого случая, как и мама.

Также были и подозрения на женщину, у которой когда;то мои родители украли утку, — бабушку Маши. Но кто на самом деле подсыпал на порог землю и за что, для нас осталось до сих пор загадкой.

Мне тогда было лет десять, когда уже на новой квартире меня выгнали из дома в одной майке и трусах. Был зимний вечер, когда мы все готовились ко сну. Я забралась по турнику на второй ярус кровати под одеяло. Кровать была жёсткая, с небольшим возвышением у головы. Эту кровать с выдвигающимся шкафчиком отец делал сам из тех досок, которые либо остались со старой мебели, либо натаскал с работы. Брат предпочитал спать внизу.

Когда я укрылась одеялом, подошла мама и сорвала одеяло с меня, и я проматерилась. Тогда мама в гневе стащила меня с кровати и повела в коридор, чтобы выгнать на улицу. Отец при этом хотел снять ещё трусы, чтобы, наверное, совсем унижить, но трусы я не позволила снять, крепко вцепившись в них. Так я оказалась в подъезде в одних трусах и майке, не понимая, что это сейчас произошло и за что они со мной так. Чтобы согреться, я пошла на пятый

этаж и села на бетон, обняв колени. Через недолгий промежуток времени за мной пришёл отец и забрал домой.

Позже и с моим братом поступили так же, но он пошёл в другой подъезд, где его приютила соседка. У неё он всю ночь играл в приставку и провёл хорошо время в богатой семье, у которых даже видеокамеры были на дверях установлены. Он вернулся с приятными воспоминаниями и даже желал, чтобы его снова так же родители выгнали на улицу.

Вечером, когда мы гуляли с Денисом, я ему рассказала об этой истории, произошедшей со мной недавно. На что Денис ответил: «Жаль, меня там не было с фотоаппаратом».

Был у нас в классе белокурый и сероглазый мальчик Паша, в которого я влюбилась. Но он ко мне не проявлял особого интереса. Зато я, кажется, нравилась его товарищу по парте Руслану. Руслан мне не давал прохода: куда бы я ни пошла, от его внимания это не могло ускользнуть. Он поднимал крик на весь класс, афишируя мою фамилию. Да и вообще меня по имени никто не называл: все знали только мою фамилию, и казалось, что никто и имени моего не помнит.

Мы с братом сидели на самой крайней парте, возле окна, — можно сказать, забитые в самый угол. В классе называли это «Камчаткой», и считалось, что сидят там одни изгои. Все альфы и беты сидели ближе к доске. С нами никто не общался, никто не замечал: мы были пустым местом для других. Если к нам обращались, то обычно дабы унизить или посмеяться.

Рядом с нами сидел мальчик, и очень похоже, что у него был аутизм. Он смотрел на всех исподлобья, ни с кем не разговаривал и часто бил кулаком по парте. Когда мой брат к нему обращался, он не сразу оборачивался к нам, а только спустя время. На уроках также не отвечал, хмуро смотрел на учителя и упрямо молчал. Но так как он находился в похожем положении, мы быстро нашли общий язык. Точнее, брат с ним подружился, а я лишь находилась рядом после уроков, пока они о чём-то разговаривали.

Я всегда плелась рядом с братом и его друзьями в одиночестве следом, потому что своих друзей у меня никогда не было. Все мои друзья по факту были лишь друзьями брата. Я не могла быть пацанкой: ею стать не давала повышенная детская сексуальность — она сковывала меня при мальчиках, делала стеснительной и молчаливой.

Зато с братом мы часто дрались, и зачинщиком обычно всегда был он. Наверное, ему доставляло какое-то удовольствие ударить меня и бежать. Я его догоняла, давала сдачи и также пыталась увернуться от его удара. Так мы бегали по квартире, раздражая родителей, пока кто-то кого-то не бил сильнее, и всё не переходило в реальную драку и крики: «Ты меня ударил сильнее, чем я тебя!»

Я делала уроки за брата, когда тот вешал мне лапшу на уши, рассказывая о том, что на уроках труда Паша обо мне говорил: «Решишь за меня задачу, а я тебе про Пашку расскажу». Я делала за него и за себя домашнее задание ради того, чтобы он рассказал про Пашу, смутно понимая, что он врёт. Но мне хотелось верить, что Пашка меня любит и всё, что брат говорит о его чувствах ко мне, — правда. И я жила иллюзией и надеждой, раскладывала пасьянс на любовь, и карты всегда говорили по-разному и так же ввали.

Ночами я не могла уснуть из-за эротических фантазий, где Паша и Руслан привязывают меня к кровати и насилуют. Обычно Руслан держал руки: ему всегда отводилась второстепенная роль. Фантазии были с элементами БДСМ, с предметами, практически без самого полового акта (это ребёнок, который про БДСМ ничего тогда ещё не знал!).

На уроках я смотрела влюблёнными глазами на затылок Паши, пытаюсь телепатически передать ему слова любви. Стоило ему повернуться, я тут же прятала глаза. Иногда он ловил мой влюблённый в него взгляд, и ему всё без слов становилось ясно. Когда он подходил к моей парте, учащалось биение сердца, бросало в жар. Я ни о чём не могла больше думать, ни о какой учёбе: все мои мысли были только о нём. Я наслаждалась своей любовью к нему и наивной верой, что это взаимно.

После уроков я приходила домой и сразу ложилась спать до вечера, а вечером делала уроки за себя и за брата, выслушивая его враньё. Потом переписывала молитву «Сон Пресвятой Богородицы» и каждый раз в конце молитвы рисовала крест, обвитый цветком (у меня цветочная фамилия была до замужества) — как символ того, что я собой обвиваю Иисуса. И отдельным листом прилагала к молитве своё заветное желание: «Пожалуйста, Боженька, сделай меня самой красивой девочкой на планете, чтобы все мальчики были в меня влюблены, особенно Паша!»

Из-за сильного желания быть любимой я погрузилась в самообман, интерпретируя унижение и буллинг в школе мальчишками как заигрывание и симпатию ко мне. Они видели, что я не даю отпора и улыбаюсь, поэтому окружали мою парту, смеялись, обзывали. И больше всего мне доставалось от Руслана, который и был зачинщиком. Если бы не он, возможно, я так бы и осталась серой мышью, никем не замеченной.

Руслан пришёл к нам только в пятом классе. Родители, чтобы я училась вместе с братом, отправили меня на год позже в школу, то есть я была на год старше всех в классе. И единственный мальчик, который был моим сверстником, был Руслан. Остальные были все на год младше меня. Стоило мне зайти в класс, как Руслан кричал мою фамилию. Когда я пыталась выйти из класса в туалет или ещё куда-нибудь, Руслан преграждал путь, держал дверь, не давая выйти, забирал стул, чтобы я не смогла сесть, отбирал тетрадку, дневник, читая вслух, что там написано. Я не могла даже расслабиться, чтобы нарисовать что-то в тетради. Он совал свой любопытный нос во всё, что я делаю.

Встречаются такие люди, как Денис, Руслан, которые вот так, своей «влюблённостью», делают тебя, серую и неприметную, центром вселенной. Кем бы я была без этих мальчиков?

На уроках труда девочек распределяли на две группы, и ни одна группа в свою не хотела меня брать. Я не готовила со всеми салатики, а стояла одиноко обычно возле окна, смотря на голубей. И когда все поедят, уходили из кабинета, я же оставалась за всеми убирать: подметать, вытирать столы. И так как девочки знали, что я остаюсь убирать, целенаправленно, с издевкой, мусорили. Я безропотно убирала за ними, за что получала хорошую отметку в тетради от учительницы.

Однажды учительница труда пыталась выяснить причину такого отношения ко мне, но толком никто из них не смог объяснить: «Она просто нам не нравится». Я ненавидела урок физкультуры, потому что буллинга именно на этих уроках мне доставалось больше всего: то мячиком в голову стараются попасть, то отсаживаются, брезгуя садиться рядом, стоняют с места: «Мы тут сидим, иди пересядь туда!»

Однажды я отпросилась у учительницы в туалет во время уроков и, когда вернулась в класс, мой портфель исчез. Я искала его глазами по классу, сидя за своей партой, смотрела на одноклассников, пытаюсь вычислить, кто украл мой портфель. Они все перешёптывались, оглядывались, улыбались. Начинался урок, и учительница сказала всем открыть тетради и учебник на определённой странице. Я же сидела без своих вещей, не зная, что делать. Тогда она меня заметила: «А тебе особое приглашение нужно?» Я ответила, что кто-то в классе украл мой портфель. Тогда учительница начала разбираться, кто из класса украл портфель. Все молчали, никто никого не выдавал, но один из одноклассников сказал: «Сама его спрятала в шкаф! Пусть там посмотрит!» Я нашла его в шкафу, проверила — всё содержимое оказалось на месте.

После этого случая я никогда не оставляла вещи в классе, всегда их брала с собой в туалет. У нас была вешалка, где дети могли повесить свою одежду, и я вешала вместе с ними. Им это не нравилось: они срывали мою куртку с вешалки и запинывали ногами её в угол. Тогда мне пришлось вешать свою одежду на спинку стула, из-за чего периодически новые учителя, не зная моего положения в классе, ставили мне это в упрёк: «Повесь свою куртку на вешалку!» Я вешала её на уроках, но на перемене снимала и перевешивала на спинку стула.

Практически каждое утро я приходила в класс и не могла найти стул. Все стулья у меня отбирались, оставляя только сломанные, и мне часто некуда было сесть. Я с братом стояла возле своей парты и ждала урока. Начинался урок, заходила учительница: «Всем встать!» И после слов «садитесь» я продолжала с братом стоять. Тогда учительница обращалась ко мне: «Почему не садишься?» — «У меня стула нет». Тогда учительница меня посылала в соседний класс искать себе стул. Я стояла возле дверей соседнего класса и не решалась зайти, попросить стул, ведь там такие же дети, и неизвестна их реакция. Но пересиливала страх и просила стул. На следующий день история повторялась.

Иногда меня не пускали одноклассники в класс: держали с внутренней стороны дверь, и я с братом стояли за дверью и ждали учительницу, и только вместе с ней заходили. Когда мы выходили к доске, весь класс смеялся: все обсуждали мою позу, голос, одежду, пытались найти изъян. Из-за страха у меня голос сильно искажался, становился более тонким и тихим, что их ещё больше смешило. Поза обычно была скованной, напряжённой, и, когда зачитывала стих, я смотрела либо в пол, либо в сторону, в окно, чтобы не видеть ухмыляющиеся лица одноклассников.

Когда прогуливали школу, я специально искала двор, где жил Паша, в надежде, что он либо пройдёт мимо, либо заметит меня из окна. Брат догадывался, почему я веду его в эти дворы, при этом ничего ему не говоря. «Ты ищешь дом Пашки?» — «Нет, просто гуляем», — обычно пыталась скрыть тот факт. Брат разозлился и ушёл: «Я не хочу позориться с тобой. Одна ищи своего Пашку!» Мы тогда расстались и гуляли в разных дворах, делая вид, что друг друга не знаем. Если я смотрела на него, он корчил злые гримасы и с презрением отворачивался, и я аналогично поступала из-за чувства мести. Но куда спрятаться, когда у нас больше никого нет и друг от друга не убежать? Чувство уязвимости и одиночество примиряло обычно нас.

Мы часто с братом ссорились, но потом легко снова сближались. И, честно говоря, лучше и ближе друга в тот период времени, чем родной брат, у меня не было. Пусть мы и ссорились, но нам друг с другом было так же не менее весело.

На уроке я попросилась в туалет и, опустив глаза, прошла по классу. Зашла в туалет и услышала, как кто-то зашёл следом за мной. Увидела полненького старшеклассника, когда уже вышла из кабинки. Он схватил меня за кофту и пытался раздеть. Я вырвалась и убежала, оставив красную кофту в его руках. На перемене сразу же пошла искать кофту и обнаружила её висящей на ручке двери моего класса.

Отец наконец-то получил квартиру: 10 лет стоял в очереди, пока строили наш дом. Он был строителем, сварщиком, и ему положена была трёхкомнатная квартира по закону, на которую потом он ещё 10 лет работал, отдавая часть зарплаты. Мы переехали в каменные стены — без пола, обоев, мебели: один бетон и деревянные рамы на окнах, и висела лампа на потолке. Постепенно мы вчетвером перенесли всю мебель в новую квартиру, а бабушка наконец-то вернулась в свою однокомнатную. Отец практически один делал ремонт своими руками; помогали дети и жена, но основная нагрузка всё же была на нём, и мы за год справились с обустройством квартиры.

Во дворе, в котором я когда-то провоцировала Женю, я познакомилась с умственно отсталой девушкой Аней, которая была на 4 года старше меня. Мне тогда было лет 10, а ей — 14, но мы друг друга хорошо понимали. Я тогда по очереди с братом каталась на качелях, и она попросила дать ей тоже покататься. Она была из неблагополучной семьи с пьющими родителями. Нашим общим увлечением была кукла Барби, и она меня пригласила к себе в гости, чтобы показать, какую одежду для Барби она сшила и связала. В её комнате были выбиты окна, а вместо разбитого окна вставлена подушка. Бардак по всей квартире и пьяные, матерящиеся

люди на кухне. Аня надевала вязаную кофточку на Барби, и мне казалось, что кофточка какая-то грязная, как и всё вокруг меня. Мне захотелось уйти, и я попросила Аню пойти со мной погулять. Мы шли по двору, как вдруг я увидела пацанов, стоящих у подъезда. Один из них крикнул: «Как ты можешь с ней дружить?! Ты же моя девушка!» Я не знала, кто это был, и по голосу не определила, но, стараясь не оглядываться, прошла мимо них. Мне было жалко Аню, потому что я теперь знала, что такое быть изгоем, и в Ане видела себя. Мне не было стыдно и страшно с ней дружить.

Всё моё детство я помню мамины слёзы на кухне. Она неделями не выходила из комнаты, несмотря на то что отец её любил и исполнял все её прихоти. Она его ненавидела, обзывая чёрной, мосластой обезьяной. В свою очередь, отец её ласково называл «Тигрёнком». Покупал ей шоколад, и стоило ей попросить налить чай или что-нибудь приготовить, он всё делал. Мама страдала всю жизнь из-за неудачного брака: она вышла замуж за моего отца, которого никогда не любила. Но уйти от него не могла из-за детей, да и идти было некуда. На замужней женщине часто мужчины ставят крест, как будто это не человек, а вещь, которая принадлежит другому. Но то, что это не вещь, а живой человек и что она может просто попасть в западню брака, в голову им не приходит. Таким образом, брак ставит крест на женщине и на её чувствах, не даёт возможности выбраться из тюрьмы. Поэтому моя мама решила сделать ту самую попытку развода, чтобы наконец окружающие мужчины её начали замечать, в надежде, что ещё может встретить любимого и обрести счастье. Отец её раздражал, она ненавидела даже его прикосновения, и спали они уже с начала брака в разных комнатах. Мама забыла с годами, что такое полноценный секс и что такое любить; её сердце переполняло лишь отвращение и обида к отцу. Она обвиняла его в том, что он ей искалечил всю жизнь, и мне каждый раз напоминала не совершать её ошибок, ни в коем случае не выходить замуж.

Я убиралась в её комнате и ухаживала за мамой, добросовестно выполняла свои обязанности по дому: готовила, работала на даче, убиралась в квартире, наливала маме чаю, когда она просила, и многое другое. Из-за дороговизны некоторых продуктов, таких как шоколад и мясо, масло и другие, мы часто не доедали, питаюсь только сечкой — самой дешёвой крупой в то время. А когда мама уходила куда-нибудь, мы ломали замок и проникали в её комнату, мазали хлеб майонезом и воровали конфеты. Когда замок не удавалось вскрыть, мы лезли через форточку на балконе. Порой меня оставляли одну в квартире, и мама не закрывала свою комнату, потому что, если я остаюсь, то должна убратсья во всей квартире и приготовить борщ, выпечь пирожки, хлеб и булочки с сахаром. Сейчас я не представляю, как справлялась со всей этой нагрузкой, но я успевала даже устраивать дискотеку дома с подружками. Ко мне в гости приходили Женя и Алина; они помогали мне готовить борщ и делать выпечку. Я их угощала борщом и пирожками, хотя родители запрещали кормить своих друзей. Но Алина и Женя были девочками из многодетных и неблагополучных семей, и мне их было очень жалко. К тому же моя пониженная самооценка и психический инфантилизм толкали меня всегда искать дружбу с теми, кто младше меня и ниже по социальному статусу: с ними я чувствовала себя своей.

Летом мы ходили вместе с друзьями на искусственно вырытое озеро за базой, где работал отец. Брат, я и Костя, который отчасти стал и моим другом. Мы жгли костёр и пытались согреться после прохладной воды. Однажды мы гуляли с Костей, и он соорудил трость из веток и ударил меня больно по ногам, за что я на него в тот день обиделась. Косте была присуща жестокость, как и всем мальчикам, которые меня окружали. Он сажал на «кол» червей. А за

гаражами мы с братом однажды обнаружили оторванные лапы кошек: они были привязаны к проволоке. Тогда мой брат мне рассказал, что Денис и другие пацаны так издеваются над котами: привязывали их за половые органы или за лапы и бросали с пятого этажа. А потом за гаражами находили эти лапы и другие части тела животных.

На это же озеро я ходила и с Максимом. Он взял консервы с паштетом из дома, и мы, голодные, пытались их открыть камнем. Однажды отец подарил маме на день рождения кошечку чёрно;белого окраса. Мама назвала её Катей, а я вспомнила свою куклу Катю, которую считала несчастной, и попросила маму не называть кошку Катей: у меня было какое;то странное предчувствие беды. Но мама сказала: «Моя кошка, и я хочу назвать её Катей!»

Однажды, когда мы с братом возвращались после очередной прогулки на озере, был сильный ветер и палило солнце. Мама мыла окна на кухне. Я открыла входную дверь, и, чтобы её закрыть, нужно было приложить некоторые усилия, потому что дверь была железная и тяжёлая, закрыть её можно было лишь с размаху. Эту дверь сварил отец и поставил железный замок. В то время все пытались обезопасить свои квартиры как могли: и решётками на окнах, и железными дверями, потому что по стране прокатилась волна грабежей. Это не те детские годы, когда можно было оставлять двери незакрытыми на целый день и в любой момент заходить домой без ключей. Теперь же все были напуганы. Закрывая дверь, я и не заметила, как Катя, в попытках выбежать на лестничную площадку, попала под удар, и ей переломало позвонки. Она не кричала, а лишь бегала кругами по коридору, волоча задние лапы за собой. У мамы в то же самое время разбилось окно, и она порезалась осколками, а я с ужасом смотрела на Катю, не понимая, что происходит. Всё было словно в кошмарном сне.

Я плакала потом целую неделю над коробкой, в которой лежала кошечка Катя, и смотрела, как она умирает. Собрала все свои молитвы и сняла крестик с шеи, положила ей в коробку. Переписывала очередную молитву, и слёзы размывали чернила на бумаге. Катя умерла через неделю своих страданий, не издав ни звука. Брат разбудил меня среди ночи: «Кошка умирает», — и я вскочила с кровати, слезла по турнику вниз. Катя лежала на полу в судорогах, и изо рта у неё шла белая пена. На моей голове были бигуди, которые потом странным образом в подсознании связались с этим событием. Я больше не любила накручивать волосы на бигуди ещё долгое время.

У нас в классе были только три хорошистки, остальные — все троечники. Учителя говорили, что во всей школе самые ужасные классы — это класс «Д» и наш, класс «Е», но мы по своей успеваемости и агрессии даже класс «Д» перегнали. Позже класс «Д» расформировали, а класс «Е» переименовали в класс «Д», и некоторых детей из класса «Д» перевели к нам. Вот тогда и начались у меня по;настоящему проблемы во взаимоотношениях.

Три хорошистки: Наташа, Лейла и Валя. Наташа — светловолосая, голубоглазая девочка, которую я считала самой красивой в классе, но мальчики её не трогали, не заигрывали с ней, она держалась в тени. Зато меня постоянно доставали. Лейла стала хорошисткой благодаря своему хитрому и наглому нраву: подружившись с хорошисткой Валей и заняв с ней место за одной партой, она выбилась в хорошистки, потому что та помогала ей в учёбе. У Лейлы

была красивая фигура, а у Вали — шикарные чёрные длинные волосы. И смуглой Лейле, как и кореянке Вале, хорошо давались языки, в том числе английский. Им было неприятно, что наша парта находилась сзади них, через ещё одну парту. И они с презрением её отодвигали к стенке, не позволяя нам с братом приближаться к себе. Они были королевами класса, а мы — изгоями, и обычно вокруг нас образовывалось пустое пространство. Дети даже находиться рядом с нами не желали.

Однажды учительница по биологии заметила, что я часто смотрю на Пашу, и поняла, что я в него влюбилась. Тогда, наверное, она решила мне помочь сблизиться с ним, потребовав, чтобы я пересела от брата к нему на её уроке. Паша стал возмущаться, угрожать, что выйдет из класса, что сидеть со мной не хочет: «Уберите её от меня!» Но учительница его поставила на место и заставила терпеть весь урок мою близость. Бедный Паша не находил себе места: нервничал, смеялся, поворачивался к соседям, шептался. А меня всю сковало: я не могла двигаться от страха, даже дышать было больно. Весь урок я боялась пошевелиться, сердце колотилось, я сжимала коленки от напряжения до такой степени, что у меня начали болеть ноги. «Паша, я тебя люблю, услышь меня, пожалуйста! Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!» — пыталась передать телепатически ему свои мысли, а он смотрел на мои коленки. Его взгляд я чувствовала на себе, но в ответ посмотреть на него я боялась.

Однажды Паша грыз стержень ручки и погрызенный кинул в меня через плечо. Он упал на пол, и я его подняла и спрятала в портфель. Дома я его целовала, представляя, что целую Пашу. В тот день, когда он грыз стержень, он кашлял, а на следующий день не пришёл на уроки — заболел. Следом, через некоторое время, заболела и я, видимо, заразилась от стержня ручки. Я была рада болеть вместе с ним, как принесённая жертва ему. Никто из класса больше не болел, только я и он — два человека, отсутствующих на уроках. Моему брату приходилось ходить в школу одному.

Рисовала я хорошо, и все восхищались моими рисунками. Учителя ставили меня в пример другим, нахваливая возле доски моё искусство. Мне классная дала задание нарисовать плакат и изобразить на нём всех своих одноклассников — 30 человек на одном листе, их лица разместить в ряд. Вот настолько в меня верили, что считали, будто я смогу с фотографической точностью передать их черты. И я старалась: рисовала всю ночь по памяти, с единственной фотографии, которая у меня была с одноклассниками. Некоторых фото одноклассников не было, приходилось вспоминать по памяти их черты. Никакой злости, ненависти за травлю в школе я не испытывала, рисуя их, — только искреннее желание нарисовать хорошо.

Утром ко мне подошли некоторые одноклассники, в том числе и сам Паша, прося, чтобы я им показала плакат и чтобы каждый себя узнал на нём. Я отдала плакат классной; она развернула, ничего не сказала и ушла с ним. Плакат по какой-то причине так и не повесили на стену — моя работа оказалась впустую.

Был у нас мальчик Богдан — добрый и скромный. Мама одевала его хорошо, аккуратно, в строгие костюмы. Меня оставили после уроков, чтобы я нарисовала очередной плакат. Я вырисовывала цветы, а Богдана мальчики раздели за шкафом и в одних трусах выставили

перед девочками, которые смеялись над ним. После этого случая Богдан больше не появлялся в нашем классе, а мой плакат в этот раз повесили на стену в кабинете.

Я любила биологию и после уроков зачитывалась учебником наперёд, знала предмет раньше, чем его проходили. Поэтому иногда удивляла одноклассников: когда меня учительница спрашивала, я рассказывала больше, чем проходили по курсу. Но, несмотря на это, учительница всё равно ставила мне тройки.

Также моим любимым предметом была математика. Я любила после уроков решать уравнения и задачи раньше, чем нам их задавали, и мой учебник по алгебре был весь исписан наперёд карандашом — примерами решений и ответами. Для меня это было как ребус, который интересно разгадывать, — как одно из развлечений: решать задачи по алгебре и геометрии. Оттого Тимофей называл меня «Головастой», когда я выходила к доске и легко расписывала на ней уравнения. Также по контрольным работам я заканчивала решать раньше всех и принималась помогать брату: решала контрольные и за себя, и за него, училась за двоих. Проводила диктанты, писала сочинения и за себя, и за брата. Вытаскивала нас двоих, и поэтому сама отставала в успеваемости. Но, видя, что я хорошо разбираюсь в математике, дети, которые ещё недавно надо мной смеялись, на контрольных просили списать, помочь им решить, и я помогала, потому что думала, что тогда они будут ко мне добрее. Но уроки кончались, и отношение их ко мне оставалось таким же.

На обед после урока все бежали в столовую. Тогда ещё кормили в столовых бесплатно. И мы с братом, голодные, потому что утром обычно никогда не завтракали, пытались добраться до столовой. Приходили самые последние, так как по пути нас толкали и не давали встать в очередь. Из-за чего мы часто опаздывали на урок.

Мы шли из столовой, и Паша, когда пробежал мимо, ладонью шлёпнул меня по заднице. В то время это был важный знак того, что я всё же ему нравлюсь. Возле столовой в коридоре школы висело большое и кривое зеркало. По пути я смотрела в это зеркало и видела в нём непропорциональную девочку. Я ненавидела своё отражение, но не хватало смелости в него посмотреть из-за страха, что это увидят одноклассники и станут смеяться. И только мельком мне удавалось увидеть себя издали, и то, что я видела, мне всегда не нравилось.

Я была в красной клетчатой юбке, которую мне сшила мама, и в красной вязаной кофте с жёлтыми розами. Кофту также связала мне мама. У меня были всё время распущенные волосы, из-за чего одноклассница Валя сказала: «Ты волосы хоть заплети, а то тебе не идёт». За моим внешним видом родители не особенно следили, но мама связала и сшила мне одежду. В той кофточке и юбке я проходила два года, пока юбка не стала мне слишком мала и мне не пришлось с ней расстаться. В одной и той же одежде — с 5;го по 7;й класс. Но было разнообразие у меня в колготках: синие, белые и бежевые. Любимые мои колготки, которые, казалось, мне идут, — бежевые, и я старалась носить только их.

Ещё у меня были трусы, которые мне «приносили любовь» одноклассников, — в это я верила и с этими трусами старалась не расставаться. Носила их, пока они не стали настолько дырявыми, что мама их выкинула, а у меня появилась тревога, что больше меня не полюбят, потому что я потеряла трусы, которые приносили мне удачу.

Дома я часто плакала после уроков, смотря на своё изображение в зеркале, из-за того что считала себя некрасивой, выдавливая угри на носу. Разговаривала с изображением Иисуса Христа на пластиковом листе под размер иконы (но это была не икона). Я прижимала его к сердцу и просила сделать так, чтобы Паша меня полюбил и я стала красивой, чтобы меня любили мальчики, а взамен я обещала любить Его до конца дней.

У нас был мальчик в классе, его звали Виталя; его обижал в основном Паша, имитируя с ним половой акт. При этом Виталик смеялся, и никто не знал, что на самом деле в этот момент он чувствовал. Но позже класс узнал, что родители определили его в секцию боевых искусств. До этого другого Руслана унижали за то, что тот ходил в школу балета. Мы, казалось, были не единственными изгоями, но на самом деле к нам было особенно повышенное внимание. От внутреннего напряжения в такой атмосфере мы возненавидели школу и стали пропускать уроки, прогуливать целыми неделями.

В это время мы гуляли по базе, где работал отец, залезали на кран, лазили по гаражам, сбегали с горы с песком (для цемента) и цветными камнями. Но чаще мы прогуливали школу в подвале или подъезде. Я писала стихи на подъездных стенах ручкой на девятом этаже. Ездили на лифте. Потом братика научили его дворовые друзья «пыхать» клеем «Моментом» и газом, от которого были интересные галлюцинации. И самый активный «пыхальщик» оказался Женья — тот самый, который за мной бегал по всему двору. Он воровал вещи из дома и продавал их, покусал клей «Момент» и в подвале в одиночку или с друзьями отрывался от реальности.

Пронеслась будто эпидемия токсикомании по нашему району, и я не знаю ни одного из своих знакомых и друзей, кто бы ни разу не попробовал «пыхать». Мы спускались зимой в подвал, расстилали картонные листы от коробки и пакеты на толстых трубах, чтобы сесть, и «пыхали» газом или «Моментом». Разные были галлюцинации — и приятные, и страшные. Одна из них была связана с Пашей: будто он нас вычислил и пришёл в подвал, чтобы посмеяться. Другая — что моему братику злой карлик перерезал горло, и я отбросила баллон в слезах, пока не поняла, что это всего лишь глюк. От «Момент» были глюки мягче: например, я слышала музыку, которую потом напевала весь вечер, когда пришла домой после школы. Другая галлюцинация — будто я среди белых облаков, а надо мной летят лебеди. Также видела себя будто со стороны, словно моя душа вышла из тела, и она была прекрасна. Потом, когда газ кончился, а домой было ещё рано возвращаться, мы спали на трубах.

Потом мы и вовсе перестали ходить в столовую: нам проще было перетерпеть голод, чем терпеть издёвки и унижения одноклассников. И когда класс пустел, мы оставались сидеть с братом одни на своей «Камчатке». Тогда я вытаскивала зеркальце и, пока никто не видит, пыталась убедиться, что с моим лицом всё в порядке. Но ощущение, что со мной что-то не так, всё равно не покидало.

Один из одноклассников однажды вбежал в класс с другими и кинул огрызком булочки мне прямо в лицо. В нас часто плевали жеваной бумагой во время уроков, писали маты на нашей парте в наше отсутствие. Пачкали мелом стулья, на которых мы сидели, и во время нашего дежурства специально много мусорили. Когда приходила наша очередь убирать класс после уроков, мы иногда находили под партой фломастеры, которые плохо писали, и я этому радовалась.

Домой приходила и расписывала их, вливая одеколон. У нас были самые дешёвые тетради с серыми листами, не было фломастеров, цветных ручек, пеналов и других школьных ярких принадлежностей. Этими же фломастерами, которые я находила под партами во время уборки, я раскрашивала молитвы и пыталась хоть как-то преобразовать записи в убогих тетрадках.

Однажды мою тетрадь брезгливо подняла учительница с вопросом: «Чья это ужасная тетрадь?» Я её с позором забрала у неё.

Когда одноклассницы уже красили ногти, делали маникюр, одевались модно, пользовались косметикой, я донашивала мамину обувь 36-го размера, напихав туда ваты, потому что она у меня спадала, пытаясь в них спрятать дырки на колготках. Портфель тоже был мамин — жёсткий, коричневый, старый, с которым она ходила в школу, когда работала учительницей. Работать в школе она долго не смогла из-за нервозности за маленькую зарплату и уволилась.

И рядом с женственными одноклассницами я всегда чувствовала себя безобразным, гадким утенком, даже свой пол не ощущала, словно его нет.

В это время дома у нас всё чаще происходили скандалы, и родители развелись. Мама осталась жить в трёхкомнатной квартире, а отца выгнала из дома — он ушёл жить к бабушке. И мы приходили в гости к отцу, когда мама не открывала дверь и не впускала нас после школы домой.

Однажды она позвала нас на кухню и предложила: «Дети, вы хотите уйти со мной? Я хочу умереть и забрать вас с собой, потому что вы не выживете без меня». Я любила маму и сразу согласилась. Для меня «уйти с мамой» — это не умереть, а не расставаться, потому что не верила в смерть. Брат же испугался и отказался идти с мамой на тот свет. Тогда мама решила уйти одна. Она попрощалась с нами на пороге, попросив не беспокоить её три дня, и отправила нас гулять. Мы в тот день никому не сказали, что произошло, сдерживали слово, данное маме: не скажем даже отцу. И только на третий день мы рассказали всё папе. Он быстро оделся и выбежал из квартиры, стал выбивать дверь, лезть в окна, пока ему не открыла мама.

Мама чувствовала себя разбитой и очень сонной после транквилизаторов, проспав три дня. Она позже рассказала свой сон: как будто она стояла на остановке, и под ногами разверз-

лась огромная пропасть, которая, как чёрная дыра, втягивала в себя. Её душа силой сопротивления вырвалась из того притяжения, и она проснулась.

В тот весенний день, когда шла в школу, я неожиданно почувствовала Бога, будто Он наблюдает. Возникло ощущение нереальности происходящего, словно всё окружающее вокруг — лишь декорация. Люди притворяются, и некоторые из них, возможно, и не знают, что замешаны и вынуждены играть свои роли. Были мысли, что и родители не настоящие, и ещё, что меня Кто-то сильно любит, — я это чувствовала в воздухе.

Мы решили в такой прекрасный день прогулять школу и купили газ. Забрались в заброшенный дом, на развалины, и я стала вдыхать его. Ветер ласкал волосы, и я почувствовала, что это Он. Почувствовала Его сильную и нежную любовь.

К брату пристали какие-то парни, старше его лет на пять. Мне тогда было 12, брату — 11, и они пригласили нас посидеть с ними. Мы согласились и пошли к ним в частный дом. В первый раз мне дали выпить водку, при этом брата держали за чем-то на улице. Я выпила, и парень стал задавать вопросы: «У тебя есть мальчик?» И я, уже опьянев: «Пашу люблю». «У тебя был секс?» — он хотел снять с меня кофту, но я держалась за кофту и попыталась встать. Неожиданно заходит брат и говорит: «Нам нужно домой, родители будут ругаться!» И тогда парни нас отпустили. Перед глазами всё кружилось, я еле дошла до унитаза, и меня вырвало. Мама не могла понять, где я «нажралась», и устроила скандал, а я сидела на кровати, стараясь осознать происходящее. Так я впервые попробовала алкоголь.

Отец нам купил игровую приставку. Компьютеры тогда были очень примитивными: громоздкие коробки с чёрным экраном, на которых непонятные цифры и буквы. Мы подключали приставку к телевизору и с помощью джойстика играли в игры: «Танчики», «Зайцев», «Марио» и другие. Для нас это было как наркотик. Днями и вечерами не могли оторваться от игры и ссорились, чья очередь сейчас играть. Утром шли в школу, через некоторое время возвращались обратно домой, чтобы ещё поиграть, прогуливая уроки.

Потом нам игр стало мало, захотелось новых, и брат нашёл деньги дедушки, которые тот прятал в шифоньере. Мы накупили на них мягких игрушек, сладостей и игр «Денди». Дедушка узнал о воровстве, но ничего не сказал ни отцу, ни нам.

Дедушка много курил, и сигаретный дым плавал по комнате слоями. При этом комнаты практически не проветривались, но нас дым не раздражал — относились к этому терпимо. Дедушка, высокий, малоразговорчивый и хмурый, лежал в подштанниках с «Беломором» в зубах и читал газеты или слушал радио.

Я стояла на кухне, и дедушка спросил: «Есть будешь?» Поставил огромную тарелку для салатов с супом на стол: «Чтобы всё съела!» — и вышел из кухни. Меня такой напор напугал: я не привыкла, чтобы со мной так разговаривали, но тарелку с супом я съела.

Мы гуляли с братом и Денисом, Леной и Машей во дворе. Я ходила с картами и гадала подружкам на будущее и на любовь. А Саша с козами так и продолжал меня пугаться и, когда видел меня в подъезде, прятался обратно в квартире.

Когда я поздно вечером зашла к дедушке домой, он открыл дверь. Я зашла к нему лишь для того, чтобы сходить в туалет, и планировала дальше гулять с друзьями. У меня случайно выпала из рук колода, и дедушка это увидел: «Влюбилась!» Денис всё это слышал, стоя в подъезде, так как входная дверь была открыта. Я ни в кого в то время не была влюблена, поэтому дедушка не угадал, но, так как он ко мне обращался очень редко, это единственное слово мне запомнилось на всю жизнь.

Я приходила в гости к отцу в старую однокомнатную квартиру, когда он был с мамой в разводе: он жил с бабушкой. Однажды я с папой поссорилась и в обиде поспешила выйти из квартиры, крича проклятья, напоследок хлопнув дверью. Дедушка это услышал: «Дай ей п***лей, чтобы не смела с тобой так разговаривать!» Но отец сказал: «Не вмешивайся».

У моих родителей было две дачи. Одну продала нам бабушка Юля за 4000 рублей, когда уезжала в другой город, а второй участок дали отцу на работе. Этот участок был кусочком леса, с елями, травой и деревьями. Сначала отец попытался некоторую часть огородить сваренным забором, затем нанял машину для выкорчёвывания деревьев, и только одну четвёртую часть удалось перекопать. Остальная часть участка так и осталась в деревьях и траве, потому что денег на разработку земли в то голодное время у нас не было.

На распаханной земле сажали картошку и клубнику, остальную часть использовали для отдыха в лесу: на ней собирали грибы, папоротник и ягоды. Отец сварил железный амбар, домик из стен и крыши, и мы разрисовали его красками. Внутри прятали лопаты, ведра, тяпки, грабли и другие инструменты для работы с землёй. Работали все вчетвером: сажали картошку, собирали ягоды по лесу и грибы, жгли костёр и пили чай из термоса с брусничными пирогами, которые я или мама готовили специально для таких поездок на природу. После тяжёлой работы на даче обычно болели все мышцы, и день приходилось лежать в кровати, лечиться.

С подругой Алиной я познакомилась, когда ехали на дачу. Мы подобрали попутчиков по дороге, сидели в машине, тесно прижавшись друг к другу, с семьёй Алины: я, брат, она и её брат, мои родители и её родители. Ехать было неудобно всем. Когда мы приехали, оказалось, что их дача находится через участок рядом с нами и она была более благоустроена, чем наша: стоял двухэтажный деревянный дом, туалет, тропинки, теплицы и так далее. Отец Алины работал на базе с моим отцом, они друг друга хорошо знали.

У Алины был брат Егор, в которого я впоследствии влюбилась, но об этом уже расскажу в следующей главе. Алина жила от нашего дома через дом, неподалёку, и через Алину я познакомилась с моей в то время лучшей и ставшей единственно близкой подругой Женей.

Алина мне завидовала: моей одежде, тому, что живём мы в бетонном доме, а не в бараке, как ей казалось, богаче. Я чувствовала эту зависть, оттого и не смогла найти с ней полного доверия, необходимого для настоящей дружбы. Но мне Алина нравилась иногда своей прямолинейностью: если завидовала или её что-то раздражало, то так и говорила в глаза, в отличие от других, которые заискивали и лицемерили. А зависть и злоба, в свою очередь, толкали её на роспуск нехороших слухов обо мне, но я закрывала на это глаза некоторое время, а потом стала с ней более осторожной. Моя наивность и доверчивость всегда меня подводили, из-за этих качеств я много страдала в своё время.

Я знала, что Алина меня за спиной обсуждает, выставляя меня в дурном свете. До меня потом доходили слухи, что и когда сказала Алина про меня, от тех же девушек, с которыми она перемывала мне косточки, но, так как подруг у меня не было, приходилось мириться с тем, что есть.

У Алины была подруга Маша, которая была намного, как мне тогда казалось, младше меня. С Женей у Алины отношения не складывались по причине разности характеров. А вот с Настей, живущей в таком же соседнем доме барачного типа (Настя — двоюродная сестра Максима), дружба до сих пор в какой-то мере сохраняется.

Мама сшила мне купальник всего за один день, а я ей помогала шить, и вообще я помогала при шитье даже её одежды и себе, поэтому до сих пор благодаря этому у меня остались некоторые навыки шитья.

Мы с Алиной ходили на озеро. Я была в красном самосшитом купальнике: топике и шортиках. Мы сшили его с мамой. Алина была в своём покупном. Мне в тот день купили красивое полосатое платье, которое мне очень нравилось. Я всю дорогу рассказывала о Паше, что Алину стало раздражать: «Пашенька, Пашенька... Ты больше тем для разговора не знаешь? Замучила уже со своим Пашенькой!»

Пришли на поле, расстелились среди длинной травы, разделись и вошли в воду. А когда вернулись, наших вещей не было, в том числе и моего платья. Неподалёку сидели пацаны: Костя со своими друзьями — и смеялись над нами. Мы искали свою одежду, потом поняли, что они и не собираются её отдавать. Пришлось домой идти в одних купальниках, обмотав бёдра полотенцами, по дорожной трассе среди машин.

Костя бежал за нами и смеялся; одежды нашей у него не было. Я остановилась и спросила: «Костя, скажи честно, ты забрал нашу одежду?» Он отнекивался. Тогда я не поверила: «Ты, друг моего брата, как ты мог так поступить?! Отдай одежду!» Он не признавался, но в глазах я заметила некоторое беспокойство. Потом он будто уверил себя, что ничего не произойдёт, и дальше стал смеяться, идя следом за нами. Только позже я узнала правду от него: он всё же

признался, когда мы остались наедине, что моё плавающее платье он впоследствии нашёл в том же озере.

Я в этом же красном купальнике с подругами и братом пришла на другое озеро. Народу было много, особенно много было мальчиков. Я стала себе фантазировать, что вот сейчас разденусь, и все в меня влюбятся. Из-за девственности и романтичности своей натуры я была очень стеснительна, с трудом преодолевала страх. У меня была красивая фигура для 13-летнего ребёнка, только начала расти грудь. Я видела взгляды мальчиков, хотя бессознательно старалась уловить их на себе, и мне это нравилось.

Мы залезли в воду босиком, и, когда уже вылезала из воды, то заметила кровь на большом пальце ноги. В воде, видимо, наступила на осколок разбитой бутылки, потому что ногами в воде перед этим чувствовала что-то гладкое и скользкое. Крови было много, невозможно было её остановить. Рана была глубокая. Можно сказать, что я в тот день чуть не лишилась пальца. Но это были такие годы, когда на своё здоровье всем было плевать, и мы привыкли легкомысленно относиться к своему телу. Я перевязала палец подорожником и полезла босиком обратно в воду, стараясь больше не наступать на дно, где много мусора.

На том же озере я видела Пашу с каким-то мальчиком. Прыгая и смущаясь от радости, указала на него Алине. «Я думала, он симпатичнее. Не в моём вкусе!» — недовольно ответила Алина.

В один из дней, когда мы прогуливали школу, мы решили с Денисом поехать к нашей бабушке. Я не помнила, где жила бабушка Юля, плохо ориентировалась в городе и в автобусах. Затея была моя, и я была уверена, что мы до неё доберёмся, найдём дорогу. Мы сели на автобус. Я показала свой школьный проездной, но у Дениса его не было. Мы попросили кондуктора провести нашего друга бесплатно, и она согласилась.

Брат хотел выйти на остановке, а мне казалось, что мы ещё не доехали, и я уверила всех, что нужно проехать ещё немного. Но когда мы вышли из автобуса, я запуталась окончательно: не знала, где мы находимся и куда теперь следует идти. Тогда брат взял всё под свой контроль, пристыдив меня перед этим перед Денисом.

В итоге мы всё же нашли дом бабушки, и она нам открыла дверь, но в этот раз радости на её лице не было. Напротив, она отвела нас от Дениса в сторону и спросила: «Зачем вы привели этого мальчика? И почему вы меня не предупредили, что придёте? Хотя бы позвонили? Родители знают, где вы?» Но мы прогуливали, пришлось соврать, что нас родители и отправили к ней. Бабушка почувствовала, что мы врём, и решила сама позвонить родителям, но не дозвонилась. А пока звонила, мы не могли себе найти места. Дениса бабушка всё же отправила одного домой, из-за чего меня потом мучила совесть и беспокойство, что он один до дома не доберётся.

Я потеряла крестик, который получила во время крещения, искала его по всей квартире и не могла найти, считая это дурным предзнаменованием. Крестик у меня висел на шее на белой верёвочке, потому что цепочку я потеряла. Он был покрыт голубой краской, и я его часто целовала перед сном, прося Господа исполнить мою мечту.

Искала его везде: и за коврами, и на постели, и в вещах. Меня удивляло, что однажды цепочка так быстро порвалась, и я её потеряла, но крестик чудом нашёлся без неё, а верёвочка мне прослужила несколько лет. Были мысли, что потеряла я его на улице, когда шли с братом со школы домой.

Ещё я вела календарь счастливых дней, стараясь уловить закономерность или высчитать своё счастливое число. Но как ни пыталась, у меня ничего не вышло. Единственное, что я заметила, — счастливые дни выпадали часто на 5-е число, будто с числом 5 была какая-то взаимосвязь. Но потом убедилась, что это мне всего лишь показалось.

Мы шли пешком от дома до школы и в мороз, и в пургу. У меня не было перчаток — не помню, потому что потеряла или их просто не было, — но руки, держащие портфель, замерзали, и я его переносила с одной руки на другую.

Однажды я пришла домой со школы и заметила, что отморозила себе мизинец, который пыталась согреть у батареи или под струей горячей воды. Он терял чувствительность, и это происходило часто от холода, пока однажды на этом мизинце не образовалась кожа, которая не чувствовала прикосновения и боли. Её можно было резать, и я ничего не ощущала. Тогда я хвасталась брату, что у меня есть такое место на теле, которое не чувствует боли. Кто же знал в тот момент, что потом мне в жизни придётся с этими руками ещё долго мучиться.

Когда мы гуляли с Костей, к нему пристали пацаны с другого двора и стали бить. Я побежала звать на помощь к нему домой, и открыл дверь его старший брат. Он пошёл к ним, и все разбежались в стороны. Одного успел поймать и, держа его за куртку, сказал Косте хорошенько его побить. Костя избивал этого мальчика ногами и после отпустил.

Была у меня ещё подруга Лена (ещё до знакомства с Алиной и Женей). Я ходила к ней в гости и гадала ей на картах, а днём мы с ней и с Машей заигрывали уже не по-детски с Денисом и другими мальчиками двора. Денис по-прежнему искал, как бы переспать со мной, брат мой и Костя бегали за Машей, а Лене никто внимания не уделял.

Вечером в домике Денис попытался меня поцеловать. Но я была в таком возрасте, когда девочки опережают мальчиков в росте, и поэтому он не смог дотянуться до моих губ и поцеловал в подбородок. Мы громко смеялись из-за этого, ведь в темноте в домике не было ничего видно.

Денис кидал камни к нам в окно, чтобы позвать моего брата на «дело». Они ночами снимали с машин колёса, фары, зеркала и продавали их на чёрном рынке. Я волновалась за брата и не пускала его с Денисом. Тогда они, уговаривая, мне обещали что-нибудь принести. И Денис приносил то игрушки с машин, то икону.

Один раз меня они пригласили пойти вместе с ними. Мы спустились из окна, пока родители спали. Вдали лаяли собаки. Звёзд практически не было видно. Улицы пустые. Мы искали машину вдали от дома, без сигнализации. В то время ещё не на всех машинах ставили сигнализацию. Находя такую, меня ставили на шухере, а сами пытались её открыть. В ту ночь навар был небольшой: толком, кроме магнитолы, ничего они не смогли раздобыть. Потом эта магнитола у брата ещё долгое время валялась на столе, он через неё слушал музыку. Ходили на дело мы также только вдвоём с братом, чтобы найти деньги на газовые баллоны. Всю ночь возились с машиной, с которой удалось снять только одно колесо. Мы его с трудом, используя доски и верёвку, подняли в своё окно в детской и спрятали. Мне, конечно же, ничего не досталось с этих походов: брат сказал, что колесо невозможно было продать, потому что оно оказалось дырявым.

Мы с братом стояли в подъезде, когда к нам подошла Катя и стала хамить. Мы ответили ей, она пригрозила нам, что её родственник за неё заступится, и ушла, но никто не пришёл с нами разбираться. Потом, через Машу, я с этой Катей лучше познакомилась и стала ей гадать на картах и по руке. По магическим книгам, что были у мамы, я научилась хиромантии и поэтому могла развлекать этим своих друзей. Но у самой линия жизни рвалась на месте, где я спицей проткнула руку, когда мамину пряжу ей помогала доставать со шкафа. Мне по правой руке сулила судьба жизнь не больше 40 лет, и я в это искренне верила. Когда мама взяла мою руку посмотреть, что меня ждёт в будущем, она сказала, что вместо смерти меня ждёт тяжёлая и длительная болезнь. Возможно, кома, так как линия жизни утончается и рвётся, но в дальнейшем вновь продолжается. Только уже не она, а её двойник. Я всегда относилась к изменениям и катастрофам как к чему-то интересному. Меня не пугали мысли о землетрясении, наводнении и смерти, даже собственной. Слово жизнь — это игра с приключениями, а смерти как таковой нет. Катя стала ревновать к Лене, которой, как ей казалось, моя семья и я уделяем больше внимания: берём её с собой на море, дачу, природу. Лену я знала с пелёнок, а Катя переехала к нам относительно недавно, но из-за нежелания её обижать и терять с ней дружбу я всё-таки попросила прощения, но она не простила. Тем более не моя была инициатива — Лену брать на море, а моей мамы. Мама её любила и часто мне говорила, что хотела, чтобы Лена была её дочерью. Даже предлагала поменяться семьями, чтобы Лена перешла к нам в семью, а меня отправить к бабушке Лены. С бабушкой Лена дралась в подъезде, грубила ей и обзывала. Мне до сих пор непонятно, за что она с ней так. У бабушки Лены был огород, в который мы с Леной ходили есть ягоды, и всё время бабушка проводила на этом огороде. Отца у Лены не было, а мать пила и гонялась за ней с топором. Отца она не помнит, он ушёл из семьи, поэтому Лену воспитывала бабушка. У них жил чёрный, короткошёрстный кот, очень агрессивный. Когда я принесла свою рыжую кошку с ним познакомиться, она забила в угол подоконника и прижала уши от страха, боясь издать звук. Кот её обнюхал и потом потерял к ней интерес. С моей рукой дрался беспощадно. От него оставались глубокие царапины, и, когда уже игра прекращалась, он не уговаривался, а вцеплялся мне в ногу, желая продолжать драку. И когда я отбирала у него свою истерзанную руку, у него была яркая эрекция. Лена же крутила роман с братом: под звёздным небом они целовались на крыше дачного домика, пока я пыхала газом на первом этаже. Нас в ту ночь оставили родители одних на даче.

Мы уже знали, где находится квартира бабы Юли, и могли самостоятельно добираться до неё. В один из дней мы пришли к ней, и она запустила нас так же без особой радости, сказав посидеть в комнате Игоря, а сама легла спать. Мы ждали, когда бабушка проснётся, потом я решила с братом погулять, и нужно было предупредить бабушку. Я стала её будить, но она что-то невнятное проговорила, и мы пошли на улицу. Во дворе в пасмурную погоду мы по очереди катались на качелях, пока брат не попал под качели и не ушиб голову. Когда вернулись домой, бабушка ещё спала. Пришёл дедушка и стал её будить, поднял её, но она упала, и сорочка задралась, обнажив её ноги, — бабушка была без трусов. Тогда дедушка потребовал выйти из комнаты, а сам обратился к лежащей бабушке: «Опять нажралась?» Потом нас отправил домой.

Однажды брата послали в магазин за хлебом, и он вернулся с окровавленной головой. Его голове часто доставалось: то с дерева упадёт и стукнется головой, то под качели попадёт или под машину, то мама кувалдой ударит, о чём позже расскажу. В этот раз его ударила местная гопота и отобрала деньги. Когда я шла по той же самой улице, где ударили брата, навстречу шли девушки, и одна из них специально ко мне приблизилась, чтобы толкнуть плечом. Это были девушки из соседнего дома, не с такой бедной семьи, как моя. Они прошли мимо, оглядываясь и смеясь. «Чё зыришь?» — мне говорили одноклассницы, когда я, сидя на последней парте с братом, иногда неосторожно наблюдала за происходящим у них.

У меня была красная зимняя куртка с белым мехом на рукавах, из-за которой Руслан меня обзывал Дедом Морозом. Я чувствовала себя красивой и свободной в ней, несмотря на издевательства одноклассников, когда шла домой с братом после уроков в один из весенних солнечных дней. Паша и Руслан шли сзади и обсуждали меня, а мне казалось, что они просто влюбились. Руслан кричал в спину мою фамилию и просил к нему повернуться. Я поворачивалась, и он улыбался. Мне хотелось, чтобы они проследили за нами до самого дома и где-нибудь меня изнасиловали, но как я ни оглядывалась, Паша и Руслан в определённый момент просто исчезали из виду. Моей надежде так и не суждено было осуществиться. И все же однажды меня прижал к стене Руслан после уроков — Паша стоял вдали, — но потом отпустил. В тот момент я почувствовала сильное возбуждение, а потом такое же сильное разочарование.

Мама меня часто предупреждала: «Не верь парням. Переспит и бросит», — и рассказывала много историй про беременных девушек, которых бросали парни. Я этого дико боялась и во время приставаний кого-нибудь из парней всегда рассказывала о своём страхе, а они по шаблону мне отвечали: «Я в тебя кончать не буду», — но я не доверяла такому ходу вещей и уломать меня так никому не удалось.

Последний день школы, — возможно, весна так подействовала, — но в тот день я потеряла страх перед одноклассниками. Я зашла в класс, там были две девушки, подошла к доске и стала рисовать. Одна из них попросила нарисовать её, и я нарисовала, и другая тоже. Потом подошли и другие ребята, и я гадала им на руке. Вокруг меня был ажиотаж: никто не мог подумать, что девушка-изгой что-то из себя представляет, что-то умеет и открывается с интересных сторон. В тот день я чувствовала к себе сверхвнимание, словно я наконец-то сняла маску и открылась людям, стала собой. Гадала даже Паше по руке. Что я тогда ему и всем остальным

наговорила, сейчас трудно вспомнить, но, когда держала руку Паши в своей, я старалась со всех сил от счастья не потерять самообладание.

И все же Руслан мне нравился, но, видимо, произошло какое-то смещение в сторону Паши в желании скрыть от себя этот факт. Сильный самоконтроль и гордость не давали мне признаться, что хочу я не Пашу, а Руслана. Но на следующий день страх вернулся. И после комментария моего брата: «Ты выглядела как дура» — я окончательно замкнулась в себе. Зато Руслан потом придумал, как меня ещё обзывать, — цыганкой, до этого называл анашой. Иногда мы с братом прогуливали школу на кладбище, катались на воротах в областной больнице, лазили по заброшенным гаражам с газовыми баллонами и токсикоманили. Это была романтика, которая до сих пор вспоминается как прекрасная пора моего детства.

Поздно вечером к нам позвонили в квартиру. Отец неосторожно открыл дверь, и на порог вломились два пьяных парня и стали угрожать. Они говорили, что якобы отец им проиграл в карты, хотя отец никогда в карты ни с кем не играет, и что теперь он им должен. Вышла мама и стала разбираться, что происходит. Я с братом выглядывали испуганно из своей комнаты, пока мама держала за волосы одного из них и кричала: «Видик положил на место!» Парень крепко вцепился в него и не хотел отпускать, пока не стало совсем невыносимо больно, и видик упал на пол. Брат выпрыгнул из окна и побежал к бабушке, позвать на помощь. Бабушка вызвала милицию, а сам схватил топор и поспешил к нам. Отец стоял в зале, не зная, что делать, я держала молитву у сердца, а на глаза навернулись слёзы от страха. Когда парни увидели бабушку с топором, с ужасом выбежали из подъезда; подъехала милиция, погоня, выстрелы — и всё утихло. На следующее утро родители после визита в милицию вернулись домой и рассказали, что эти парни очень раскаиваются в содеянном и просят забрать заявление. Они нам выплатили компенсацию за сломанный видик, и родители забрали заявление из милиции. Отец не мог понять, откуда они нас знают; даже были мысли у него, что кто-то из них — мамин любовник, но уж слишком молодой. Потом выяснили, что один из них — бывший ученик мамы, решил таким образом ограбить свою учительницу.

Летом мы ездили в лес собирать грибы и ягоды. Когда приезжали уставшие, чистили щёткой картошку, резали грибы и жарили. Салат из редиски, морковки и майонеза с жареной молодой картошкой был самым вкусным из того, что мне помнится. А ещё родители купили фритюрницу, в которую мы заливали растительное масло и делали хрустящий картофель, похожий на чипсы. Мясо было дорогим, и покупали сою; с ней делали много блюд: супы, жарили как гарнир, плов, добавляли макароны и многое другое, и грызли так сухую, никак не приготовленную. Я до сих пор люблю лес и особенно густые еловые чащи, которые меня манят своей таинственностью и темнотой. Мы собрали грибов полное ведро и корзину, и, когда с мамой спускались по склону, мама поскользнулась и как с горки поехала по рыжей сухой глине вниз, теряя по пути грибы, а я за ней, на ходу их стараясь собирать обратно.

Женю я привлекла своими мистическими историями — вся голова моя была ими забита, и мне всегда было что рассказать. Женя приходила ко мне в гости и просила рассказать что-нибудь ещё, и я рассказывала часами, пока родители были на даче. Мы сидели в коридоре в боевой готовности на случай, если услышим подъезжавшую машину родителей за окном. Тут же Женя и Алиса должны были прятаться на втором этаже подъезда. Мои родители запрещали

впускать в их отсутствие кого-либо в квартиру, но я запреты нарушала, потому что любила своих подруг. Я показывала им свои рисунки, и Алина попросила один из них подарить. На рисунке был чёрный силуэт девушки на камышовом озере при оранжевом закате. Я отдала Алине рисунок, а после увидела его на стене в её родительской комнате.

Потом мы включали магнитофон с кассетами, песни «Иванушек Интернешнл», и танцевали перед зеркалом, кто как умел. Мне нравилось танцевать, я любовалась своим телом в зеркале, женственными линиями фигуры, длинными волосами, которые красиво извивались в такт движениям. Могла часами так заниматься самолюбованием и танцами в одиночестве, в маминой комнате, пока нет родителей.

Я с подругами стояла на балконе, было скучно, не знали, чем заняться, и предложила покурить. Все решили, что стоит попробовать, после того как я нашла сигареты в столе у брата. Мы закурили, и Женя поперхнулась. Алина хорошо затянулась, и я — без кашля. Голова закружилась, и по всему телу почувствовала расслабленность. Я легла на пол, и Алина вместе со мной. Женя села рядом, и мы стали смотреть на голубое небо над головой, наслаждаясь новыми ощущениями. Потом я предложила ещё по сигаретке, но после второй Алину вырвало. Женя решила курить не в затяжку, а мне понравилось, и я с того дня пристрастилась к курению. Сначала угощал брат, потом мы шкуляли сигареты у прохожих, покупали дешёвую «Приму», собирали бычки, предварительно опалив фильтр зажигалкой, чтобы не подцепить заразу, воровали у мамы сигареты.

Утром я гадала на картах, и при раскладе мне выпала любовь. Я привыкла, что карты мне постоянно врут, поэтому сложила их в колоду и положила на место в стол мамы, а сама за кошкой пошла на балкон. Мимо моего балкона шёл парень и посмотрел в моё окно, увидел меня и остановился как вкопанный. Он стоял, не отводя глаз, словно прикованный ко мне. Я застеснялась и быстро вышла из балкона. Смотря через тюль, пытаюсь понять, кто он и что от меня хочет. Позже оказалось, что это брат Жени Витя, и он в меня влюбился, по его словам, с первого взгляда, с того дня мечтая со мной познакомиться.

Это сейчас, спустя столько времени, если бы со мной подобное произошло, я бы подумала: «Этот парень малоресурсный, я выше его по статусу, значит, он признаётся в любви лишь для того, дабы за счёт меня повысить свой социальный статус». Но раньше я была ужасно наивная и думала, что если любят, значит меня, а не мои ресурсы.

Так как я жила на первом этаже, Женя с лёгкостью по доске могла забраться ко мне на балкон. Мы стояли на балконе, наслаждаясь компанией друг друга, и я рассказывала, как обычно, истории, и болтали ни о чём. Также я ходила и во двор к Жене. Там я и познакомилась с Витей, у которого был мопед. Он предложил мне с ним покататься на нём. Я согласилась, и мы гоняли на мопеде на большой скорости по улицам. Было страшно, и тёплый ветер развеивал мои волосы, пока я обнимала Витю сзади, боясь свалиться с мопеда, боясь, что мы перевернёмся. Мне нравился Витя не внешне, а внутренне: он не по годам был взрослым и серьёзным парнем. Умел, когда хотел, создать по-настоящему романтическую атмосферу. Но сексуальные чувства

к нему не были столь сильными, чтобы позволить себе с ним лишиться девственности. Нужно было что-то большее, чем езда на мопеде и признание в любви.

У Жени дома часто происходили пьянки, скандалы, и она мечтала жить со мной, убежать из дома и больше не возвращаться в эту нищету, и я её понимала. К тому же я сама привязалась к ней, как к сестре. И хотела, чтобы она ею стала, хотела всегда быть с ней рядом. Когда она пришла жаловаться в одну из таких ночей, что домой возвращаться не хочет, я стала уговаривать маму, чтобы Женя у нас переночевала. Мама запретила, тогда у меня возникла идея идти на дачу с Женей и переночевать там. Автобусы уже не ходили, а на даче в это время жил папа. Мы пошли пешком. Всю дорогу мы болтали и смеялись, держась за руки, будто влюблённые. А когда уже почти стали доходить до дачи, видели, как рядом с нами притормаживают машины, тогда и стало по-настоящему страшно, и мы разработали план: как только машина остановится, мы притворимся дурочками. Так и случилось: водитель выглянул из машины, а мы стали кривляться и корчить гримасы. Он испугался, всё понял и быстро уехал, а мы продолжили путь, радуясь, что нашли защиту от маньяков и педофилов.

Так мы добрались до дачи, и отец нас стал ругать, что пришли так поздно ночью, когда он уже почти уснул. Мы забрались на второй этаж и залезли вдвоём в один матрас. Было открыто нараспашку окно, и мы смотрели на звёзды над головой, как вдруг я увидела огромного паука, висевшего на паутине прямо передо мной, и закричала. Включила свет, и меня объял ужас: по стенам лазили сотни пауков, маленьких, но их было очень много. У Жени не было арахнофобии, поэтому её всё это забавляло. Она посмеивалась, пока я пыталась их прогнать со стены на улицу, а большого крестовика с его страшной паутиной смахнуть вниз.

Узнав о буллинге, мама решила нас хоть как-то защитить от одноклассников и устроилась специально для этого в нашу школу работать учительницей. Когда класс узнал, что она наша мама, все стали её ненавидеть. И на очередном из уроков они отказались её слушаться, оправдывая это тем, что она заинтересована им ставить плохие отметки. Впрочем, они были правы в своих подозрениях, хотя со стороны моей мамы ещё не произошло ни одного лицеприятного случая. Кореянка Валя нахамила маме, и та пошла вызывать директора, а когда вернулась, её сумка с учебниками и вещи были разбросаны на полу. Тогда мама сказала, что среди её вещей были деньги и они пропали. Мама не смогла работать в нашем классе из-за накалённой атмосферы: защитить нас не удалось, и ей пришлось уволиться. Вторая попытка нас с братом защитить — перевести в другую школу — была предпринята раньше этого случая. Когда мама с нами пришла в школу неподалёку от дома и просила директрису взять нас, та сказала, что все места заняты. Остальные школы были слишком далеко от дома.

Мама устроилась на работу гувернанткой в богатую семью и нам приносила домой вкусные колбасы, которых мы с братом никогда не видели. Семья эта жила в огромном шикарном доме; дети были избалованы роскошью и развлечениями. Мама мне многое рассказывала про жизнь богатых людей с завистью и грустью, потому что ей такая жизнь никогда не была доступной. Однажды она привела девочку этой семьи к нам в квартиру и попросила меня с ней поиграть, потому что ей нужно было срочно съездить по делам. Я осталась с ребёнком, и та стала просить есть. Я принесла еду, а девочка сказала, что такое не ест. В общем, капризный был ребёнок, привередливый, и я не представляла, чем можно было её развлечь — ей всё не нра-

вилось. Маму уволили, когда обнаружили, что из холодильника пропали некоторые продукты. У них были установлены видеокамеры, о которых мама не знала.

Мне приснился сон, будто я иду по коридору и по левой и правой стороне рядами сидят пряжи и прядут кружевное полотно. Я спрашиваю одну из них, что они делают. Она ответила, что прядут судьбы людей. Тогда я спросила: «А где моя судьба?» Она указала рукой на другую комнату. Я зашла туда: там были развешены платья, и множество людей выбирали каждый себе то, что им нравится. Увидела и Лену, подругу: она выбрала костюм из чёрной кожи. Но моя «судьба» оказалась в корзине — смятое, голубое платье, никому не нужное. Оно валялось среди другого барахла, словно на распродаже. Утром я рассказала сон маме, и она ответила, что существует древний миф о пряжах судьбы и, возможно, сон вещий.

Был парень у Алины в подъезде, друг Егора. У него была загорелая, смуглая кожа и серые, почти белые глаза, которые выделялись на лице из-за тёмной кожи в тот момент, когда Гришка на меня смотрел. Я тогда стояла в подъезде и ждала Алину; он проходил мимо и на миг остановился, словно привороженный, смотрел на меня, не отводя глаз, а потом повернулся и пошёл дальше. Вот так я встретила с необычным цветом глаз, которые на всю жизнь запомнила.

Мама часто повторяла, что очень жалела, что не сделала аборт, что родила нас. То она нас упрекала, что наше рождение разрушило её жизнь, то просила прощения, что нас родила. Мы маленькие тогда ещё уяснили, что родиться на этот свет не нужно было. Но как мы могли бы это предотвратить? Как спасти от ошибки наших родителей? Иногда сгоряча она роняла фразы: «Почему я вас не удушила в колыбельке?», «Дети и муж испортили мою жизнь: если бы не вы, я бы замуж вышла за нормального мужчину», «У всех дети нормальные, у меня какие-то уроды», «Никому вы не нужны, кроме родителей», «Всю жизнь отдала вам и никакой благодарности», «Дочка, не рожай детей, не совершай моей ошибки» (за этот совет я ей благодарна), «Папашино отродье!», «Идите к своему папаше!», «Никто вас не рожал, сами вылезли», «Я никому ничем не обязана!» и т. п.

С братом дрались, потому что тот всегда меня доставал: подбежит, ударит, не объясняя причины, и убежит. Возможно, таким образом он искал подсознательно со мной близости? И так как эта близость была табуирована, а я — страшная недотрога, хоть какое-то физическое прикосновение он мог получить только таким способом. Он меня ненавидел за то, что я своей гаптофобией не давала ему ласки и любви, как старшая сестра. Но в нашей семье эту ласку никто не получал, и мы с братом воспитывались с осознанием, что наше тело священно или что мы настолько омерзительны для других, что они не хотят даже к нам прикасаться. Бензин в огонь подлила ещё и школа, где от нас отсаживались как от изгоев, что способствовало укреплению в сознании установки: я и мир — это две совершенно противоположные вещи. Нам нет места среди них. Когда я стала превращаться в девушку, моё тело стало табуированным для всех, оно стало священным. И когда брат меня ударял, я пыталась ему показать со всей строгостью, насколько он совершил злой поступок против меня. Я больше не бегала за ним и не воспринимала наши догонялки как игру, а на полном серьёзе ругалась: «Больше не трогай меня! Получишь!» Брат не успокаивался, и я ему заламывала руки, клала на пол и держала так, пока он не соглашался меня больше не трогать. В этот раз я переборщила и ударила брата по голове расчёской, поцарапав голову. Теперь он стал понимать, что прикосновение

к другому без его разрешения влечёт за собой боль. Бедный братик... возможно, я была не права, не нужно было быть такой недотрогой, нужно было его обнимать почаще? Но меня саму никто не обнимал, и все от меня держали дистанцию. А позже и моя сексуальная озабоченность девственности создала и вовсе непроницаемые границы для других. Брат за это мстил самым извращённым образом, пачкая мне своими козявками и выдавленными прыщами зеркало. Он мстил мне за то, что я себя отдалила от него. Позже за расчёску брат отомстил. Он стал меня ненавидеть, и его ненависть ко мне с каждым годом росла. Когда брат возмужал, и мы поссорились, брат меня ударил по ногам доской, оставив синяк.

В школе я была стеснительной девочкой, настолько, что казалась себе уродиной и боялась встать из-за парты, чтобы не показывать бедность одежды. Когда шли уроки, я закрывала лицо одной рукой, стыдясь себя, своего лица и в особенности губ. Я закрывала нижнюю половину своего лица рукой, как бы придерживая голову. Тогда я ещё училась то ли во втором, то ли в третьем классе. Учительница сделала мне замечание: «У тебя что, голова отваливается? Ты чего её постоянно придерживаешь?»

Глава 4

Я — одна из планет, которая вынуждена миллионы лет кружиться по оси вокруг Солнца. Моя душа заточена в этой каменной глыбе и обездвижена. Я не могу сойти с орбиты, даже закричать от вековой боли, потому как у меня нет рта и мне некому рассказать о своей усталости. Мы отличаемся от животных тем, что можем покончить с собой, причём выбрав менее болезненный способ. Я думаю, это самое главное наше преимущество. Свобода умирать и жить не столько, сколько отмерено судьбой, а сколько захочется. Скучнее жизни ничего на свете нет, и задача любого живого осознанного существа — наделить её смыслом, чтобы не свихнуться от скуки. Этим мы всю жизнь и занимаемся.

Мне мама говорила, что я ей жизнь искалечила своим рождением и что сама вылезла, никто меня появляться на этот свет не заставлял. А я вот думаю, насколько должно быть плохо душе после смерти (если такая есть), чтобы захотеть вновь реинкарнировать в жизнь. Это какой должен быть там ад, чтобы захотеть вернуться в этот? Но на самом деле к старости жизнь не кажется такой бессмысленной по причине ухудшения когнитивных функций, гибкости ума и ясности сознания. Пожилые люди хуже рассуждают, живут как во сне, дни летят, словно их сознание возвращается в утробное состояние бессмысленности: когда только ешь и спишь. Так можно и старость прожить.

Мама с отцом часто ссорилась и не пускала его домой, и тот был вынужден практически жить на работе. Возможно, домой он не приходил из-за гордости, так как мама не работала, а мы были маленькие, и он знал, что она финансово зависима от него и когда-нибудь попросит вернуться. Отцу зарплату по полгода не выдавали. В 90-е по острову, возможно, от корейцев, пронеслась эпидемия: из-за голода стали есть собак. Все низшие слои населения — пьющие, многодетные или обычные трудяги, такие как строители, учителя и т. п., — из-за губернатора, погрязшего в коррупции, что сказалось на выплате зарплаты, массово стали голодать и переходить на ловлю собак. Корейцы продавали беляши и пирожки с собачатиной, и не было ни

одного в моём окружении человека, с которым я общалась, кто бы не пробовал собаку. Когда это стало входить в норму, дело дошло и до нашей семьи.

Настало время, когда есть совершенно было нечего. Отец не был в курсе, что задумали брат с Денисом, подговорив нашу маму. Они привели собаку среднего размера на поводке с улицы. Та лаяла, сопротивлялась, чувствуя беду. Мама пошла курить на балкон, отец уже давно в квартире не появлялся, живя на работе. Денис говорил: «Главное — спицей ударить в голову». Какой спицей, как они её убивали, я даже смотреть боялась. Я была против убийства, но кто меня будет слушать? Мне было страшно, но я не подавала виду, чтобы не показаться слабой. Я сидела на кухне и с ужасом слушала, как жалобно воеет собака, жуткий шум в ванной, а потом смех. Денис вынес голову, чтобы меня напугать; я закрыла руками глаза и ушла в детскую. Через некоторое время мама позвала меня к столу: они пожарили мясо и с наслаждением ели. Я тоже сильно хотела есть, но, зная, кто это был, не решалась. Потом всё же съела один кусочек и, на удивление, разницы между обычным мясом и собачиной не обнаружила: на вкус оно было таким же, как свинина. Остатки заморозили.

А сколько островитян ели корейские пирожки с собачатиной, даже не подозревая об этом! Сколько бродячих собак пошло на убой в тяжёлые 90-е благодаря Ельцину и другим вора в законе... Мы были не единственной семьёй, отважившейся однажды на это, чтобы выжить. Сейчас, конечно же, всё это кажется дикостью.

Ездили на дачу мы также с Леной и с Машей. Алина и Маша у нас побывали на даче меньше всего. Меня манил мир галлюцинаций — как другой таинственный мир, в котором возможно всё, то, что недостижимо в реальности. Как сейчас подростки уходят с головой в виртуальный мир, я уходила в своё подсознание. Однажды смотрела фильм «Хроники Нарнии», где девочка проходит через шкаф, сквозь одежду и попадает в другой мир. Так же и я попадала в сказочный мир, где обитали все фэнтезийные существа моего подсознания, взятые из мистических историй. Там был сексуальный дьявол на троне, Дева Мария, окружённая ангелами, черти, бесы, призраки, боги. Я обладала сверхспособностями, побывала в аду и в раю и была любима таинственным парнем в чёрном капюшоне, который часто приходил ко мне, чтобы показать фокусы.

Мы остались на даче одни — Лена, я и брат — с ночёвкой, припрятав баллоны с газом от родителей. Был летний вечер, топились печь, и, когда машина с родителями отъехала, в предвкушении удовольствия мы похватили свои баллоны и расселись на диване. Я смотрела, как играет огонь в печи; под треск горящих дров по стенам бегали причудливые силуэты. И я увидела в огне чьё-то лицо, которое смотрело на меня из печи. Я подошла к нему и спросила: «Ты кто?» Он ответил: «Див» — и отвернулся, скрывшись в огне.

Потом передо мной предстал мужчина с оголённым торсом и тёмной кожей; руки у него были скрещены на груди, ноги тоже скрещены. Он смотрел на меня, облокотившись на стену, и ухмылялся. Меня что-то напугало в его внешности, и я крикнула: «Иди к чёрту!» Он ответил спокойно: «Сама туда пойдёшь».

Потом я видела лифт в шкафу: дверь шкафа была приоткрыта, и словно там образовался порт для всяких потусторонних существ в реальный мир. Они выходили из шкафа, прятались, исчезали в пространстве, будто состояли из эфирной материи. Фантомы просвечивались. Я протянула руку, и из неё полился луч света, который их уничтожал, рассеивая в воздухе. На полу узоры на ковре оживали, превращаясь в определённые объекты: машины, цветы. У нас было включено радио, и играл электронный хаус, что породило галлюцинацию полёта через тоннель. Сначала я летела будто на американских горках в тележке, а потом пересела на ковёр; самолёт и летела уже над красивым городом, полным огней и древних экзотических сооружений.

Мы спустились глубоко под землю, и я шла по длинному коридору в сопровождении карлика. Высокие двери автоматически раскрывались передо мной. Мы подошли к лифту, у которого стоял железный человек; при открытии дверей лифта он, кланяясь, снимал шляпу. Позже, играя в игру на ПК «Сибирь», я увидела этого железного робота — в точности похожего на того, кого я видела в галлюцинациях.

Наконец мы дошли до ещё одной двери и вошли в огромный зал, с длинным столом, в конце которого сидел Дьявол. Он приказал мне подойти к нему: «Для тебя у меня есть подарок», — и я подошла. Он открыл сундук, и из него вышло чёрное облако; оно вошло в меня, и я очнулась. На следующий день у меня поднялась высокая температура, и я пролежала целый день в кровати, связывая свою болезнь с этой чёрной тучей, расценивая это как проклятье.

Уже с детства дьявол меня пугал как христианку, любящую Иисуса. Дьявол был сексуальным антиподом доброго и милосердного, но слабого Бога. Сознание раскололось надвое: доброе, но слабое, и злое, опасное, но сексуальное. Соответственно, дьявол никак не мог мне сделать добрый подарок. Любовь и власть никак не могут иметь ничего общего: словно любовь убивает всякую способность к воле, делая Бога пассивным принимателем страданий, а Бог, имеющий власть, ну никак не может любить. Только с течением времени я поняла абсурдность такого воззрения и примирила любовь и власть, понимая, что они не должны быть в разрыве друг от друга. По отдельности они лишь уродливости, как калеки. И люди, и боги, обладающие одним, но не имеющие другого, — неполноценны. Но моё расколотое, чёрно-белое мышление ещё долгое время под влиянием религиозной секты всё больше расширяло дуалистическую пропасть добра и зла, порождая неврозы.

Порой газ кончался, что сильно нас огорчало, и мы решали идти пешком в киоск посреди ночи в надежде купить новые баллоны. В этот раз мы с братом и Женей шли втроём по дороге. Не было ни одной машины, и над нами светил месяц. Один баллон делили по очереди, когда возвращались обратно. Путь к дачному домику предстоял неблизкий, и мы коротали время, ловя глюки. Приходили в дом уставшие и практически уже с пустыми баллонами и ложились спать.

Однажды Лена рассказала родителям о нашей токсикомании, и мама позвала нас на кухню, чтобы серьёзно поговорить. Она спрашивала, что нас привлекает в этих галлюцина-

циях, почему мы пыхаем. Я с энтузиазмом, надеясь быть понятой, рассказывала маме о своих видениях. У неё был баллон для газовой печи, чтобы брать его с собой на дачу и готовить там еду. Она вытащила его из шкафа и попросила нас показать, как мы это делаем. Мама попробовала, но через минуту отложила баллон со страхом в глазах, сказав: «Я видела такие же звёзочки перед глазами, как при малокровии. Дети, это опасно! Не пыхайте!» Конечно же, это было не малокровие: изначальное бессознательное недоверие к газу вызвало страшную галлюцинацию.

Мы часто приезжали на дачу с подругами — с ночёвкой или просто отдохнуть летом. Гуляли в лесу, на поле, ели дикую малину. Пока Женя рвала клубнику у нас на грядках, я попросила Машу подравнять мне волосы сзади. У меня тогда были длинные, густые волосы. Сказала ей, чтобы, подравнивая, она срезала не больше 1 см. Маша взяла мои волосы в пучок и просто его отрезала. Я обернулась и с ужасом увидела остриженные волосы, валяющиеся на полу. Я закричала; прибежала Женя и стала смеяться, поняв, что сейчас произошло. Маша заплакала, а я пыталась взять себя в руки. Так из красивых блестящих волос, которые переливались на солнце и которые я годами отращивала, у меня появилась новая причёска. После этого мне никогда в жизни не удавалось отрастить волосы такой же длины, какую обстригла Маша. Маша, возможно, сделала это не специально: она всего лишь ребёнок, который не понял, что от неё хотят.

Из дачных ягод мама делала сладкое вино; мы пили его на праздники. Когда родители отсутствовали дома, мы с братом отливали вино, напивались, включали музыку и танцевали. Ко мне приходили в гости подруги, и я угощала их. Женя всегда была очень осторожна к таким развлечениям: избегала всякую наркоту и принимала в этом участие лишь как наблюдатель или же притворялась, выпивая немного за компанию. Но больше всего меня тянуло на такие приключения.

Когда я пришла к Жене в гости, ко мне пристал Витя: якобы нужно о чём-то серьёзно поговорить, попросив Женю не беспокоить. Мы остались одни в комнате, и Витя стал приставать, пытался обнять, трогать за грудь. Я убирала его руку, стараясь не обидеть, и объясняла, что не готова, что мне ещё рано и я боюсь забеременеть. Мама внушила мне такой предрассудок: после того как парень переспит с девушкой, он, как правило, теряет к ней интерес. А я боялась остаться одна, быть использованной и брошенной, и делала всё уже в те годы, чтобы этого не произошло. Тем более что презервативами никто не хотел и не умел пользоваться из тех парней, которые ко мне приставали, — оттого что у них обычно даже на сигареты не было денег. Таким образом, у Вити ничего не получилось, но он ещё долгое время называл меня своей девушкой.

Со мной происходили необычные метаморфозы эмоциональных состояний: я будто впадала периодически в религиозное состояние сознания и стала тихо по ночам молиться, читая «Отче наш» и смотря на звёзды за окном. Меня пробивало по неведомой причине на слёзы, которые я не могла остановить. И так продолжалось год, пока однажды к нам не пришла подруга моей мамы, Лена — мать Дениса, — и не предложила мне сходить на Рождество в одну из протестантских церквей, где дают бесплатные подарки детям. Родители не были религиозными людьми. Для них православие — лишь традиция: соблюдают праздники, носят кресты,

в общем, следуют за толпой, не понимая, зачем они это делают. А меня непреодолимо тянуло к Нему. Внутри словно образовалась пустота, и жажда её чем-то заполнить, дикая тоска разрывала сердце. Это сейчас я знаю, что такое витальная депрессия у подростков, а тогда я не понимала, что со мною происходит. Переписывание молитв достигло своего числа: у меня их уже было 33 штуки, но мечта не сбывалась. Я по-прежнему не была самой любимой и красивой, поэтому продолжала их переписывать.

Во дворе у Жени и Алины появился новый мальчик — Виталик, и мы сразу с ним подружались. Меня с ним познакомила Женья: он жил в соседнем подъезде её дома. В этом же подъезде жила и девочка Настя, лет семи, из пьющей и очень бедной семьи. Про неё рассказывала Женья, что, когда мать приводит пьяных мужиков к себе в квартиру, та снимает трусы и кружится перед ними. Я не могла в это поверить, покуда не увидела это собственными глазами. Вечером, когда мы стояли у подъезда, выбежала Настя и, сняв трусы и задрав юбку, стала кружиться посреди двора. Тогда Женья сказала ей, что так нельзя делать, и заставила смеющуюся Настю надеть трусы обратно. А ещё у Насти, по слухам, был лишай, и местные дети обзывали её «вшивая;лишаивая» и с презрением убегали от неё. Она всегда гуляла одна, и у неё не было друзей. Я прониклась к ней состраданием и назло всем взяла её за руку. Так мы гуляли вдвоём по улице, и все вокруг это видели. Но, придя домой, я приняла душ и помыла на всякий случай руки. После этого Настя всегда бродила рядом с нами: мы стояли у подъезда, грызли семечки, её угощали, ходили на большой мост, на речку, и она бежала за нами.

Когда мы гуляли — я, Виталик и Женья, — к нам пристали пацаны: Денис, Костя и другие. Денис увидел меня с Виталиком и подозвал его в гараж. Я почувствовала что-то неладное, когда увидела его прижатым к стене, а вокруг него собралась шайка пацанов. Тогда я решила спасти Виталика, воспользовавшись дружбой Дениса. Я подошла к нему, взяла за руку и вывела из гаража. Тогда Виталик стал уже на улице возмущаться: «Зачем ты это сделала? Я не должен прятаться за спиной девушки!» Я оставила его в покое, сказав: «Как хочешь, возвращайся к ним», но он ушёл домой. Спустя время я почувствовала себя лишней в этой компании, и мы с Женьей тоже ушли, пока пацаны продолжали громко смеяться, забившись в «Жигули» и куря траву.

Виталик редко мог себе позволить пригласить меня к себе в гости. Была я у него всего лишь один раз и ненадолго. Он показывал свою гитару, играл на ней, пытался как-то странно приставать, задавая вопросы сексуального характера, что меня немного раздражало. Но пришла мама, и он практически вытолкнул меня в подъезд, извинившись. Я стояла в подъезде, и мне вся эта ситуация очень не нравилась: страх перед своей мамой был совершенно не оправдан, и я почувствовала себя униженной. Продолжала с ним встречаться ещё некоторое время лишь потому, что всё-таки какой-то интерес он ко мне испытывал. Мы сидели на лавочке вечером у его подъезда, и я читала ему свои стихи по памяти — они в некотором смысле его восхищали, хотя я в них не находила ничего особенного.

Я часто бывала в гостях у Алины: мы сидели с ней в её комнате, а в отсутствии родителей носились в зале, кушали на кухне бутерброды с чаем, я заполняла её тетрадь;дневник для подружек и мн. др. Когда мы гуляли во дворе вечером, Егор, брат Алины, включил «Сектор Газа» и открыл нараспашку окно, устроив дискотеку на улице. Собралась толпа детей самых

разных возрастов, все танцевали. Я стеснялась и просто наблюдала, сидя с Женей в сторонке и покуривая сигарету на двоих. Егор был высокий парень — 180 см, — немного неуклюжий и худой; руки всегда в карманах, а на лице лукавая ухмылка, что мне нравилось. Я уже тогда положила на него глаз, поскольку вокруг меня были обычно неопытные мальчишки, а Егор был старше и казался умнее и взрослее других. Девочкам; девственницам вообще свойственно влюбляться в парней старше себя: так биологически мы устроены.

Когда уже стемнело и выключили магнитофон, мы зашли в подъезд, и вышел Егор. Я тогда была в облегающей майке; Егор взглядом провёл по моей груди, и я уловила его желание, а он повернулся и вышел из подъезда. Он уговаривал Алину познакомить его со мной, но она ни в какую не соглашалась это делать. Потом, когда я пришла к ней в гости, она всё же уступила Егору. Он пригласил меня в свою комнату кое-что показать. В комнате было темно, и только освещал её стробоскоп, сверкая разноцветными огнями. Вместо дивана стояло машинное кресло, на которое меня усадил Егор. Он присел рядом и пытался аккуратно снять с меня майку. Зашла Алина и стала возмущаться: «Это моя подруга! Она ко мне пришла!» — но он отправил её обратно из своей комнаты и продолжил приставания. Снова ворвалась в комнату Алина, пригрозив: «Не приставай к ней!» Мне тогда всё надоело, да и в глазах Алины я не хотела казаться легкодоступной, чтобы в дальнейшем про меня пустили слухи. Я встала и вышла из его комнаты. Хотя желание было, но сильный самоконтроль и страх не позволили его реализации.

Когда родители уезжали — отец на работу, мама в магазин, или они ездили вдвоём в город на рынок, или на дачу на машине, — мы оставались одни дома. Тогда мы проникали в мамину комнату и искали газовые баллоны, чтобы на балконе токсикоманить, стараясь не использовать их до конца, чтобы мама не догадалась.

Брат находил кассеты с родительским порно и включал видеомагнитофон. Я не могла на это смотреть по двум причинам: первая — мне это было неинтересно, а вторая — мне было стыдно такое смотреть, тем более перед братом, для которого я должна была быть примером. Я с достоинством выходила из комнаты. У меня никогда не вызывала порнография никаких эмоций, а некоторая даже отвращение, что сохранилось и по сей день. Я ненавижу порно за то, что в нём нет отношений, чувств, страсти — одни тела и гениталии крупным планом. Зато я возбуждалась от любовного романа «Анжелика» и от сцен с изнасилованием, где женщина представлена в качестве жертвы.

Мы с родителями часто смотрели фильмы на видеокассетах, например, те же «Секретные материалы» или фильмы по произведениям Стивена Кинга, по вечерам, устроившись на кровати родителей. Некоторое время родители после переезда в новое жильё вместе спали на одной кровати, пока мама отца не прогнала в зал, где он устроился уже навсегда на неудобном диване.

Один из фильмов был со сценой изнасилования, в которой таинственный маньяк догоняет жертву, она напугана, он с неё снимает капроновые колготки и засовывает их ей между ног. Дальше уходит, ничего больше не сделав. В этот момент я пыталась скрыть на лице краску,

потому что родители находились рядом, а мне было стыдно за своё сильное сексуальное возбуждение после этой сцены.

Мама решила меня устроить на работу, так как мне уже было 14 лет, и я, по её меркам, считалась уже взрослой, чтобы обеспечивать семью. Устроила меня работать по её трудовой, то есть официально работала она, но на деле ходила убирать подъезды я. Я уже тогда проявляла первые признаки социофобии: стеснялась здороваться с соседями и чувствовала себя с этим ведром и метлой как чучело.

Мне сложно объективно оценивать себя со стороны, но субъективно я попробую передать своё состояние. Сначала стали побеждать во мне гены отца: нос стал длинным, брови чёрные, глаза... Я обладала совершенно неславянской внешностью, даже появились усики над губой. Со временем черты моей светлорусой и сероглазой мамы стали брать верх, смягчая грубые черты отца, но весь переходный возраст я была именно «папиной дочкой». Это было хорошо заметно.

Нормальной одежды у нас не было, поскольку родители, оправдывая безденежье и пытались сэкономить на всём, говорили: «Вы ещё маленькие, красиво одеваться вам не нужно, учитесь», а когда мы уже стали взрослыми: «Идите работать и сами себя одевайте». Таким образом, родители практически сняли с себя ответственность за наш с братом внешний вид.

Я донашивала порой одежду моей мамы и даже папы и брата. Впервые я стала пытаться себе сама шить уже в 13 лет, сшив топик, в котором и гуляла по улице. Обувь нормальной никогда не было. Куртки, пиджаки я донашивала в школу за мамой, а у пиджака подворачивала рукава и приталивала поясом. Из-за нищеты я одевалась хуже всех в классе, хотя перед самой школой обычно отец нам покупал некоторую одежду со всеми школьными принадлежностями.

Однажды я утром гладила юбку и спалила её утюгом, из-за чего сильно расстроилась, так как другой одежды у меня не было, а в школу надо в чём-то было идти. Я понимала, что эту юбку купил мне отец на 1 сентября и другую больше не купит. Пришлось надеть свою старую клетчатую юбку, которую сшила мама, но в поясе она мне уже жала и была слишком короткой, и белую блузку. Из-за юбки мне трудно было дышать, потому что я из неё выросла и она сильно сжимала живот.

Таким образом, я одевалась плохо, и, убирая подъезды, я чувствовала себя в этой одежде и с неславянской внешностью уродиной. Ходила, опустив глаза, и не желая такой показываться на людях. На уборку давали не меньше пяти домов: пройтись по всем лестничным площадкам и подмести, а раз в неделю — мыть их. Самое сложное — это отмывание стен от надписей и грязи. Я целый день тёрла стены щёткой, от напряжения начинали болеть руки и спина.

Когда здоровалась с соседями, голос становился тихим, и некоторые то ли игнорировали, то ли не замечали, проходя мимо и не здороваясь. После мытья подъездов воняло сырým бетоном и мочой, я приходила домой сильно уставшая.

Однажды я убирала подъезд своего дома. Стояли парни и грызли семечки, плюя на пол. Когда я зашла в подъезд, первое, что пронеслось в голове: «Они симпатичные, и я очень хочу им понравиться», но вместо этого они продолжали плевать на пол, не замечая меня. Сердце переполняла обида, которая делала меня жёстче, и я ощущала себя уродливым, бесполом существом. Подметая под их ногами огрызки и бычки, я постаралась быстро уйти.

Когда я проходила мимо подъезда с ведром и метлой, я увидела на носилках обгорелый труп, прикрытый белой простынёй. Стояла милиция, и один из этих людей мне сказал: «Иди дальше, нечего тут смотреть!» Я только потом узнала, что это сгорел один из бомжей в подвале — по версии, уснув с непотушенным окурком.

Я ненавидела свою работу за то, что многие не относятся уважительно к уборке их мусора, думая, что имеют право гадить и презирать. Проработав год в подъезде, я не получила ни копейки от мамы за свою работу. Она аргументировала это тем, что я работаю на семью, и поэтому мне личные деньги не положены.

Когда я начала понимать всю несправедливость моего положения, я перестала выходить на работу, и маме пришлось выходить самой. Но долго она не выдержала, и, как только ЖЭК потребовал убирать ещё и подвалы, разгрести весь мусор там, мама уволилась.

Также мы с Женей работали на бензозаправке и в снег, и в дождь: стояли, мёрзли и ждали машины. По очереди подходили к водителю, стучались в стекло и спрашивали: «Вам можно заправить машину?» Тогда водитель давал деньги, мы бежали оплачивать, замёрзшими руками брали железную ручку со шлангом и заправляли. Водители отсыпали мелочь — сколько кому не жалко, а иногда просто уезжали, не дав ни копейки. Так случалось часто, словно мы были обязаны делать это бесплатно.

Что-то нам всё же удавалось заработать: Жене — на хлеб, чтобы прокормить свою младшую сестрёнку и братика, а мне — на газ. Иногда нас не впускали на бензоколонку, якобы тут не положено работать, и мы искали другую. Так мы работали и с братом, зарабатывая на газ, а после, прогуливая школу, где-нибудь на заснеженном кладбище пыхали.

Егор, Витя и мой брат в это время уже подружились, и однажды приехали к нам на дачу — в тот день, когда я находилась там одна. Их пригласил мой брат. Для меня это было радостным сюрпризом, потому как я уже тогда к Егору неровно дышала. Витя с братом были на первом этаже, а Егор залез ко мне на второй, где я сидела возле окна. Он подсел рядом и положил руку мне на колено.

Я спросила Егора: «Ты веришь в Бога?» Он ответил, что в Бога не верит, но верит в НЛЮ. Потом он пытался меня уложить на пол, держа руки, навалился всем телом, стараясь залезть ко мне в колготки рукой. Я сопротивлялась, пытаясь выбраться, но неожиданно к нам поднялся Витя, и Егор быстро встал и поправился. Я тоже была растрёпанная и лохматая и руками укладывала волосы. У меня была на колготках дырка, и я боялась, что Витя её заметил, когда я лежала на полу под весом Егора. Мне было ужасно стыдно за свою заношенную одежду, но другой у меня не было.

Когда Егор спустился, Витя ревниво спросил меня, есть ли что-нибудь между нами. Я ответила, что нет.

Моя память обладает способностью к запоминанию определённых черт лиц людей, которые у меня оставили неприятный след, так же, как и у других. Все люди, позже имеющие те же черты внешности, что и человек, который причинил мне боль, автоматически вызывают неприязнь, даже если мне этот человек ничего плохого не сделал. Я понимаю, это когнитивная ошибка — что, к примеру, если Егор тебе стал врагом, то и все остальные парни с именем Егор — потенциальные твои враги. Так бессознательно мозг пытается выстроить причинно-следственную связь, чтобы организм и психику защитить в дальнейшем от новых травм.

Ну а в школе с 8 класса начался самый настоящий буллинг. Если до этого меня игнорировали и обычно издевались парни, а девушки просто не обращали внимания, избегали, то после прихода новеньких из класса «Д» девушек атмосфера и отношение ко мне сильно изменились.

Была у нас девушка Лена с длинной рыжей косой до пояса — красивая, но уж очень раскованная и наглая. Она приставала к мальчикам, была весёлая и озорная, ходила в мини-юбке на высокой платформе и ярко красила веки. Я ею восхищалась — её смелостью и красотой.

Однажды она под села к нам за соседнюю пустую парту, потому что пространство вокруг нас было из пустых парт, и спросила: «Подруга, тебе нравится кто-нибудь из класса?» И я ответила: «Паша нравится». Тогда Лена закричала на весь класс: «Она Пашу любит! Паша, слышишь, тебя любит!» Пашка изобразил недовольную рожу, словно что-то неприятное съел.

Тогда Лена сказала, что знает одного парня из соседнего класса, который очень хотел бы со мной познакомиться, и стала уговаривать пойти с ней, чтобы его показать. Ну, я и пошла с ней. Дошли мы до класса, она зашла в него и крикнула: «Я тут тебе девушку привела!», но парень не отреагировал. Тогда я почувствовала сильное унижение, но не подала виду, а гордо направилась обратно в класс и села за свою парту рядом с братом.

Я не могла злиться на Лену, потому что было в ней что-то мягкое, что смягчало все её едкие унижения, словно она хотела бы быть подругой, но по причине разности положения не

могла ко мне найти подход. Такие вот амбивалентные чувства были по отношению к ней. Она не была злой, скорее игривой и хитрой.

Но всё началось именно с неё, когда она хватала мою одежду со стула и с ней убегала, трогала мои вещи без спроса и вела себя как Руслан, и даже хуже. Тогда я стала от неё защищаться, и, когда она в очередной раз ко мне подошла, я схватила со стола ручку и замахнулась на неё. Она попятилась назад на своей высокой платформе и упала на пол. Наверное, ей показалось, что в руках у меня была не ручка, а что-то более серьёзное.

Каждый день Лена крутилась вокруг моей парты и постоянно троллила. У меня сдавали нервы, и я однажды принесла лезвие, чтобы её напугать. Я держала лезвие в руке, им играла, не отводя глаз от Лены, пока она кричала на весь класс: «Психопатка!» Да, мне всегда была свойственна неадекватная агрессия и нелогичное поведение во время травли, что было непредсказуемо для них и оттого пугало, так как вербально я никогда не умела защищаться.

Меня родители любили одевать в строгом стиле, как учительницу. Папа был влюблён в образ моей мамы как в образ строгого учителя, поэтому и стремился меня соответственно одеть в пиджаки и юбки; «карандаши». Занавешивала мамины туфли на шпильках. В них я не могла спокойно пройти по школьному коридору, их стук заставлял всех оборачиваться в мою сторону. А когда я подходила к своему классу, все сразу затихали и рассаживались по местам, но затем поднимался гул: «Это не училка!»

Всегда строгая, педантичная, во взгляде — жёсткость и недоверие, всегда одинокая и молчаливая. Мой девиз был выработан уже в старших классах: «Не трогайте меня, и я не буду трогать вас!» И я никогда никого не обижала первой, всегда только защищалась, как гордый, загнанный в угол зверь, от стаи шакалов. Но защищаться я не умела и вместо защиты творила глупость, неоправданно радикальные методы самообороны выбирала. Причины этому мне до сих пор сложно понять, но, анализируя состояние того времени, могу сказать, что у меня было слишком открытое и доверчивое сердце. Я чувствовала свою хрупкость и уязвимость. Мне требовалось больше защиты, чем кому-либо, и я её вырабатывала как умела.

Впоследствии я изменила способ самозащиты, отказавшись от агрессии, когда поняла, что много нервной энергии трачу в ущерб себе. Эта ситуация совершенно того не заслуживает. Я стала приемателем боли, без сопротивления. Непротивление насилию — это более щадящая тактика для нервной системы и психики. Лучше перетерпеть побои, чем сопротивляться толпе, с которой ты всё равно не в состоянии справиться.

Родители запаниковали, когда узнали, что меня одноклассники в школе унижают из-за носа. А у отца моего нос большой и с горбинкой, у мамы — длинный, греческий и прямой. Они боялись, что, так как я похожа на папу, нос у меня будет таким же орлиным, испортит мне всё лицо, поэтому решили идти со мной к пластическому хирургу. Тот посмотрел мой нос, спросил возраст и сказал, что я ещё не достигла 18 лет, когда нос перестаёт расти. Если сде-

лать операцию так рано, то нос продолжит расти, и неизвестно, как операция скажется на нём. Поэтому нам отказали в косметической пластике, порекомендовав подождать годика четыре.

Была ещё одна новенькая девушка — Ксюша, очень худенькая, с длинным хвостом до пояса. Она меня ненавидела, и я не могла понять причину её неприязни, потому что лично я ничего плохого ей не делала. Постоянно обзывала, огрызалась, зло смотрела, толкала и смеялась. Как и Лена, Ксюша не хотела оставлять меня в покое, но, в отличие от Лены, Ксюша была настроена серьёзно.

Мы подрались, когда в очередной раз она меня ударила. Уже и не помню причину, но, кажется, за то, что, не выдержав больше необоснованных оскорблений, я послала её на три буквы. Она такого унижения стерпеть не смогла и на меня набросилась. Все собрались вокруг нас, поддерживая Ксюшу, драка их забавляла, особенно мальчиков, которые громко подняли крик. Но Ксюша просила её отпустить, и клочок её волос оказался на полу, а у меня задралась юбка, и многие увидели мои драные колготки, за что мне потом было ужасно стыдно.

На следующий день я стояла возле окна, когда она подошла со своими подругами со мной разбираться в школьном коридоре. И вновь оскорбления, попытки провокации на драку. Я вытащила перцовый баллончик и прыснула ей в лицо. Она закрыла лицо руками, и все с ужасом от меня отшатнулись в сторону. Весь класс стал кашлять, уроки отменили, и всех по второму этажу отправили домой. И когда мы с братом шли домой, две девушки из другого класса меня отблагодарили за то, что я сорвала уроки в школе.

На следующий день я с отцом зашла в кабинет школьной администрации, где решался вопрос о моём исключении. Стояла рядом и Ксюша со своим отцом. Меня не исключили, лишь заставили просить прощения перед Ксюшей, что для моего отца было унижительным, поскольку именно он мне дал этот баллончик для самообороны — он был в курсе школьной травли.

После того как Пашка узнал от Лены, что я в него влюблена, стал надо мной уже в открытую подтрунивать. Сначала он спросил Руслана, как меня зовут, а затем ласково звал по имени, и, когда я оборачивалась к нему, показывал средний палец, зажёвывал бумагу и в меня ею плевал. На моей парте писали маты, называли лоханкой и мн. др.

У меня были кроссовки 35 размера, которые мне жали, и нога в них казалась ещё меньше, чем есть. Одноклассница Настя обратила на это внимание, выставив размер ноги как недостаток. У меня не было лифчиков, и мне подарила свои лифчики Лена, подруга мамы. Они мне были большие и постоянно спадали. Я пыталась незаметно поправить, а Настя увидела это и закричала: «Она свою грудь трогает!»

Я словно находилась под прицелом множества глаз, где нужно постоянно быть в напряжении и невозможно расслабиться, чтобы не обратить на себя внимания. К любой мелочи могли

прикопаться, чтобы унижить. Одноклассники не хотели, чтобы мы приходили в школу, и так открыто заявляли. Мы стали прогуливать. Практически весь 8–9 класс мы провели на поле, похожем на огромную помойку из заброшенных гаражей, токсикоманя.

Когда я подходила к школе, у меня сломался каблук, и я повернула от школы домой, хромая на одной ноге, — появился повод вернуться домой, а значит, ещё один день прогулять. И прогулы стали для нас по-настоящему приятным времяпровождением, а школа — великим стрессом, в стены которой никогда не хотелось возвращаться.

Брат стал меня стыдиться уже после 6 класса, а в 8 и 9 он и вовсе предпочитал идти вдали от меня. Стоило мне к нему приблизиться, он кричал: «Отойди от меня, не позорь!» Он говорил мне, что, если бы не я, он бы хорошо учился и не стал бы изгоем в классе, таким образом, я брату испортила много лет жизни.

Когда мы шли в школу, мы увидели человека на асфальте дороги, лежавшего под белой простыней. Это был самоубийца, выпрыгнувший с 5 этажа. После уроков, проходя по той же дороге, на асфальте осталось лишь тёмное пятно от крови.

Мы как цветы разных форм и расцветок, но итог у всех один — мы вянем. Неважно, какую жизнь ты прожил, каким крутым или неудачником был, — всё равно умрём и канем в небытие. Банальные истины. Поэтому наши проблемы не имеют большого значения для Вселенной, но только для нашей ничтожно маленькой жизни, которая длится в среднем всего каких-то 80 лет. Главное из них — только первые 30 не запорочить, что мне сделать, к сожалению, не удалось. Берегите детство, потому что, по сути, только оно и есть настоящая жизнь. Остальное после него — это бесконечная борьба и страх.

Брат не любил убираться, мыть посуду, и, вообще, родители сколько ни бились, навязывая ему обязанности по дому, он им помогал лишь до определённого возраста. А после завалился на сломанное раскладное кресло, ножками которого служили книги, и смотрел маленький телевизор, положив его на живот. Заставить с этого момента его двинуться с места, чтобы убираться хотя бы в своей комнате за собой, было практически невозможно. На почве этого мы ссорились, потому что жила я с ним в одной комнате, и этот бардак мне приходилось либо терпеть, либо убирать. Ведь на мне, вдобавок, помимо уборки всей квартиры, была и готовка. Однажды я забыла помыть кастрюлю и случайно разбудила маму. Она вышла из комнаты на кухню, увидела немытые кастрюли и вцепилась в меня, стала бить. Но сначала, когда ещё брат был послушен родителям, мы составили график обязанностей — кто какие комнаты убирает. Мы поделили комнату по линии линолеума на полу на две части, и я убирала только свою часть комнаты. Но брат закидывал мусор, фантики от конфет и грязные носки мне под кровать, чтобы заставить меня убирать за ним. Ещё он мучил кошек, иногда избивая их жестоко за то, что они гадили у него под кроватью, и я от него старалась их защитить. Во время драки я поднимала крик, чтобы родители его остановили, оттого что брат вёл себя по отношению ко мне агрессивно и несправедливо. Например, он мог лезвием изрезать мою одежду в шкафу, сломать мне вещи либо положить свои вонючие носки мне под подушку. Он выколол глаза Алёнушке, изображённой на картине Васнецова, только за то, что она была на меня похожа.

Эта картина нам досталась от бабы Юли, которая к тому времени уехала в другой город, продав свою квартиру. Родители часто заходили в комнату на мои крики и возмущения и кричали на брата, пытались остановить его беспредел. Я не знаю, за что меня мой брат ненавидел и ненавидит до сих пор, но отношения с ним у меня всегда были сложные. Может, и есть какая-то вина у меня перед ним, о которой я ничего не знаю. Ни разу с того дня, как я ни пыталась это выяснить, он на контакт не шёл. Всегда замкнут, молчалив и отстранён от всех, недоверчив к родным, в своих угрюмых мыслях.

Мне было тогда уже 15 лет, когда это случилось. Я была на даче и решила немного пыхнуть газом, пока мама что-то делала на грядках и ничего не видела. Газ купили родители, чтобы готовить еду на газовой переносной плите. Я не успела даже словить глюк, как меня схватила мама за одежду и стала бить с криками и матами: «Убирайся, чтобы я тебя больше тут не видела!» Я тогда ушла из дома впервые. Шла куда глаза глядят, не разбирая дороги, час пути. Сердце переполнено обидой, на глазах слёзы. За мной шёл полный мужчина с животиком, рост небольшой, чуть выше 160 см, и он решил познакомиться, спросил, чего я такая грустная. Я ему ответила: «Мама из дома выгнала». Он спросил мой возраст и, узнав, что мне 15 лет, пообещал помочь и предложил пойти с ним. Мне показалось, что ему можно доверять: он не казался злым, и я пошла с ним в обратном направлении. Когда мы шли по поляне через лес, я почувствовала что-то неладное. Он остановился и схватил меня за кофту. Я поняла, что он от меня хочет, а именно — изнасиловать. Я вырвалась из его рук и, пробежав некоторое расстояние, обернулась. Он стоял на том же месте и просил прощения за своё поведение, обещая меня больше не трогать. Тогда я вновь доверилась. Мы шли к нему домой, потому что он пообещал мне дать комнату, в которой я смогу жить, и что приставать не будет. Какие в этот момент были мысли? Что заставило меня пойти с ним? Если быть максимально честной, то это желание быть нужной и, в некотором смысле, сексуальное желание тоже. Мне хотелось, чтобы меня добивались, любили, чувствовать себя желанной. Он вёл меня по каким-то извилистым дорогам. Мы дошли до психушки, затем пришли к баракам. В этот момент я уже очень устала, болели ноги, и хотелось присесть. Он всё время повторял, что мы уже почти пришли. Мы зашли в бедный частный дом. Нам открыла какая-то женщина лет пятидесяти. Он усадил меня на кровать, а сам ушёл разговаривать о чём-то с ней. Пока я скромно и послушно ждала, они о чём-то громко ругались. Видимо, он хотел, чтобы я осталась в этой квартире, а эта женщина не дала своего согласия. Поэтому он раздражённо вошёл в комнату: «Пойдём!»

Мы пришли на другую квартиру, в которой никого не было. На улице уже темнело. Он включил транс на магнитофоне и повалил меня на кровать, пытаясь раздеть. Я сопротивлялась, дралась, стараясь высвободиться. Часть одежды ему удалось снять, но я вырвалась и схватила одежду, стала её надевать обратно. Всё повторилось заново, и у него ничего не получилось, только раздеть. Я сидела на другом конце кровати, прикрывшись простынёй, смотрела в сторону и молчала. Он с отвращением сказал: «Ведешь себя как целка!» Но я и была девственницей в тот момент. Только почему-то будто он в это не верил. Устав от этой игры, он лёг на кровать: «Ладно, больше не трону, ложись». Я некоторое время не верила, но сильно клонило в сон, и усталость заставила прилечь рядом, повернувшись к нему задом. Страх ещё не давал закрыть глаза. Я наблюдала за его кистью руки, как в воздухе он ею танцует под музыку, делая резкие движения: «А знаешь, я лежал в психушке. Тебе бы туда лечь: там кормят и будет крыша над головой. Я научу тебя, как туда попасть. Просто сделаешь то, что я буду тебе говорить».

На утро он ушёл на целый день. Я подошла к двери — она была закрыта. Могла выбраться в окно, могла и дверь открыть, если бы хотела, но почему-то я решила остаться. Целый день без еды, чувствуя себя несчастной, я встала на колени и прочитала молитву «Отче наш», попросила Господа, чтобы он меня защитил и чтобы этот мужчина в меня влюбился. А потом лазила по шкафу в комнате в надежде найти газовый баллон, чтобы не было сидеть так скучно.

Вечером он пришёл, и история повторилась: снова домогательства. Он меня раздел, но всунуть свой половой орган не смог, потому что я вырывалась и дралась. Нашла большой железный гвоздь и держала его в руке на случай самообороны, но использовать его боялась. Он вывернул руку с гвоздём и провёл мне ею по внешней стороне бедра, но я не чувствовала боли, потому что страх мутил сознание. Ещё некоторое время он давил меня к полу своим телом, затем устал со мной бороться, попросил: «Хватит уже дёргаться! Я между коленей, не бойся, вставлять не буду!» Так он кончил между коленей и улёгся на кровать, уснул.

На утро снова ушёл, а когда пришёл, принёс пюре с помидором, сказав: «Прими ванну». И наконец-то за три дня я поела. В ванну я не приняла, боясь раздеваться, только помыла руки и ноги, находясь в одежде. Потом он ушёл, и через некоторое время в комнату ворвались люди в белых халатах, с ними — женщина. Она вцепилась мне в волосы с криками: «Ах ты шлюха!» Я выбежала из квартиры на улицу и вышла на дорогу. Палило солнце, чёрные туфли были в пыли. Потом поняла, что идти некуда, и решила вернуться. Села во дворе на скамейку возле его дома и сидела так несколько часов, пока не решила сходить и постучать в дверь. Он открыл: «Что тебе надо? Иди уже отсюда!» Я вышла из подъезда, села на ту же самую скамейку и сидела до самой ночи. На небе множество звёзд, ночь была совершенно не холодная. Положив голову на руки, я уснула. Ко мне подошла девушка, разбудив: «Тебе негде жить? Пойдём ко мне, я угощу чаем». Я пошла с ней, и она разложила раскладушку, налила чай и сделала мне бутерброд с маслом, а сама при ночной лампе легла на кровать и читала книгу. На утро она пошла на работу, а я пошла на поле возле нашего дачного домика: хотелось домой. Решила отследить, есть ли родители на даче, и они там оказались. Так вернулась домой их блудная дочь. Никто не заявлял в милицию, и меня не искал.

Мама нашла мне ещё одну работу — убирать по утрам один офис за 50 руб. в день. Я ходила по утрам в офис, который находился в жилом доме, прямо в квартире. Мы с мамой убирали по очереди, но забирала все деньги за уборку мама. Она купила себе цветной телевизор, а мне же лишь кроссовки, в которых я потом ходила на урок физкультуры.

Я нарисовала на парте карандашом крест, обвитый цветами, и Тимофей увидел крест, сказал, что я красиво рисую. Но он не понял, что этот символ означал: «Я собой украшаю Бога, я Его обвиваю, через Него тянусь к Солнцу». Наверное, у меня есть этот «религиозный ген», о котором так много пишут статей, потому что мои родственники на материке практически все очень верующие люди, посещающие церковь и соблюдающие православные праздники. Или, возможно, с детства у меня начал развиваться невротизм, слишком сильное доверие авторитетам, т. е. я нуждалась с самого детства в ком-то сильном, кто может защитить и быть как родитель. И это при живых-то родителях! Я зацепилась за идею Бога как за доброго Деда Мороза, который создаёт иллюзию безопасности.

Лена пришла к нам утром, и мы отправились в церковь с ней и с её родственницей. Было Рождество, снег хрустел под ногами, всё вокруг было белое и светлое. Проходя через частные одноэтажные дома бедного посёлка, мы наконец добрались до церкви. Это был небольшой двухэтажный дом с табличкой, на которой был изображён крест, обвитый цветком. Первое странное совпадение, которое мне бросилось в глаза, — это крест, обвитый выющимся цветком, тот самый, который я рисовала на переписанных молитвах. Это был символ церкви. Откуда мне было знать, что в будущем я буду ходить именно в эту церковь с таким символом? Я была уверена, что этот крест, обвитый моей цветочной фамилией, выдуман исключительно мной. Но уже позже я его стала встречать на сайтах у розенкрейцеров и оккультистов.

Когда мы зашли внутрь, церковь была полна бабушек и детей, молодёжи было мало. Во время рождественской сцены вышел парень и стал говорить монолог, закончив словами и указав рукой на меня: «И тебя заберёт дьявол!» Меня это удивило и испугало. Только потом я стала понимать, что, возможно, я была новенькой, поэтому он, неожиданно увидев меня, не смог не обратить внимания. Но, так как был на сцене и должен был жестиковать, ему пришлось ненароком махнуть рукой в мою сторону, при этом посмотрев на новенькую темнотазую девушку с мрачным лицом. Нехотя я привлекала внимание.

После службы всех детей пригласили выйти на сцену за подарками, и Лена подтолкнула меня: «Иди!» Я не хотела идти на сцену, боялась, но, преодолев страх, зашла на неё и встала со всеми детьми и девушками. Всем раздали пакеты с конфетами, и я, получив свой, села на место. После службы люди общались, улыбались друг другу, дети носились по церкви, я сидела одиноко и наблюдала за суетой. Ко мне подошла женщина: «Какие у тебя красивые глаза! Как у моей дочери Маши!» В этот момент я смотрела на неё: она мне показалась странной. Худенькая, маленькая женщина с красивым лицом, но необычным из-за косоглазия: взгляд смотрит на тебя, но будто в другую сторону, и меня это напугало. Она предложила прийти в воскресенье на её воскресные уроки, и я согласилась. Меня привлекла эта женщина: ласковая, от неё исходило спокойствие и кротость. Позже я узнала, что её зовут Вера.

С этого дня со мной стали происходить странные и по сей день необъяснимые вещи. Когда я пришла домой, та пустота в груди (которую я сейчас называю витальной депрессией или тоской) была заполнена. Что-то приятное внутри меня, в груди, заполняло до самого горла. Я дала этому название в тот же день, сидя перед мамой на полу возле её кровати. Я рассказывала про всё, что увидела в церкви, и про приятную «теплоту в груди», происхождение которой я не имею возможности объяснить. Для меня это было новым чувством, до того дня неведомым чудом.

Я подсела в дальнейшем на это, как на наркотик, и ходила в церковь за этим наполнением. Мне больше ничего не было важно, кроме этого ощущения. В церкви все чувствовали подобное и никто не мог толком объяснить, зачем это нужно, называя это «любовью Бога», «наполнением Духом Святым», «благодатью» или «благословением». Мне понравилось слово «благословение», и я стала использовать этот термин. Даже сейчас я не могу описать это странное ощущение, которое уже независимо от церкви появляется после молитвы, но сделаю попытку: от сердца до самого языка и под языком словно что-то инородное, сладкое льётся с каждым

словом, выходя наружу. Если много говорить, то это со словами исчерпывается, и снова появляется будто пустота внутри, дискомфортное, вызывающее тоску ощущение. Ещё это пропадает, если долго не молиться, разрывая тем самым «связь с Богом». Ты будто внутри себя засыпаешь, свыкаясь с пустотой, и перестаёшь её замечать. Благословение появляется независимо от молитвы: достаточно, чтобы кто-то за тебя помолился из пятидесятников, и неважно, на каком расстоянии, — ты словно телепатически наполняешься этим. Ещё достаточно посетить служение в церкви, ничего не делая, стоя рядом со всеми, с «открытым сердцем» Богу.

Я не могу понять закономерности: почему одни люди могут это испытать, другим будто доступ закрыт. И вот что странно: я узнала сначала это чувство в первый же день прихода в церковь, позже пыталась дать ему название и только позже узнала, что это «благословение», которое знакомо многим пятидесятникам. Если бы это было расчётливое внушение мне в церкви коварными бабушками, то я знала бы хотя бы название, но я его не знала. И это не передача эмоционального состояния, как может показаться: я с этими людьми даже знакома не была, чтобы их состояние мне передавалось. Ещё много необычных вещей я видела и испытывала в секте консервативных пятидесятников, но об этом позже.

Сейчас же моё мировоззрение под воздействием пережитого опыта и прочитанных книг сильно изменилось. Я больше не та наивная девушка, которой была, и образ Бога у меня уже совершенно другой. Я стала агностиком, не признающим христианство в том виде, в котором оно в современном мире существует, но допускающей вероятность потустороннего мира. И главное, я поняла, что никому мы «там» не нужны, а если и нужны, то это не Бог и не какое-либо могущественное существо: Он помочь не сможет. Молиться совершенно бесполезно, если только для телепатической связи друг с другом, что также ещё находится под вопросом. Мне позволяет сделать такие заключения 20-летний молитвенный опыт.

Посмотрите на новорождённого носорога: на что похоже это животное? Мне кажется, оно похоже на неуклюжий камень, который пытается двигаться. Оно радуется и не понимает своего положения. Я думаю, мы все — камни, ограничены материей, своим телом, не можем выйти за его пределы. Мне зато жалко людей, даже тех, кто творит зло. Они просто, как это животное, не осознают, в какой ловушке находятся, как хрупки. Возможно, именно душа, запертая в камне, заставила его двигаться в жажде свободы. Свобода — это единственно важная цель жизни.

Был воскресный день, и я пригласила с собой Женю в церковь. На уроках Веры была небольшая компания: кореянка Юля, дочь Веры — Маша, Женя, Лида, подруга Маши, и я. Юля была скромной и не высокомерной девушкой, о ней я мало что знаю. Маша — звезда нашего коллектива, красивая девушка, посещающая музыкальную школу. Лида — крупная девушка с чёрным курчавым волосом, который с трудом расчёсывался и укладывался в причёску. Маша была простужена и шмыгала носом, что мне тогда казалось очень сексуальным. Она мне нравилась своей естественностью. Уже и не помню, о чём был урок в воскресной школе. Вера дала домашнее задание — выучить стихи из Библии и, вручив мне с Женей по Библии, пригласила пить чай на второй этаж. Там стоял обеденный стол, был выход на балкон и много коробок.

Я не любила есть со всеми, потому что ужасно стеснялась и часто из-за этого давилась едой, кашляла. Сильное напряжение во время еды «на людях» не даёт от страха проглотить кусок, и, чтобы его наконец съесть, приходится мысленно будто входить в транс, внушая себе, что на меня никто не смотрит. Мысли: «Что я для них безразлична, и вообще, кому я нужна?!» Этот приём мне когда-то подсказала мама, когда узнала о моём страхе перед людьми уже в школе: «Внушай себе, что на тебя никто не смотрит, потому что никому ты не нужна, чтобы на тебя смотреть». Так я и сидела в 8–9 классе по несколько минут, мысленно повторяя во время уроков или перемен эти спасительные слова, чтобы успокоиться. Откуда у социофобов такая вера, что всем они так нужны, чтобы их осмеивать? В моём случае я была в какой-то мере шутком в классе, и ко мне было незаслуженно повышенное внимание, что и спровоцировало этот комплекс.

Женя вела себя свободнее, её скромность была скорее имитацией, чем настоящей. У меня же был самый настоящий страх, из-за которого я не могла долго находиться среди девочек и старалась как можно быстрее уйти. Уже в то время я начала писать дневник. В нём было много самоунижения и слёз, признаний в любви к Егору и страх быть оставленной Богом. Каким-то образом многие воспоминания, которые мне в то время казались существенными — как ответы от Бога, как Его водительство и духовные знаки, откровения и ответы на вопросы, — спустя некоторое время забылись. А «чудес», т. е. случайных совпадений, происходило так много, что это даже стало восприниматься как что-то естественное.

Тётя Вера, когда нас отпускала домой, молилась за нас на иных языках. В это время по умолчанию все должны были закрывать глаза и делать вид, что молятся вместе с ней мысленно. Я не могла закрыть глаза от удивления, когда услышала впервые, как молятся на языках. Я осторожно поглядывала на Веру и не понимала, что это сейчас происходит. Для меня всё казалось предельно странным в первый год знакомства с этими людьми. И, учитывая, что меня всегда влекло мистическое и загадочное, я полюбила ходить на служения для приобщения к таинственному.

Но после вознесённой молитвы Господу каждый должен был по очереди что-то произнести, и, когда доходила очередь до меня, я готова была провалиться под землю, не зная, как возможна искренность перед Богом при наличии такого страха. Открывание чистого и максимально искреннего сердца Богу — как любящему Отцу, который позаботится о тебе и знает лучше, что нужно тебе, лучше, чем ты сама, — так нас учили. Бог есть любовь, строгая, но справедливая. Он наказывает за грех, за непослушание, но никогда не даёт страданий выше того, что ты можешь выдержать. И если будешь послушной Его дочерью, то Он тебя вознаградит Своей близостью, любовью и хорошей судьбой. И я верила, я старалась быть максимально хорошей для Бога. Через Евангелие и уроки воскресной школы я поняла, что даже «прелюбодеяние в сердце своём» — это грех, закрывающий доступ к Господу, и нужно бороться с грязными помыслами, то есть с эротическими фантазиями, забивая на корню всякую в себе сексуальность. И я стала работать над собой: закрывала глаза и представляла, как внутри меня всё это убирается в железный сундук на три замка и прячется глубоко внутрь. Каждый раз, когда развращённая мысль проникала в голову и накатывало сексуальное желание, я в себе это старалась спрятать в сундук, закрыть напроц, уничтожить навсегда — и так много лет. Мастурбация — грех, и я прекратила это делать. Когда видела эротические сны, утром каялась и стыдилась перед Богом, ведь это означало, что моё тело ещё недостаточно побеждено духом, раз снится

такое. Поднимала к небу глаза, полные преданности, доверия и нежности к Богу, просила лишь об одном — чтобы Он меня никогда не оставлял и был всегда со мной. Каждую молитву я повторяла: «Я больше ничего у Вас не прошу: ни денег, ни здоровья, совсем ничего. Прошу только об одном: БУДЬТЕ ВСЕГДА СО МНОЙ И НЕ БРОСАЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!» Это был по;настоящему кайф, наркотическое опьянение в Его любви; я в Ней купалась, как в океане. Она покрывала меня, и вокруг мир преображался, словно всё сияло, как снег при лунном свете. Предметы, которые раньше были обычными, — драные обои, нищета, — всё это в Его свете становилось прекрасным. Я не чувствовала сексуального желания к Нему, лишь сильнейшее доверие ребёнка к Отцу, без примеси всякого порока; о сексуальном желании даже мысли не шло — я не могла допустить такой стыд. Я боялась поднять глаза и даже руки свои считала недостаточно чистыми, чтобы их поднять к Нему, к святому, дабы не осквернить собой. Ощущала Его внимание: Он наблюдал за каждой моей мыслью, от Него ничего нельзя было скрыть — полная, стопроцентная власть и невозможность выйти из;под Его контроля. Я не видела смысла что;то от Него скрывать, притворяться хорошей, ведь это бесполезно. Таким образом, я попала в сильнейшую зависимость от Его любви, и, когда её теряла, страдала: мир погружался во тьму и депрессию. Его присутствие пропадало обычно к концу недели, перед воскресным днём: я переставала Его чувствовать, и наступали тоска, слёзы, наркотическая ломка, отчаяние. После воскресного служения я снова была «на облаках с Ним», и так меня бросало из ада в рай, из холода в жар — много лет.

Вставлю между строк ещё одни свои рассуждения о праве на смерть. Самоубийц, которые страдали много лет и не нашли другого выхода, кроме смерти, вынашивали эту мысль и обдумывали её порой одну треть своей самой сознательной жизни, пришли к заключению, что смерть — это единственный для них выход. Их обвиняют в эгоизме те, кто не в курсе их мучений и мыслительных процессов. Поэтому и приходится писать всё это, чтобы объяснить несправедливость таких обвинений: «Ты не живёшь ради близких, ты их не любишь, потому что хочешь умереть; оттого что ты никого не любишь, кроме себя!» Когда предлагаешь близким пойти вместе с тобой, они говорят, что у них ещё много планов на эту жизнь и им рано уходить. И я не имею права их забирать насильно на тот свет: каждый сам решает, сколько ему жить и когда умирать. И я борюсь за эту свободу, за что получаю упреки в эгоизме. То есть заставлять жить и страдать другого ради себя — это любовь? Разве не эгоизм — покушаться на свободу выбора другого человека, заставляя его жить? Именно это и есть не любовь и эгоизм чистой воды, а не поступок самоубийцы. По;настоящему любящий человек стремится умереть с тем, кого любит, в один день. И ни планы, ни мечты, ни сама жизнь ему не заменяют любимого. Если мне скажут такое, что жизнь ценнее меня, я начинаю думать, что я не нужна на самом деле совсем. Ради меня не хотят умирать, хотят жить и реализовывать свои планы — вот и вся любовь. Зато от меня требуют не быть эгоисткой и подумать об оставшихся! Я воспитывалась как христианка в самоотверженной любви, и понимание её таково: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих», то есть умереть ради любимого — это нормально, и жить ради любимого в страданиях — это тоже нормально. Следовательно, если я останусь жить ради близких, я тем самым докажу им свою любовь. Но я живу уже так много лет — сколько же мне её ещё доказывать? Даже умереть намного легче им ради меня, чем мне так продолжать жить, не видя конца страданиям. Жить годами в страданиях ради любимого человека — это несоизмеримо тяжелее, чем умереть за него. А кто же мне докажет свою любовь? Кто умрёт за меня? Почему я обязана им доказывать, обрекая себя на мучение, а они одним лишь поступком (даже без мучительного распятия на кресте) не могут доказать свою любовь? Или хотя бы отказаться от своего эгоизма и отпустить. И я знаю, почему так: потому что чужую боль сложнее понять; жизнь у большинства в сознании воспринимается

позитивно. На самом деле ни жизнь, ни смерть не плохие и не хорошие — это мы их окрашиваем в краски. Поэтому жить ради другого и страдать, оставаясь в живых, не воспринимается обществом как подвиг.

Рядом с нашим домом построили протестантскую немецкую церковь, при строительстве которой, когда гуляли с братом, я совершила обряд. Когда только установили стены и даже ещё не было крыши, но уже в центре здания будто поставили солею и кафедру. Я пошла по коридору, представляя себе, что иду к Нему, к своему жениху. Забралась на возвышение и загадала желание стать Его невестой. Брат видел, что я делаю, но не придавал этому особого значения. На Пасху мы пошли в уже построенную церковь с родителями. Как прошло утро на служении, есть хоумвидео, поэтому рассказывать не буду: было скучно и не очень интересно. Но после, когда мы пришли домой, я легла спать, и мне приснился необычный сон: будто сижу я маленькой девочкой на сером ковре и рассматриваю стеклянные шарики, потом поднимаю глаза, а в них слёзы и сильная тоска: «Как же я устала, когда же конец?» Только одни большие глаза, полные грусти. Я проснулась и ощутила внутреннюю боль, адскую усталость, словно я уже старуха и прожила целую жизнь, моя душа, взаперти, в темнице, была заточена столетия и мечтает лишь о свободе, какой бы она ни была. Я плакала. Беспричинная депрессия, длящаяся всего несколько минут, но оставившая неизгладимый след в памяти. С того дня мы заболели гриппом: болела вся семья — температура, кашель, насморк; болели тяжело. Я выстроила мистическую взаимосвязь между этими событиями, хотя сейчас я понимаю, что никакой мистики нет. Это не наказание Божье за грех, а лишь вирус, подхваченный в многолюдной толпе. Сейчас мне стыдно вспоминать свои наивные и детские попытки везде видеть закономерности и случайности, знаки от Бога. Но мне придётся рассказывать в этом дневнике, как происходила трансформация из мифологического сознания к рациональности. Этап был долгий и болезненный. Кому;то везёт не влезать во все эти суеверия и обойти без травматизма религию, но мне не повезло: я получила горький, но, возможно, и полезный опыт.

Также с Женей мы решили с родителями съездить в православную церковь на Пасху на машине, чтобы поучаствовать в праздничной литургии. Народу было много: все теснились, толкались; часть людей стояла на улице; толпы окружали небольшую церковь. Мы протиснулись внутрь церкви через толпу, чтобы видеть разодетого священника, поющего: «Христос воскрес!» Пока я стояла, прижатая со всех сторон людьми, я почувствовала, что кто-то трогает меня за зад. Я повернулась к нему и встретилась глазами с мужчиной, который смотрел на меня и улыбался. Тогда я попыталась протиснуться подальше от него, сказав Жене об извращенце. Мы с трудом выбрались из церкви на улицу и пошли домой; людей и машин на дорогах не было. Всю дорогу смеялись, дурачились, обсуждали этого извращенца, религию, а когда пришли, ноги болели от усталости. Нежно попрощались и, пожелав друг другу самых приятных вещей, разошлись по домам. Как же я любила Женю, мою единственную подругу, после которой у меня никогда никого ближе не было, кроме мужа. Мы стояли посреди двух домов — её и моего — и держались за руки: «Я тебя люблю» и «Я тебя тоже очень люблю». И когда шли домой, оглядывались, махали друг другу рукой. На стенах домов, на гаражах писали, что мы подруги навечно, верили, что такое возможно. Кто знал, что именно моё сильное желание сохранить нашу дружбу приведёт к тому, что мы расстанемся? А всё началось с того, что церковь меня сильно изменила: из весёлой и озорной девушки она сделала меня печальной и замкнутой. Я влюбилась: эта наркотическая любовь к Богу и тоска по Нему погрузила меня в сильную депрессию. Я отдалилась от общения даже со своими родными, всё больше погружалась в свои мысли; меня перестали понимать, и мир будто стал чужим — только Он и я, и одиночество. С

Женей из;за этого также стали портиться отношения: она всё больше предпочитала компанию Алины, всё реже приходила в гости, стала отдаляться от меня. Не желая терять свою подругу и дабы предотвратить разрастающуюся пропасть между нами, у меня созрел план — привести Женю к Богу. И тогда я стала молиться, чтобы Господь ей открыл тот «наркотик», на который подсадил меня, а заодно каждый раз уговаривала пойти со мной в церковь на служение, заманивая её рассказами: «После служения кормят» и «Теплота в груди — это очень приятное ощущение». Женя пыталась почувствовать то, о чём я ей рассказывала, и благословение, но ничего поначалу не ощущала. Потом всё;таки что;то начала чувствовать и впоследствии научилась входить в глубокий транс, ощущая присутствие Господа. Я радовалась, что мне удалось Женю «завербовать» в секту и теперь мы вместе будем ходить на служение: наша дружба не прекратится. Как же я ошибалась в этот момент!

Всё началось с тёти Веры: в ней Женя увидела заботливую маму, которой ей так не хватало. Вера беспокоилась обо всём: расспрашивала, как мы живём, как себя чувствуем, о чём мечтаем; когда нам было психологически или физически плохо, мы всегда могли к ней обратиться за поддержкой и молитвой. Вера стала для нас не только учительницей, но и бесплатным психологом, который всегда выслушает и что;нибудь посоветует. Сила её молитв ощущалась даже на расстоянии: к примеру, она молилась, и я это чувствовала. И когда звонила (тогда ещё не было переносных телефонов) на домашний, она говорила, что только что молилась за меня. И я знала, когда она молится, потому что это ощущалось тактильными галлюцинациями: по всему телу в этот момент волнами шли мурашки, а в груди появлялась та самая «теплота». Такая вот необъяснимая телепатия. Но это привело к тому, что Женя стала меня ревновать к Вере: соперничество за её внимание — я была лишней. Вера по непонятным причинам уделяла мне гораздо больше внимания, чем даже своей дочери, а я стала зависеть от её молитв, потому что после них Он был со мной. Это унижительное рабство от другого человека, когда нет возможности самостоятельно достигнуть Его и «теплоты в груди», не прибегая к посторонней помощи — либо церкви, либо молитвы Веры. Я же, в свою очередь, мечтала только об одном — быть с Ним ни от кого независимо, оторвать своё счастье от церкви и наставников, и я стала этого добиваться всеми способами. Поскольку, когда не будет такой возможности посещать церковь или добывать молитвы, зависимость от Него меня погубит. Я очень хорошо это осознавала, и страх заставлял к Нему стремиться отчаянно; я просила лишь об одном: «ПРИДИ И НЕ БРОСАЙ МЕНЯ!»

Атеисты и люди, которые далеки от религии, от секты пятидесятников, думают, что именно мифологическое мышление является виновником их веры. В моём случае это наслаждение. Я испытывала невероятное чувство счастья в Его присутствии: когда меня любят и я нужна, когда я для Него — самое важное и драгоценное существо. Это сложно передать словами, но это лучше любого секса — невероятно прекрасное состояние блаженства. Я чувствовала Его внимание на себе, Его сердце — чистое, открытое, без всякого лицемерия, фальши; Его глаза — это глаза невинного ребёнка, но мудрого и доброго. И за любое появление в себе пошлых мыслей в Его присутствии меня вгоняло в краску: внутри от стыда всё сжималось, появлялись слёзы покаяния, трепет и обожание, нежность и восхищение. Безумная жажда не отпускать Его, но Его не ухватить руками: Он, как воздух, проскальзывает сквозь пальцы, и остаётся только плакать и умолять.

Ночью брат выпрыгнул из окна первого этажа нашей детской комнаты и обещал, что ненадолго. Но прошло много времени, и я стала волноваться: брат не возвращался. Всякие мысли лезли в голову: что он сейчас в милиции или его избили, а я за него отвечаю перед родителями. Жалела, что не остановила его, припугнув, что расскажу всё родителям: так как из-за меня он, возможно, попал в нехорошую ситуацию. Был выключен свет, но уснуть от волнения не получалось. Я услышала стук в окно, потом ещё один по стеклу. Выглянула и увидела под окнами парня: он кидал камушки в окошко. Было темно, и я не могла разглядеть; подумав, что это брат, сказала ему идти домой. Но это оказался Егор. Он стоял пьяный, пошатываясь, и просил выйти, помочь затащить брата в квартиру, потому что тот не мог стоять на ногах — перепил. Тогда я вышла из квартиры, и мы занесли братика, уложили на кровать; родители не проснулись. Егор стал уговаривать немного постоять с ним в подъезде. Он практически умолял уделить ему немного внимания, и я согласилась. Мы стояли в подъезде, и он признался, что давно меня хочет, предложил пойти к нему на работу. Мистическая атмосфера тёплой ночи влекла на приключения; внутри меня кипел адреналин и сексуальное предвкушение. После дождя блестел асфальт под ногами, на небе множество звёзд, и мы шли по дороге к нему на канэзы. Он всю дорогу рассказывал интересные подробности про самураев, про себя, свои увлечения, а мне казалось: «Какой же он красивый и умный, столько знает!» Перед этим в дневнике я оставила последнюю запись: «Мухи ползают по окну, а у меня непонятное сегодня предчувствие...»

Я сходила с ума: закрывая глаза, я видела демона в огне — он был объят пламенем, а внутри меня пожирал огонь страсти, который с трудом мне приходилось сдерживать, потому как я была верующей. Я будто приблизилась к раскалённому божеству, которое хотело меня сжечь, но силой воли и с Божьей помощью удалось сохранить девственность. Егор всю ночь меня домогался, пытаясь сломить моё сопротивление, но я то поддавалась, то обратно отбирала у него возможность. И таким образом внутренняя и внешняя борьба продолжалась несколько часов, пока он, уставший, не уснул. А я села на скамейку за стол в этом железном контейнере, в котором он работал. Я закрыла глаза: перед глазами был огонь, внутри меня тоже, но я радовалась, что смогла победить демона блуда, сохранить перед Богом свою чистоту. Вторая ночь с Егором прошла так же: я снова одержала победу над своей плотью, позволив Егору сделать мне только кунилингус. Когда он уснул, я лежала на его руке, смотрела на звёзды за окном и почувствовала тоску: меня снова импульсивно притягивало к Нему. Подумала: «Моя любовь к Богу сильнее, чем что-либо, поэтому мне нужно возвращаться домой». На утро пришли какие-то мужчины, стали стучаться; засуетился Егор: «Быстро одевайся!» И когда они ушли, он отправил меня домой, сказав, что мне нельзя тут находиться: его могут за это уволить.

Когда я вернулась домой, узнала от мамы, что за меня она волновалась и вчера ночью молилась — в тот самый момент, когда я смотрела на звёзды и думала о том, что мне надо возвращаться. Когда я отсутствовала, мама открыла мой дневник, и её напугала последняя запись с мухами: она была уверена, что со мной что-то случилось. После этого случая Егор распустил слух, что со мной у него был секс, хотя на самом деле ничего подобного не произошло. Женя, Алина, мама и даже брат не верили мне, что я ещё девственница. Мне не верил никто, даже соседки по подъезду, поскольку слух обо мне пронёсся по всей улице. Когда я шла в магазин, пожилые женщины смотрели на мой живот, а одна из них даже подтвердила: «Она беременна». Меня это задевало: какое им дело, беременна я или нет? Ещё долгое время сохранялось напряжение в отношениях с Алиной: она была уверена, что я переспала с её братом, — до тех дней, пока у меня не поднялась высокая температура и мама не добилась, чтобы меня

положили в диагностический центр. Я взяла с собой дневник и пачку сигарет, чтобы развеять скуку, пока буду лежать в палате. Курить выходила в туалет или на улицу. Заходила врач и дала направление к гинекологу, психотерапевту и другим врачам. Гинеколог подтвердил, что я ещё девственница, и дал справку моей маме об этом; её я потом перед подругами в доказательство своей непорочности показывала. А вот психотерапевт мне никак не помог. Я сидела на его приёме час, бессмысленно смотря в окно и ожидая конца. Таких приёмов было несколько, и только на первых из них ко мне был хоть немного проявлен интерес; остальные же он даже не задавал вопросов, а что-то писал у себя в компьютере. Выписал транквилизаторы и написал в справке странный диагноз — не помню название, лишь одно слово из него: «Тормоз». Именно после этого диагноза мама стала называть меня «тормознутой»; так же она звала и отца, и брата, говоря приблизительно так: «Ты тормоз, как твой отец!» Но когда я получила эту справку от психотерапевта, мне было обидно: на каком основании он сделал такое заключение? И я решила выяснить, несмотря на страх. Я зашла к нему в кабинет и, еле подавляя волнение, протянула ему справку:

«Объясните, пожалуйста, что это за диагноз?» — он меня попросил протянуть руки. Я протянула, и он посмотрел на вены у локтевого сгиба, после взял ручку и поставил знак вопроса рядом с диагнозом: «Это неточно».

И снова мы с Женей и братом в очередной раз остались с ночёвкой на даче. Мы сидели на втором этаже. К нам залез по лестнице брат; в руках он держал гелиевый стержень от ручки и иголку: «Сделаешь мне тату — сердце?» Я стала отказываться, но он уговаривал, и в итоге я согласилась под его ответственность. Видя, как хорошо получилось у брата, я решила сделать себе что-то подобное — как символ любви и окончательной принадлежности Богу. Я попросила Женю сделать мне тату — сердце, в котором будет вписано слово «Бог». И спустя некоторое время она, проткнув иголкой гель, закончила рисовать. У меня до сих пор сохранилось кривое тату на правом плече, с которым я бы не хотела расставаться как с памятью, потому что ничего не изменилось: я по-прежнему принадлежу Ему, хоть уже и агностик. В следующих главах станет понятно, почему иначе быть не может.

Меня кто-то упрёкнет: «А что в тебе такого особенного, что ты избрана Им, а другие — нет?» Во-первых, Тем, Кем я избрана, Он не бог, не всесильный и всемогущий создатель, а лишь моя личная галлюцинация. И моя аутофилия произвела эту галлюцинацию в силу того, что мне ужасно не хватало любви: моя психика, чтобы хоть как-то компенсировать это, создала Его. Но теперь вопрос в другом: является ли это на самом деле всего лишь галлюцинацией?

Как ни напрягаю память, совершенно не могу вспомнить, как кореец Виталик появился ненадолго в моей жизни. Зато запомнился один эпизод, с ним связанный. Меня утром разбудил отец: «К тебе пришёл Виталик, говорит, твой друг». Я, сонная, не могла понять, что за Виталик, и вышла в коридор, думая, что это тот самый Виталик, который живёт по соседству с Женей. Но это был совершенно другой парень. Он стоял в коридоре с пломбиром, протягивая его мне: «Это тебе». Я взяла мороженое и постеснялась спросить, откуда он меня знает. Затем он ушёл, оставив меня в недоумении. Я позже расспрашивала подруг, думая, что это какой-то прикол, но никто его не знал.

Нам оставалось закончить 9;й класс, и больше мы не планировали в этой школе продолжать учиться, так как мы практически и не учились, а по целым четвертям прогуливали и запустили учебную программу. Не хочется ходить в школу, где все против твоего общества. И я со временем выработала убеждение, что никогда не стоит навязываться кому-либо, если эти люди не хотят с тобой общаться. Лучше пропасть с их поля зрения, даже если это будет в ущерб себе, потому что, если я останусь, станет намного хуже. И я привыкла уходить, только почувствовав малейший намёк на пренебрежение. Я как Колобок: «Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл, и от тебя, Серый Волк, уйду — только дай такую возможность». И всегда ухожу, безжалостно и жестоко разрушая всё позади. Единственный, от кого я не могу уйти, — от самой себя. Но это пока не могу.

Когда нас учительница спросила всех по очереди в классе, кто куда планирует поступать учиться, дошла очередь до меня. Я мечтала стать пластическим хирургом, потому что хотела создавать красоту, но ей ответила, что поступлю в медучилище. Это сейчас я понимаю, что резать тела других людей — это очень ответственная работа, и я бы не смогла. Но в то время меня привлекала именно творческая работа. Наверное, потому, что я невероятно хотела быть красивой.

Когда же я окончила школу, мы с братом даже не пришли забирать аттестаты, так как боялись одноклассников. Только позже отец подвёз нас до школы, и мы извилистыми путями, через кусты, чтобы не быть заметными, добрались до школы, зашли в кабинет директора и забрали аттестаты. Директриса спросила меня: «Почему ты не хочешь остаться на 10–11;й классы учиться? Твоему брату, конечно, не стоит продолжать тут учиться, но ты бы смогла продолжить». Я не знала, как ей объяснить, что я устала от унижения в классе, и сказала ей, что у меня другие планы и я не вижу смысла оканчивать 10–11;й классы.

Люди, которые меня не знают, не видят моего сердца и состояния, спешат осуждать. В безрезультатных попытках постигнуть они понимают всё не так, как оно есть на самом деле, приписывая мне черты, которые мне совершенно не свойственны. Например, меня осуждают за то, что я не готовлю мужу, не делаю ему минет, плохо удовлетворяю, не глажу ему рубашки, не встаю в 5 утра, чтобы проводить на работу, ищу друзей в интернете. Ведь мужа мне должно с избытком хватать, и мн. пр. Муж у меня — несчастнейший человек, а я — конченная стерва и дьяволица, худшая из жён, и на костёр меня уже давно пора, дабы освободить из рабства моего мужа. А вы у него спрашивали, хочет ли он от меня, такой дьяволицы, избавиться? Хочет ли он, чтобы я ему рубашки гладила или готовила? С чего вы взяли, что имеете право судить меня или его? Вы не я и не он, вам не понять никогда нас, и даже не пытайтесь.

Одни выбирают сидеть в своём панцире и не высовываться именно потому, что боятся шипящих змей с их осуждениями. Вот так всю жизнь живут, трясясь от страха перед обществом. Другие же хотят быть услышанными и пишут много, говорят бесконечно в надежде, что их поймут. Мне нечего скрывать: моё сердце чистое перед Богом, и я только перед Ним отвечаю совестью. Перед людьми бесполезно — им невозможно угодить. Какой бы я святой ни была, меня всё равно, как Христа, распнут. В Библии написано: «И если сердце наше осуждает нас, то кольми паче Бог, потому что Бог больше сердца нашего и знает всё. Если сердце наше

не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу». Я — как социофоб с сильным внутренним цензором, судьёй. Мне и без вас самосуда и самокритики хватает с переизбытком.

В меня с детства вкладывали нравственную программу, мораль. Я проходила в церковь 12 лет и могу отличить лучше вашего, что такое добро и зло. Только представьте: зомбированный мозг с 15 лет предельной нравственностью. После этого предельного зомбирования теперь не вы, а я имею полное право судить вас за нарушения духовных законов.

Мне один хороший друг подкинул ещё одну мысль: речь для понимания друг друга только мешает, создаёт путаницу и ещё больше отделяет людей друг от друга. Речь в процессе эволюции развилась только затем, чтобы сократить пропасть непонимания, в попытках самовыражения своих эмоциональных состояний. Но в итоге она лишь показала, насколько мы все разные. Если бы мы общались друг с другом посредством жестов, как животные, возможно, понимать других было бы намного проще. Только между Богом и человеком нет этой пропасти разделения, так как Бог общается с сердцем не языком, речью, словами, а эмоциями. Открыть перед Богом сердце — это открыть своё эмоциональное состояние. Если бы люди могли видеть эмоциональное состояние друг друга, слова бы не понадобились.

Не понимают именно по этой причине. Я не могу доказать свою невинность словами, так как сколько бы я ни изливала этих слов в надежде быть понятой, как бы ни открывала в искренности своё сердце, меня всё равно исказят. Меня часто обвиняют в эгоизме, до конца не определив этого понятия. Где грань, когда человек считается уже эгоистом? Порой эгоистичными нас начинают называть, когда мы позволяем себе немножко начать думать о себе в тех местах, где раньше думали только о других.

Эгоизм естественен и нормален для любого биологического существа. В нём абсолютно нет никакого порока, если он не имеет своей крайней формы, когда для человека «другой» не существует, — это физическая неспособность замечать потребности, нужды и интересы других людей. Но настоящих эгоистов обвинения в эгоизме не задевают: им и так неплохо.

Невозможно самореализоваться с патологическим альтруизмом: это самоубийственное поведение, оно не даст развиваться личности, её становлению, а значит, такой человек не будет способен принести социальную пользу. Эгоизм и альтруизм не должны существовать для гармоничной личности в феноменальном своём проявлении: нужен определённый баланс. Индивид может быть самоотверженным альтруистом в рамках своей семьи, но эгоистичным мошенником и потребителем по отношению ко всем остальным, или наоборот — патриотом и социальным рабом, забывая о благополучии своих близких. Мы сами выбираем, что для каждого из нас ценно и за кого отдавать свою жизнь. И вы следите лучше за собой, в каких потребностях и кому вы отказываете, а не вмешивайтесь в жизнь другого, толком ни в чём не разобравшись.

Максим уехал на материк, и я уже и забыла о нём. У него своя жизнь, у нас с братом — своя. Но в последний раз наши дороги разошлись ещё раньше, когда Максима привели его

родители зачем;то именно в наш класс учиться — наверное, в надежде, что мы ему как друзья поможем адаптироваться. Но, так как мы сами были асоциальны, Максим, понимая это, быстро отделился от нас и стал независимым, чтобы не портить свою репутацию. Проучился в нашем классе недолго.

Прошло несколько лет, пока он жил в другом городе, и он мне приснился — не сшившийся до этого никогда. И уже на следующий день он пришёл к нам в гости: очередной феномен телепатии. Я сильно стеснялась Максима и была не особо разговорчива. Он поскучал с нами в комнате, пока его мама с моей о чём-то беседовали, затем ушли. Брат решил использовать привычный приём манипуляции: «Хочешь, расскажу, что Максим про тебя сказал?» — и, установив условия, которые я выполнила, заявил: «Он сказал, что у тебя длинный нос!» Можно было и догадаться, что братик мой всё это выдумал: ничего подобного Максим сказать не мог в своём скованном положении. Но сомнения всё же удалось посеять.

Порой иногда я занималась самоистязаниями за грехи и плохие мысли, заставляя стоять себя на коленях по полчаса и всё это время молиться. Никто нас в церкви этому не учил: такая была внутренняя потребность получить прощение Бога, Его любовь и близость. В то время я ещё не имела независимой Его близости и старалась обрести её всеми способами. После попыток колени сильно болели. Также резала лезвием, наказывая себя за то, что срываюсь на крики на родителей, за вспыльчивость и несдержанность, за то, что не могу выдержать пост, то есть голод. Вырезала лезвием сердце на тыльной стороне руки, а в сердце лезвием рисовала «Бог». Небольшие шрамы до сих пор остались.

Я много плакала, молила Его прийти, часами проводила в молитве: болели глаза, колени, хрипел голос. Иногда я срывалась на отчаянный крик, дабы к Нему пробиться, повторяя по несколько раз: «Господи, пожалуйста, приди! Умоляю, приди!» Так произошло в тот день, 11 июля. Одна дома, я сидела в ванной и смотрела на себя в зеркало. Из него на меня смотрело уродливое существо неславянской национальности: чёрные брови и глаза, угрюмое лицо. Как же я в тот момент себя ненавидела! Я плакала, не желая жить в таком теле, страдала в ненависти к себе. Потом успокоилась, взяла резинку и собрала волосы, которые доставали до плеч, в хвост. Мне эта причёска не шла, но я думала в тот момент, что я всё равно уродина и это уже ничем не исправить: мне нужно смириться и научиться с этим жить.

Приехал папа, и мы поехали на дачу. Пока ехала в машине, смотрела грустно в окно, а отец поглядывал на меня через зеркало. Не помню, что произошло, всех подробностей, но папа меня ударил. Я выбежала на веранду, желая убежать в лес. Он схватил меня, пытаясь удержать, и затащил обратно в дом. Тогда я взяла тупой нож со стола и резанула себя по руке. Отец отобрал нож и стукнул по голове: «Дура!» Я заплакала, упала на колени перед окном и стала громко молиться: «Господи, пожалуйста, приди!!! Пожалуйста, умоляю, приди!!! Забери меня!!!» Затем я рванула на второй этаж и закрыла люк, положив на него ведро, чтобы отец не смог забраться, и вырубил счётчик со светом. Он стал ругаться, полез ко мне, опрокинул ведро, включил свет и толкнул меня к люку, чтобы спускалась вниз. Но вместо этого я просто прыгнула с люка, ударились спиной об лестницу. Легла на кровать и залезла под одеяло. Ещё долгое время не могла успокоиться от истерики: слёзы текли против воли, безумная тоска раз-

рывала сердце, кровь лилась из раны и пачкала пододеяльник. На утро на спине был огромный синяк, но мне было всё равно: я была выжата как лимон, хотела лишь исчезнуть.

Пронёсся слух, что Денис, мой друг детства, «завалил в рот» какой-то Насте в подвале, и теперь эта несчастная Настя — «поласкунья», и все, кто с ней общается, будут так же нечисты. Кто все эти понятия устанавливал, я не знала и не желала подчиняться какой-то банде гопников. Когда мне запретили общаться с Женей, потому что та общалась с Настей, я не хотела оставаться без подруги. Мне было всё равно, я продолжала к ней приходить в гости.

В воскресное утро мы шли в церковь с Женей, как обычно, через её двор. Она меня попросила пойти другим путём, на что я удивилась, но согласилась. Неожиданно навстречу шла толпа во главе с Катей: двое пацанов и девушка, видимо, её подруга. Я не понимала, что они от меня хотят, и поначалу не воспринимала это как угрозу. Когда Катя затащила меня в гараж и прижала к стене, Женя стояла рядом: «Я предупреждала, чтобы ты не общалась с Женей?» Они по очереди подходили ко мне и били по лицу, а я в этот момент думала только об одном: «Я должна подставить другую щёку, как учил Иисус». Поэтому после, чтобы дополнительно себя унижить, демонстративно упала на колени и стала просить прощения. Катя простила, взяла в руки снег, дала мне и сказала приложить к лицу, чтобы не образовался синяк.

Дома я прижимала молитву к сердцу и плакала, пытаюсь понять, правильно ли я поступила, подставив другу щёку. Я очень хотела угодить Господу, но почему-то я не ощущала правильности своего поступка и одобрения Его внутри себя. Меня мучил стыд, и с того дня я решила больше никогда не позволять себя бить. Потом Женя призналась, что к ним меня привела: она их боялась, и поэтому у неё не было другого выбора. Женя попросила прощения, и я её простила, потому что так учил Господь. Настолько сильно я хотела Ему угодить, быть хорошей для Него, даже в ущерб себе.

С Женей по-прежнему нельзя было общаться, и Виталик сказал, что их боится, поэтому Женю избегает. Мы стояли в подъезде с Женей; Виталик, увидев Катю, сразу же спрятался у себя в квартире. Меня это малодушие и трусость стали раздражать: «Мне плевать на Катю и её понятия. Я буду всё равно с тобой общаться!» И когда мы снова шли в церковь по этой же дороге, я специально шла именно по ней, безбоязненно и уверенно: знала, что встречу Катю. Она была со своей подругой: «Ты что, снова получить захотела?» Я резко вытащила перцовый баллончик и прыснула ей в глаза. Она закрыла лицо руками и побежала домой, подруга её — за ней. Этот баллончик мы же тестировали в подъезде.

Мы любили стоять часами зимой в подъезде, болтать ни о чём и расписывать стены. Ходили по этажам, искали бычки и курили. Потом я рассказала Жене, что ношу с собой лезвие, и слух быстро распустился и дошёл до Кати. Она стала меня бояться, но всё же не переставала искать способ до меня добраться.

Вечером, когда мы гуляли с Женей, компания с Катей снова подошла ко мне. В этот раз их было больше, и они были пьяные. Они затащили меня за гаражи и отобрали сумку, обнаружив

в ней нож. Отобрали единственную мою возможность защититься. Стояли вокруг и решали, что со мной делать. Я сидела на корточках и мысленно просила помощи у дьявола. И тут мне пришла идея, и откуда-то появилась смелость: «У меня есть предложение! Мне нужно зайти домой и вынести деньги, и я куплю всем выпивку. Тогда мы забудем о конфликте». Эта идея всем понравилась, и мы пошли ко мне домой, но они стояли у подъезда, не решаясь зайти.

Я пришла домой и закричала в слезах отцу: «Ты меня никогда не защищаешь! Они сейчас стоят в подъезде и ждут, когда я вынесу им деньги!» Отец всё понял, выбежал в подъезд, но там ему удалось поймать только Машу, ту самую, которая обрезала мне волосы. Маша стояла на пороге, пока папа её держал за куртку и кричал: «Это она тебя обидела?» Я ответила, что нет, но была удивлена, откуда в моём подъезде оказалась Маша. Та стояла испуганная: «Я её не трогала». Папа бросился на улицу, я за ним, и поймал подругу Кати, которая от него пыталась скрыться в соседнем подъезде. Та обещала меня не трогать и якобы вообще не в курсе, чего Катя так на меня ополчилась. А вот саму Катю поймать не удалось.

Через некоторое время пацаны, уже без Кати, затащили меня в подвал, где сняли штаны до колен, завалив на трубу, но что-то их остановило, и они меня отпустили. Я быстро оделась. Тогда Денис, так звали одного из них, в другом отсеке подвала стал у меня просить прощения и даже показал «свой», чтобы мы были квиты. Но пришли другие девушки с травкой, стали все курить, а я выбралась из подвала и ушла домой.

У меня были эротические фантазии, связанные с изнасилованием в подвале, но протекало всё совершенно не так. В моих фантазиях меня любили, желали, не отпускали. В реальности зачастую было на меня всем плевать. Я никогда не была красавицей, и часто любили моих подруг, на меня же не обращая внимания. Как это случилось и в тот день, когда мы гуляли с мальчиками: Алина, Маша и Дима со своими друзьями. Дима мне нравился, и я ему так и сказала после того, как мы это обсудили с Алиной и я набралась смелости. Но Дима меня отверг: «Мне нравится Алина», но у Алины был уже парень, с которым она гуляла. Таким образом, мне было очень унижительно это слышать и больно, но я попыталась не показывать вида.

Дима был кучерявым блондином, чуть выше меня ростом, с пухлыми красными губами. Теперь, после того случая, парни с подобной внешностью рефлекторно вызывают защитную реакцию. Такие вот страсти бушевали у девушки-подростка в тот период времени. Сейчас, благодаря умению нашей психики компенсировать недостающее в реальности, меня это спасает от боли, но в то время защита ещё не была выработана, и период становления проходил достаточно болезненно.

Утром мы с братом пошли поступать в ПТУ. Я хотела быть бухгалтером, но плохо прошла тест, да и места все оказались заняты. Мне предложили поступать учиться на печатника, брату — на штукатур;моляра. Мы курили за углом общаги. Мимо нас проходила девушка с опущенной головой — маленького роста, худенькая. Я смотрела на неё сквозь дым: «Попробую найти тут подруг, и, наверное, она будет моей подругой». Эту девушку звали Юля, и как будто предчувствие мне подсказало, что в будущем у меня с ней будет что-то вроде дружбы.

Но тогда, когда я увидела её в первый раз, я даже не знала, что она окажется в моей группе и мы будем сидеть за одной партой.

По иронии судьбы мы с ней проходили практику и оттирали стены подъезда щёткой от грязи. Никто на практику больше не пришёл, кроме нас двоих «лоханок»: у остальных отку-да;то были справки, и только мы вдвоём работали из всей группы. Юля была молчаливая, но если что;то говорила, то как;то резко, звонко и быстро — это немного пугало. На лицо она была некрасивая: грубоватые черты, но её маленький рост и сильная худоба, скованность во всём теле делали её совершенно безобидной. Одевалась она как пацанка — в джинсы и футболки, фигура тоже не женственная. Но я видела в ней себя, потому что именно так себя чувствовала.

Когда я пыхала газом у себя в комнате ночью, я видела галлюцинацию: словно мой двойник проходит сквозь стену. Это была девушка меньше меня ростом, с впалыми щеками, бледным угловатым лицом, длинным носом и вечно опущенными большими глазами. Она была в чёрном балахоне с корзиной яблок. Яблоки рассыпались по полу, и она наклонилась, чтобы их собрать, а я смотрела на неё и от отвращения и жалости плакала.

Видела маму у порога в коридоре: она била кулаком о стену и беззвучно кричала. Под чёрным таким же балахоном виднелась кружевная сорочка. Видела также двойника отца — маленького, худого и голого: он суетился и быстро бегал, делая совершенно бесполезные движения. А двойник брата — это злой клоун;карлик, вечно делающий пакости и злорадно смеющийся.

Когда вечером я стояла у подъезда с Женей и братом, мы пыхали, скрыв газ в рукаве. Я подняла глаза и увидела будто их настоящие лица — Жени и брата. На них были маски, как будто раскрашенные красками на лице. У Жени одна сторона лица раскрашена по;другому, чем вторая: так моё подсознание будто показывало моё восприятие подруги как двуличного человека.

Впоследствии начались визуальные галлюцинации и без газа. Я видела тень у порога — самое тёмное пространство в коридоре. Тень будто пыталась выбраться из заточения, надвигалась на меня, но всё же оказывалась на месте. Одна и та же галлюцинация ещё долгое время мне виделась в разных местах квартиры.

А ещё на меня периодически нападала тревожность и суеверность. Мне мерещилось, что вокруг меня бесы, и я рисовала мелом кресты, ходила со свечой по квартире и освящала окна, двери, углы, читая молитву «Отче наш». Я пыталась таким образом очистить комнаты от негативных сущностей. Мне казалось, что они окружают и хотят завладеть моим рассудком и свести с ума. Я молилась, и только после этого мне становилось легче.

Ночью от страха не могла уснуть, прижимая молитву к груди или Библию: мне казалось, что от неё исходит свет, который меня защищает. Перед сном я крестилась, пытаюсь тем самым

выстроить защиту. Крестила себя не только спереди, но и сзади, сверху, снизу, с боков, рисуя как бы куб. Так же я поступала над спящим отцом: ночью подходила к нему со свечкой и с молитвой. До мамы было труднее добраться, так как её комната во время сна была всегда закрыта.

У меня началась паранойя и ОКР: я думала, что если не перекрещу квартиру, то бесы вселятся в моих родных и нападут на меня. Мне было очень страшно.

Я молилась на кухне, смотря на голубое небо за окном, плакала и молила Его быть со мной. Если небо закрывалось тучами, пропадало солнце, я воспринимала это как то, что Господь недоволен мной, будто я сказала что-то не то. Мне было больно от того, что Он от меня отворачивается.

Когда мама лежала в больнице, я временно переместилась на её кровать — причины уже не помню, возможно, чтобы отделиться от брата. Отец был на работе, дома никого не было, а у меня начался очередной психоз. Я упала на колени и плакала, громко звала Его: «Умоляю, приди! Господи, приди!» Я кричала так несколько часов, надорвала голос. Заплаканная, сопливая, я схватила нож со стола и хотела воткнуть его в живот, но не хватило смелости. Продолжая плакать, я решила без Него больше не жить, попробовать умереть другим способом — ничего не есть. Три дня я ничего не ела, только молилась по два часа в день, целыми днями рыдая.

Когда засыпала, у меня начинались галлюцинации: будто в меня стреляют из оружия, я чувствовала, как ножом режут тело. Уснуть не получалось от переизбытка негативных эмоций и сводящей с ума внутренней боли. Тоска по Нему меня уничтожала. Я прижимала Библию к сердцу, боясь отпустить, представляя, что держу часть Его, пытаюсь этим светом заполнить пустоту внутри.

На третью ночь, засыпая, нервно истощённая, измученная, я сказала мысленно Ему: «Если ты завтра не придёшь, я клянусь, я уйду от Тебя навсегда! Я стану атеисткой!»

На утро я открыла глаза, и по телу в первый раз в жизни бегали волнами Его прикосновения, будто Он меня гладил. Я повернулась к окну: светило солнце, комната казалась светлее, чем обычно. Мурашки шли по ногам, рукам, голове, внутри постепенно стало наполняться теплотой груди. Я заплакала от счастья и стала молиться, благодарить Его за то, что Он меня услышал: «Не бросай меня, пожалуйста. Не уходи!» Наконец-то я к Нему пробилась.

Это случилось 28 апреля, и этот день я запомнила на всю жизнь: его я записала в своём дневнике, и в этот день я праздную свой день рождения, потому что именно тогда я по-настоящему родилась. Целый день я была счастливая, пела Ему песни о любви, поела, привела себя в порядок и рассказала папе о своём счастье. С того дня я чувствую Его всегда, и только один раз на год Он меня оставил — это был год ада, но об этом позже.

Мы собирались дома у тёти Веры молиться и общаться — это называлось домашнее собрание. Её дом находился далеко: пешком минут 15 до остановки и почти час на автобусе. Она жила в посёлке, где было много одноэтажных домов и разваленных трёхэтажек. Я не помню точно, как мы впервые попали к ней домой, — остались только ощущения, и я попробую по ним воссоздать детали. Кажется, мы прямо после служения всей группой поехали к ней в гости.

Так вот, мы сидели на полу, и Вера молилась за каждого из нас: сначала на своём языке, потом на ином, чередуя. Её звонкая молитва свободно лилась, и меня поражало, с какой лёгкостью, особенно не задумываясь, она её говорит, словно хорошо выученный монолог. Вера возложила руки на нас и закончила молиться: «Расскажите, за что вы хотите, чтобы я помолилась? Что вас беспокоит?»

Все мои мысли в то время, помимо Господа, были о Егоре: я безумно в него влюбилась после тех ночей, проведённых с ним на «канэзах». «Помолитесь, пожалуйста, чтобы Егор в меня влюбился».

Вера изменилась в лице: «Кто такой Егор?» Я рассказала, что это парень, которого я люблю. Тогда Вера стала пророчествовать: «Если один стоит в грязи и потащит другого из этой грязи, то оба утонут».

В следующее воскресенье Вера посвятила теме любви и половых взаимоотношений, дав задание выучить стих: «Не будите возлюбленной, доколе ей не угодно», в переводе — «Не разжигайтесь страстью, пока не созрели: рано вам ещё влюбляться». Но я не могла не разжигаться, я сходила с ума от мыслей о нём. Внутри меня шла мучительная борьба с похотью, и иногда не выдерживало терпение, и я молилась, чтобы Егор меня полюбил.

Нашла книги по привороту у мамы и читала приворот на Егора в надежде, что это подействует, но это не сработало.

Также в церкви нас учили, что нужно от всего дьявольского освободить дом, потому что через любую нечистую вещь может в квартиру и в сердце проникнуть дьявол. Когда-то до церкви я прочитала роман Булгакова «Мастер и Маргарита» и очаровалась этой книгой. Она была одной из моих любимых, но сейчас, с сектантскими, промытыми мозгами, я во всём видела дьявола, и мне пришлось выкинуть эту книгу, как и многих других классиков, в тайне от родителей.

Я также хотела добраться и до маминых оккультных книг, но она не разрешала заходить в её комнату. У нас было разрешено читать книги только с одобрения пастора как помазанника

Божьего, обладающего мудростью, поэтому я боялась ещё много лет читать книги из;за страха, что через них может войти в сердце дьявол и совратить с истинного пути.

И однажды это почти произошло, когда я открыла «Бхагавадгиту» с комментариями. Прочитав про божественную и чистую любовь, в которой нет порока и похоти, безусловную и совершенную, я пришла на служение в церковь и мысленно, во время всеобщей молитвы, призналась, что читала запрещённую книгу. В это время был вечер, горела лампа на потолке, и вдруг свет стал тусклее. Возможно, это были перебои с электричеством, но мне показалось, что Господь злится. Я испугалась и стала просить прощения за прочитанную книгу, уверяя, что она никогда не сможет меня отвести от Господа.

Мне было стыдно ещё и за то, что я не могу бросить курить, как ни стараюсь. Мне приходилось первое время скрывать от церкви и Веры этот факт, но потом она меня спросила, курю ли я, потому что не переносит этого дыма, а от меня шёл запах сигарет. Я призналась, что курю и не могу бросить. Вера молилась, чтобы Господь мне помог бросить курить, а я отпрашивалась, чтобы выйти в подъезд, или терпела, нервничала и мучилась несколько часов у неё в гостях без сигарет. На улицу выйти тоже не могла прилюдно, потому что меня осуждали люди, поэтому всегда либо уходила за угол курить, либо в подъезде.

Но пока скрывала от Веры свою зависимость, маскировала запах как могла, старалась уходить от её дома подальше, чтобы меня случайно не увидели соседи и не было нарекания на Веру. В церкви мне приходилось уходить в лес, чтобы покурить во время служения, и прятаться где-нибудь в кустах. Первое время мне составляла компанию Женя, но потом я уходила одна, поскольку у Жени зависимости не было, она была только у меня, и позориться со мной она не хотела.

Однажды меня заметили в лесу с сигаретой дети из церкви, которые там гуляли, и всем стала известна моя тайна, но все молчали и продолжали делать вид, что не знают. И всё же я пряталась в туалете церкви, который был на улице, уходила подальше в лес и сильно мучилась на уроках Веры, считая минуты до конца урока. У меня была никотиновая ломка: били нервы по всему телу, повышалось эмоциональное напряжение, дрожали руки, все мысли — только о том, как бы быстрее закурить.

Был у нас парень в церкви — Дима, пел в хоре. Высокий, с длинным носом. Когда он ходил, всегда опускал голову, из;за чего со стороны казался очень стеснительным. Он часто смотрел на меня, и я заметила это. Мне он был симпатичен именно своей скромностью, казался таким ранимым и наивным, чем и привлекал. Даже Женя призналась о своей симпатии к нему, но, когда я стала его лучше узнавать, интерес почему-то пропал.

Но первое время он ко мне подходил, чтобы, как братьям положено, поприветствовать рукопожатием, что вызывало неловкость. Я замечала, как братья, даже женатые, с нескрываемым интересом на меня заглядываются. Дима был не единственный. Особенно в тот день,

когда я пришла в новом бархатном платье, которое купил отец мне на день рождения. Именно молодость и невинность их привлекала во мне, а не красота.

Парней в церкви было мало, девушек, стариков и детей — больше, и практически все девушки были девственницами, в том числе и я. Рассказывали, что учительница пения Ира до 35 лет сохраняла непорочность, потому что всё ждала мужа, которого никак не хотел ей присылать Бог. И, отчаявшись, приняла первые ухаживания мужчины, который был старше её где-то на 15 лет, — брата Веры. Так состоялась свадьба не совсем молодой девственницы и почти пенсионера.

Инна — девушка красивая, ею восхищалась вся церковь. Она была замечена среди двух влюблённых в неё парней. Она флиртowała: глаза блестели, весёлая, полная надежд. Но её заставили выйти замуж за одного из братьев в церкви, чтобы избежать блуда, который, как в церкви казалось, неизбежен. После брака Инна изменилась: взгляд потух, перестала улыбаться, появилась сдержанность в движениях, юбка до пола, платок на голове, потом у них появился ребёнок. Я видела, как брак меняет людей и отбирает у них радость и красоту, и стала бояться брака.

Ирина учила меня пению, но голос, сказала она, у меня слишком высокий. После неудачных попыток его исправить она решила, что мне петь не нужно, достаточно стоять за компанию и открывать рот. Так был на мне поставлен крест как на певице. Некоторое время я так и делала, пересиливая страх перед сценой ради Господа, заставляла себя стоять за компанию.

А после служения мы разучивали с Иррой и другими девочками новую песню. Но во время репетиции в одной из корейских церквей я пела в хоре со всеми. Тогда Ира остановила хор: «Кто тут всё портит?» Я поняла, что, скорей всего, это я. Когда продолжили петь, я стала только открывать рот, не произнося звуков. «Вот теперь всё нормально!» — успокоилась Ира. Так я и выступала перед корейцами, лишь делая вид, что пою.

Зато дома я пела громко, не стесняясь родителей, часами завывая в своей комнате, с глазами, полными обожания своего Бога. Родителей это ужасно раздражало, но они были вынуждены терпеть, закрывая все двери. И я пела часами, входила в глубокий экстатический транс и теряла себя в любви к Нему: реальность словно погружалась в сказку, и, кроме Него, больше ничего не было важно.

Ночами мы с братом порой ходили по подъездам и искали окурки. Иногда попадались бычки совершенно противные на вкус, сырые, но хотелось очень курить, и мы скуривали даже эту гадость. Первое время мы пытались скрыть от родителей, что курим: высовывались практически наполовину из форточки, чтобы дым случайно не попал в комнату и не выдал нас. Но когда мама резко заходила в комнату, а тогда ещё у нас не было замков на двери: «Опять куришь?» Потом она поняла, что бороться бесполезно, и перестала делать замечания. Отец обзывал «паровозом», но это была не игра, а самая настоящая зависимость.

Когда я просыпалась утром, чувствовала себя ужасно, пока не закурю. И стоит только вдохнуть дым, как по всему телу ощущается сильное расслабление: ты будто возвращаешься в норму из неуютного состояния. Женя курила за компанию со мной лишь потому, что это было «сексуальным» и, как ей казалось, нравилось мальчикам.

У меня кончились сигареты, и была сильная ломка, из-за которой я весь вечер не находила себе места. Мама никогда не докуривала сигареты до конца, оставляла до половины и выбрасывала, потому что где-то читала, что до фильтра докуривать нельзя: образуются вредные смолы. И я докуривала после мамы, собирая окурки под балконом.

В этот раз была ночь, и я рисовала на альбомном листе тюрьму в попытках отвлечься от мыслей о сигаретах. Это лишь была очередная попытка бросить курить, которая продлилась всего несколько часов. Я не выдержала, надела куртку и ночью вышла под наш балкон собирать мамины недокуренные сигареты. Я светила зажигалкой, руками раздвигая траву, как вдруг на меня на скорости поехала ментовская машина. Она резко остановилась почти рядом со мной. Я испугалась и побежала домой. Один из них бежал за мной, пока я не захлопнула входную дверь перед ним в свою квартиру. Сердце стучало, я боялась, что он сейчас станет звонить в дверь и разбудит родителей, но машина отъехала.

В ПТУ курили все — и девушки, и парни. Как только пары кончались, все выходили на улицу покурить, и не курила только Юля. Я стояла с Юлей вдали от всех. На меня глядел из той компании симпатичный парень с голубыми глазами, и мне казалось, что я ему нравлюсь. Только Юлю к себе приблизила, остальные ничего обо мне не знали.

После пар мы шли с Юлей домой, и она очень много рассказывала, что живёт с отчимом;алкоголиком, который помогает её. Вообще, девушка несчастная. Мне тогда было её жалко, и я решила не предавать её, заступаться, если кто-нибудь посмеет её обидеть. Мне говорили наедине: «Что ты с ней общаешься?» — я игнорировала предупреждения.

Мы больше не учились, а физически работали: ездили на картошку, на поля собирать мешками урожай. После картошки болело всё тело и мышцы, я приходила домой и не могла встать с кровати. Некоторые где-то раздобыли справки, но большая часть группы в начале работала. Я работала вместе с Юлей, ни с кем больше не общаясь. На перекуре садилась на землю и дымила «Примой». У меня была только дешёвая «Прима», других сигарет я не могла себе позволить. От «Примы» мои пальцы были жёлтыми и не отмывались. Скуривала «Приму» до самого конца.

И в тот день у меня была только одна сигарета, которую я растягивала на три раза, складывая недокуренную «Приму» в спичечный коробок.

Ко мне подошли девушки: «Дай сигаретку». Я им сказала, что у меня нет, последняя. Она не поверила: «Врёшь, сука!» Катя толкнула меня в канаву, и я еле удержалась на ногах, чтобы не упасть. Попыталась выбраться из канавы, как она меня снова толкнула, и тогда я с яростью вцепилась в неё. Завязалась драка. У Кати был маникюр с длинными ногтями, которыми она мне поцарапала горло. Я её не отпускала, мы повалились на мокрую грязь.

Собралась вокруг нас толпа, а этот парень, что мне нравился, схватил меня сзади и стал оттягивать от Кати. Я рвалась, чтобы в неё вновь вцепиться, но не могла вырваться из его рук. Тогда я успокоилась, и он отпустил. Подошла наша надзирательница — полная женщина с плетью — и прокомандовала: «Работать!» Все разошлись, а я ещё вслед кричала: «Сука! Будь ты проклята!»

Меня всю трясло. Грязная, с рваной курткой, я готова была расплакаться, но нельзя было показывать им свою слабость. Сдерживая слёзы, трясущимися руками я докурила последний бычок. Когда нас выгрузили на улице, полил холодный дождь. И только после, отойдя на некоторое расстояние от машины, я плакала, идя домой.

Была у нас в группе девушка Маша — с немного хриплым голосом, общительная, громкая. Она могла организовывать вокруг себя одноклассников, собирала их у себя на квартире. Я с Юлей сидела на самой первой парте, а она с подругой сидела сзади и специально трясла мой стул, тыкала чем-то в спину. Когда я оглядывалась: «Хватит трясти стул!» — они делали вид, что ничего не понимают.

В очередной раз, когда Маша толкнула меня, я не выдержала, встала и сумочкой ударила её по голове. Тогда она сказала: «После пар с тобой разберёмся!» Кончились пары, и я пришла на назначенную «стрелку» с Машей одна.

Я тогда уже жила на даче из-за натянутых отношений с родителями: я мешала маме. На даче я в одиночестве уделяла внимание Ему, молилась и пела, вырезала из дерева сердце, в нём — «Lord»: это означало «я люблю Иисуса, своего Господина».

Маша подошла ко мне и посмотрела на сердце: «Это что? Талисман?» Я сказала: «Да». Тогда она повернулась к другим: «Я не буду с ней драться!» Все были разочарованы, потому что ожидали развлечения и зрелищ. После этого случая уважение к Маше пропало: никто не понял её поступка.

А я в Машу влюбилась: красивая, непредсказуемая, смелая и необычная. Я искала возможности с ней познакомиться, меня к ней влекло. Когда она диктовала свой номер телефона соседке по парте, я незаметно его записала себе, но, видимо, что-то в цифрах напутала, потому что позже по этому номеру я не могла дозвониться. Связь с Машей навсегда потеряна.

После картошки мама узнала адрес Кати, и мы пришли к ней домой. Пока она разговаривала с родителями Кати, я сидела в комнате. Мама пригрозила им судом: якобы в милиции сняли следы побоев, написано заявление, и теперь им грозит штраф. Катя была напугана, она попросила у меня прощения. На следующий день Катя передала мне записку: «Тебя больше тут никто не тронет». Но я в ПТУ не проучилась и месяца, как мы забрали документы и решили искать место получше.

Гуляя с подругами Алиной и Женей, я хотела показать им тот подвал, в котором мы с братом, прогуливая, пыхали газом. Мы пробирались по тёмному подвалу через отсеки, как вдруг раздался удар. Женя ушиблась носом о свисающую трубу над головой, не заметив её в темноте, и сломала нос. После этого нос у неё был кривой, а вина была на мне.

Ещё я отливала домашнее вино у мамы в полуторалитровую бутылку, и мы забрались в деревянный дом на стройке. Там я выпила его больше, чем остальные. Их стало раздражать моё неадекватное поведение, шутки и смех. Поэтому, когда мы возвращались, Алина и Женя отделились от меня, шли впереди, игнорировали, словно я пустое место, разговаривая между собой. Когда я их спросила, что случилось, они ответили, что я их бешу.

На Новый год мы ходили колядовать по квартирам соседей, собирать конфеты. А потом добытое делили между собой, о чём есть хоумвидео.

Зашли в дом напротив нашего старого жилья: в нём жила Валя — женщина бездетная, с собаками. Она, узнав, кто является организатором колядок, вытащила огромную кость и стала на нас замахиваться, пытаясь сунуть её нам в пакет с конфетами. Все смеялись, воспринимая это как шутку, и никто не понимал, что в этот момент она реально была зла и обижена — на нас, на злые языки соседей, на свою судьбу.

Когда пускали фейерверки, я зашла в подъезд с Женей, Катей и Машей. Катя вытащила травку, и все курили, смеялись. А мы с Женей отказались курить и ушли домой.

Мой любимый с детства цвет — голубой: цвет чистоты и неба. Ещё потому, что мне нравилось слово «голубь»: оно начинается твёрдо и заканчивается мягко, как и имя Клена — словно игла прорывает ткань и, плавно пронизывая её, движется наружу. Слово «голубь» мне по-прежнему нравится, но вкус цвета изменился: теперь мой любимый цвет — белый.

Когда вечером мы стояли у подъезда с Женей и прощались, она ушла домой, и я уже собиралась тоже уходить, как в подъезд зашёл Витя и стал меня помогать. Я ему сказала, что люблю Егора, а он стал его унижать: «Как ты можешь любить этого мудака?» Потом сказал: «Хочешь, докажу, что тебя люблю?» — «Не надо». Он вышел в центр двора и закричал: «Я люблю тебя!» А потом понял, что я всё равно не особенно поверила в его признания: «Ну как хочешь, но твой Егор тебя не достоин!» — и я ушла домой.

Мне приснился сон: будто я иду по снежной тропинке вечером среди домов, и навстречу мне идёт парень в клетчатой, как у хипстера, куртке, а в руке держит сотовый телефон. Я проснулась и рассказала сон маме, и она предположила: «Возможно, это твой суженый, и, судя по телефону, богатый».

В то время сотовые, карманные телефоны, которые сейчас можно купить за 800 рублей и которые есть у каждой бабушки, были доступны только обеспеченным людям. Поэтому сотовый телефон у обычных людей приобрёл ассоциацию с мафией, богатством и роскошью.

Однажды я зашла в подъезд, а меня поджидали там Денис и Игорь, его двоюродный брат. Денис прижал меня к стене и попытался раздеть, а Игорь держал руку. Я стала биться и закричала. Игорь меня отпустил, и я убежала. У них осталась моя кофта, которую позже они повесили на дверь моей квартиры, предварительно позвонив в звонок.

Гуляя с подругами Машей, Викой, Катей, я просила их помочь мне стать нормальной и сделать такой же, как они. Катя ответила: «Я же не могу залезть тебе в мозги». Тогда я сказала: «Я просто буду повторять за тобой». Но это перешло в комические кривляния и ничем хорошим не кончилось.

Я очень хотела стать нормальной и уже ребёнком замечала, что некрасивая. Позже я просила брата сделать меня нормальной, на что он ответил так же, как и Катя.

Глава 5

Если анализировать классификацию бреда, то в корне лежит механизм компенсации. К примеру, человеку не хватало чувствовать свою значимость, он болезненно воспринял информацию о том, что его эго на самом деле ничтожно на фоне общества, вселенной, и, чтобы залечить боль, стал бредить манией величия. В основе всякого бреда — желание любви или страх. Значит, я всё делаю правильно, я брежу. Это единственная возможность преодоления экзистенциального кризиса. Только не знаю, зачем мне этот бред? Жить в иллюзии я очень устала, утешаться глюками, как во сне, — это не жизнь. Будто я и не рождалась для жизни, и не жила никогда...

У нас в семье всегда были страшные скандалы и драки. Первое время мы с братом пугались и плакали, боясь, что мама убьёт папу, но со временем привыкли и стали относиться к этому спокойно.

Однажды, когда я сидела в комнате, услышала: «Ай!» — и что-то упало на пол в коридоре. Я вышла в коридор: молоток валялся на полу, мама пошла курить на балкон. Отец, наклонившись над ванной, мыл голову, а из черепа сочилась кровь. Мама подошла сзади и молча ударила его по голове, пока он чинил розетку в коридоре.

«Папа, что случилось?!»

«Всё нормально».

Иной раз раздавались крики: «Отпусти меня!» — кричал папа, когда мама крепко держала его за волосы. Тот, в свою очередь, держал её тоже за волосы, и они пинали друг друга. Потом мама отпустила, схватила нож и ударила им отца в бок. Отец взял полотенце и прижал к ране, так и сидел на кресле.

Я спрашивала: «Папа, вызвать скорую?»

«Не надо!»

Мама также часто выгоняла его из дома или не впускала домой после работы. Он был вынужден сидеть в подъезде на корточках всю ночь и плакать. Потом привык уходить обратно на работу и ночевать там.

На острове много ловили рыбы. Товарищи отца по работе в благодарность за услуги вместо денег приносили ведро с горбушей. Продуктов могло и не быть, но рыбой морозильник всегда был полон.

Папа бесплатно помогал людям, и его девизом было: «Помоги другому, и он поможет когда-нибудь тебе». Часто, помогая другим, отец ничего не получал взамен, а порой и вовсе его считали лохом, которым можно бесплатно пользоваться. Он работал на износ, строил мосты и дома, ходил на работу даже с высокой температурой, уставший и не выспавшийся.

Мама не уважала сон и покой отца. Когда тот приходил с работы голодный, она не готовила ему, никогда не стирала его одежду — он сам стирал её у себя на работе. Более того, она запрещала ему мыться в ванной, и отец мылся у себя на базе в душевой, где и подхватил грибок стопы, от которого лечился несколько лет.

Впоследствии брату и его семье, маме — всем, кроме меня, — от него всегда нужны были только деньги. Брат не помогал отцу никак. Никто не волновался по-настоящему о его здоровье, и поведение папы из-за ощущения никому не нужности стало суицидальным — от полной самоотверженности. Желание быть нужным и полезным привело его в такое состояние, когда к нему присосались «пиявки», от которых он больше страдал, чем получал пользу. Поскольку эти люди были лишены чувства благодарности, все воспринимали заботу о них отца как должное.

У братика же в ПТУ всё было нормально с обучением. Он быстро адаптировался и влился в новый коллектив, подружился с хорошистом Вовой. Володя поддержал его в обучении, надолго стал его другом и впоследствии помогал ему спиваться.

Вова был красивым, мужественным парнем, с внешностью мачо, но алкоголиком. Маме Володя очень нравился, и она всё хотела меня с ним сосватать. Да и брат предлагал познакомиться с Володей. Вова и сам был не против сближения со мной, но у меня сложилось своё мнение на этот счёт.

Когда мне что-то навязывают насильно, против воли, думают за меня и решают, возникает внутреннее сопротивление и борьба за независимость: «Кто вам дал право решать, кого мне любить?» Из гордости я не подпускала Володю к себе, но видела по косвенным признакам его влечение. У самой тоже что-то было подобное, но признаться в этом себе — значит согласиться на манипуляцию со стороны мамы и брата. Я этого допустить не могла и брату так уверенно врала: «Он мне не нравится!» На самом деле я его просто боялась.

В его присутствии всякий раз ощущала скованность и видела, что он тоже будто не в своей тарелке. А мама и брат с интересом наблюдали, ожидая, что из этого получится. Поэтому ничего не получилось: и он, и я чувствовали это неприятное давление со стороны родных.

Сначала всё начиналось со скандалов в семье. Мама кричала: «Убирайся из дома, не жри мои продукты, ты их не заработала!» Брат курил прямо в комнате, заставляя меня задыхаться в дыму, разбрасывал вонючие носки и включал громко музыку, когда я спала. Жить с ними стало совсем невозможно, и мне приходилось переезжать на дачу на лето, чтобы больше не находиться в атмосфере ненависти.

Отец практически всё время пропадал на работе и приходил только поздно вечером, сразу ложился спать. Дача стала моим домом. Брат с Вовой приезжали ко мне бухать, а я не скрывала от них свою токсикоманию.

Я сидела на столе с газовым баллоном, пыхая. Брат и Володя — на диване, пьяные. Володя попросил у меня газ, и я дала баллон. Он словил глюк: показывая пальцем на окно, с серьёзным видом кричал: «Гигантская клубника стучится в окно. Смотри!» Мы с братом рассмеялись, и, когда Володя понял всю абсурдность галлюцинации, смеялся вместе с нами.

Я закурила, оголила внутреннюю сторону руки и приггла её сигаретой: «Так можешь?» — обратилась к Вове. Тут он вскочил с дивана, схватил топор, подошёл с ним ко мне: «Давай руку!» Это была всего лишь шутка, но страх я свой не выдала, хотя в этот момент реально испугалась.

Ради прикола я в подъезде, где стояла с баллоном, решила ручкой написать на стене: «Ищу парня» и свой номер телефона. Через некоторое время, когда я уже забыла и не надеялась, что мне кто-то позвонит, мне позвонил парень, назвался Костей. В трубке слышались смеющиеся голоса ещё каких-то людей. Он предложил подъехать ко мне на машине, познаком-

миться. Я согласилась, и, когда он подъехал, в машине были его друзья. Костя хотел со мной покататься по городу и уверял, что его друзья не представляют для меня угрозы, но я всё равно отказалась и предложила ему лучше сходить ко мне в гости. Так он познакомился с моей семьёй. Больше Костя в моей жизни не появлялся.

Зато я продолжала любить Егора: стоило ему только появиться в поле зрения, сердце замирало. Он иногда к нам заходил за машинкой для стрижки волос или чтобы у отца что-то попросить, потому что они работали вместе на базе. К тому же Егор был другом Дениса, а тот был нашим другом детства: они приходили к брату вместе.

В очередной раз Егор пришёл к нам домой. В тот день я сидела в комнате и, услышав его голос, почувствовала, как забилося сердце. Ведь накануне я написала о нём любовный стих. Будто он почувствовал это телепатически. Но он быстро ушёл, даже не зайдя ко мне в комнату.

Брат ездил весной на дачу, когда ещё не успел растаять снег. Вернувшись, он рассказал, что, когда зашёл в домик, на диване сидел огромный чёрный котёнок и поедая котёнка. Я не поверила, пока не приехала позже на дачу и не увидела маленькие чёрные лапки котёнка на диване. Что там произошло, я не знала, и, возможно, именно то, что видел брат, хотя это и звучало невероятно.

На даче было тяжело физически работать, и после неё всегда болели мышцы. Но дача была возможностью прокормить семью в то сложное время. Я копала, сажала, поливала, колола дрова, пропалывала, часами ковыряясь в земле. Таскала тяжёлые ведра с водой и сорняками, поливала помидоры и огурцы в теплицах, собирала урожай.

Втайне ко мне приезжали подруги, когда родителей не было на даче: ели помидоры, ягоды и огурцы. А вечерами я любила лежать на железной кровати и всматриваться в звёздное небо, отмахиваясь от комаров. Ловила падающие звёзды и старалась успеть загадать желание: «Хочу быть всегда с Тобой, Господи!»

Моя внешность напоминала кавказскую, оттого меня кавказцы иногда принимали за свою. Например, я шла в церковь с дачи пешком: на автобус не было денег, да и автобусы с дачи ходили плохо. Остановились «Жигули», и кавказец назвал меня «сестрой», предложил подвести до остановки. Я села в машину, и он сказал: «Своим надо помогать». Услышав мой голос, засмеялся: «А чего так тихо? Кашу плохо ела в детстве?»

Когда мы ходили по рынку с отцом, часто кавказцы обращались к моему отцу и ко мне как к «своим», предлагая купить что-то у них. И стоило отцу отойти от меня, лезли ко мне знакомиться: «Девушка, красавица, можно с тобой познакомиться?»

Мама в очередной раз выгнала из дома отца: у неё была сильная фрустрация из-за несбывшихся надежд, и было много попыток суицида. Она резала вены, несколько раз уходила из дома, прощаясь с нами, но всегда возвращалась.

В этот раз она снова ушла ночью из дома, попрощавшись со мной, и попросила меня не плакать. Когда входная дверь закрылась, я осталась в тёмном коридоре одна, села на пол и стала молиться за маму. Чувство потери родного человека, попытка с этим смириться, надежда, что мама и в этот раз тоже вернётся.

И она вернулась, рассказывая, что, когда она шла, даже ветер перестал дуть, собаки лаять — словно мир вокруг погрузился в тишину в ожидании чего-то. Она так и не дошла до крыши, чтобы с неё сброситься: почувствовав, что Господь её останавливает, вернулась домой.

А мне сразу представилась библейская рисованная картинка из брошюр: гигант-ангел стоит посреди дороги, раскинув руки, преграждая путь. Я не смела мешать уже тогда уходу, если человек принял решение. Я уважала его выбор. И сейчас я остаюсь при том же мнении: взрослый человек в здравом уме имеет право решать, сколько ему жить, когда и как умирать. Надеюсь, и мой выбор тоже будут уважать.

В церкви, из-за того что я была молчаливая и стеснительная, Вера не давала мне сложных ролей играть на сцене. Я была как исключение из правил: мне отводилась самая немногословная роль Марии, матери Иисуса.

После служения мы забрались на второй этаж, и там тётя Вера дала каждой по листу с текстом, который надо было выучить. У меня же было всего два слова: «Это Иисус». Их позже я и произнесла на сцене своим противным детским голосом.

Синее платье, которое мне дали, длинное, до самого пола, мне шло. Льняное платье было самое обычное, не бальное, но, так как платьев в моём гардеробе практически не было, после спектакля я не хотела с ним расставаться. Дали также и косынку для покрытия головы: ведь замужняя женщина должна быть с покрытой головой — как «знак для ангелов», чтобы они могли отличить мужчину от женщины (так нас учили).

Мама в тот день пришла на служение и записывала всё выступление на видеокамеру. Позже я не могла без отвращения смотреть на себя, тем более слышать свой голос. Я была в центре зала на стуле, а все остальные девушки из группы Веры играли роли ангелов.

Когда мама пришла в церковь в первый раз во время служения, она начала плакать, когда все пели псалом. В церкви это воспринимали как покаяние, и я в тот момент была знакома с этим термином. Молодые сёстры пели нежными, музыкальными, уже хорошо разработанными

голосами. Мама влюбилась в их исполнение и, когда пела псалом вместе с церковью, расчувствовалась. Женщины, сидевшие сзади, дали ей свой носовой платок.

После служения она пыталась рассказать христианкам своё видение произошедшего, объяснить про энергетические потоки, но неграмотные женщины таких слов даже не знали. Во время молитвы все вознесли руки, подняла их и мама — чтобы «зарядиться энергетикой христианского эгрегора». Но подняла их ладонями вверх, не так, как другие, чем и выделилась из общей массы.

Наставница Вера узнала, что я хорошо рисую. Да, по сути, я бездарность — как была, так и осталась. Нет никаких достоинств, чтобы меня уважать. Но вот почему;то людям кажется, что я хорошо рисую. Впрочем, ни я, ни мой отец никогда так не считали. Отец мои рисунки всякий раз критиковал — и, вероятно, вполне справедливо. Но те же рисунки по неведомой причине у других вызывали восхищение.

То есть встретит тебя человек, пообщается — и теряет к тебе интерес. Но вот если узнает, что ты лепишь или рисуешь, то зачем;то ещё пытается за тебя держаться. Это, наверное, единственное, за что люди меня хоть немного ценят, — и на этом всё.

Знакомишься с мужчиной: ни внешность моя, ни голос, ни умение вкусные пироги печь, ни другие особенности — ничего его не удержит. А вот скажешь: «Умею лепить» — и прямо чувствуешь, как его интерес к тебе пробуждается. Так происходило и в школе, и в церкви.

Тётя Вера стала давать мне задания рисовать — так я служила церкви, хоть какая;то польза, раз на сцене мне нечего делать. И я рисовала. Домашнее задание было — нарисовать символы Духа Святого (голубь, огонь, вода и что;то ещё). Я принесла рисунок в воскресенье утром, и все остались довольны.

После служения, чтобы напиться ещё большим «благословением», я оставалась ждать вечернего служения в церкви. Женя разучивала с девочками новые песни, а я в одиночестве сидела на лавочке и мысленно разговаривала с Богом.

После служения все расходились по домам. Кроме Веры и девочек, больше никого не было. Пастор тоже уходил домой, готовясь к вечернему служению.

Часто бывало так: из;за того, что я боялась есть со всеми, я либо ела совсем понемногу (стесняюсь попросить что;то), либо вообще не поднималась на второй этаж. В итоге до позднего вечера мне приходилось быть голодной и терпеть ради Господа — лишь бы стать к Нему ближе. Иногда я сознательно приносила эту жертву, отказываясь от обеда. Кормили бесплатно, и в то время это давало ещё один повод ходить в церковь — тем более детям из неблагополучных семей.

Во время утреннего служения я часто сидела у выхода — из-за того, что курила. Это немного упрощало незаметный выход на улицу: было проще, чем если бы я сидела с девочками и Верой ближе к сцене. Я сидела в самых крайних рядах, одна, словно оторванная от всех. Да и вообще сидеть с другими мне было неудобно из-за сильных комплексов, страха и ощущения своей недостойности рядом с Верой.

Веру я слишком идеализировала, считала святой настолько, что, когда заходила в её квартиру, мне казалось, что пол слишком чист для меня, и я боялась на него ступить. А когда наставница подходила ко мне, от переполнявшего меня трепета и любви к ней я не могла свободно ответить.

Я никогда не смотрю людям в глаза из-за социофобии: будто боюсь, что они увидят меня настоящую и возненавидят. И чем сильнее я люблю человека, тем сильнее этот страх и тем сложнее ему найти ко мне подход.

Вера излучала Духа Святого, и я настолько была уверена в её святости и духовной силе, что меня тянуло к ней, как к Нему. Она стала моим «наркотиком»: я нуждалась в её молитвах, ходила к ней в гости, как наркоманка за дозой. В её присутствии я испытывала трепет, обожание и скованность, боясь сказать лишнее слово. Она была для меня воплощением божества на земле.

На вечерних служениях мы сидели уже вдвоём с Женей. Братья выходили на сцену и после зачитывания цитаты из Библии делились новыми откровениями от Бога. В церкви на вечерних служениях обычно оставались только бабушки в косынках, которые напевали хриплыми голосами псалмы.

После слов пастора: «Помолимся!» — поднимался гул на иных языках с воздеванием рук. И если Рая — пророчица — повышала голос, вся церковь смолкала, чтобы услышать новое пророчество от Бога.

Рая была женщиной кавказской национальности, маленького роста, со звонким и громким голосом. Она ходила в церковь со своим мужем — рыжим, таким же некрасивым, маленьким и худеньким мужчиной, который любил на меня смотреть во время служения.

Я не улавливала в её словах особых пророчеств — лишь наставления для церкви: «Так говорит Господь: слушайтесь, дети Мои, Меня! Не грешите» и тому подобное.

После служения к нам подходили женщины, спрашивали о маме, почему она не приходит в церковь. Я никогда сама ни к кому не подходила, кроме Веры, и очень редко — к пастору за молитвой.

Мы шли домой с Женей, плетясь за другими женщинами к остановке, садились на автобус, и каждый выходил на своей, прощаясь с нами: «С Богом!» Нам с Женей ехать было далеко, до самой конечной, поэтому, когда мы уже подъезжали к своей остановке, в микроавтобусе почти никого не оставалось. Прощались мы обычно так же, как лучшие подруги, но дополнительно со словами: «Божьих благословений! С Богом!»

Когда я приходила домой, меня будто прорывало, как плотину. Полная эмоционального подъёма, я стремилась рассказать все подробности, откровения, чудеса родителям, делая акцент именно на экстатических переживаниях — «теплоте в груди». Она заполняла всю грудь, в ладонях и стопах чувствовались нежные волны, словно от прикосновения пера.

Не хотелось разбрасывать эту энергию напрасно: я верила, что в ней должен быть какой-то особенный смысл, раз она даётся Богом. Поэтому иногда, заметив, что с пустословием «благословение» уходит, я приходила домой и старалась молчать, чтобы сохранить это чудо хотя бы до утра. Но с каждым последующим утром «благословения» становилось всё меньше и меньше. Присутствие Бога чувствовалось всё слабее, и в молитвах всё сложнее было к Нему пробиться.

Потому я решила ходить ещё и на вечерние служения по средам и брать с собой Женю. И мы иногда ездили по средам, пока Женя не привыкла и к вечерним служениям — даже когда у меня позже пропал интерес.

Я реже стала прижимать к сердцу, чтобы заполнить пустоту в груди, переписанные молитвы или Библию: они лежали у изголовья на моей кровати. Да и зачем, раз я уже почти адаптировалась получать энергию другими способами? Я чувствовала себя энергетической вампиркой, и мне всё время её было мало, поскольку она и была — Он. Его близость ко мне зависела от её количества; другого смысла сознательно в «теплоте в груди» я не видела.

Я даже верила в особое расположение молитв: если порядок нарушить, будет несчастье, — и старалась их не трогать. Библию я обклеила серебряной бумагой, украсила вырезками картинок из детского Евангелия об Иисусе. Читая Библию, на каждом предложении буквально ловила откровения от Бога, впитывая заповеди и законы.

Начала я читать её с Нового Завета, как и советовала Вера: для неокрепшего духа с такой сложной книги, как Ветхий Завет, лучше не начинать. Библия практически вся была исписана карандашом: я читала её между строк, познавая через неё характер Бога.

Я;то знаю, что меня влекло и влечёт до сих пор к Нему: я — эндогенная наркоманка, и в церковь ходила ради экстаза. И мне было всё равно на рациональность и логику. Я была подростком и искала удовольствий. Какая, к чёрту, логика в таком возрасте?

В церкви Вера настаивала, чтобы мы перестали ходить в джинсах и использовать косметику. Но со мной справиться было сложнее: у меня дисморфофобия, и без косметики я ощущала себя совсем чудовищем. Как она ни упрекала меня, я от косметики не отказалась.

Однако дочь Веры всегда модно одевалась и красилась, делала в салонах причёски, укладывала волосы. А мне вся эта роскошь из-за безденежья и бедноты моих родителей была недоступна. Причёски я делать не умела: мои родители как-то никогда особенно не были заинтересованы в моей внешней привлекательности, а по журналам научиться краситься без косметики невозможно.

Но всё же, хоть и скудно, косметика у меня имелась — от мамы. Той, в свою очередь, её подарила подруга Лена: тушь, тени, помада. Сама же мама косметикой пользовалась очень редко, только на праздники.

Позже я купила дешёвый тональный крем «Балет», которого мне надолго хватило: им я обычно замазывала лишь синяки под глазами и губы. Да, я ненавидела свои губы и хотела сделать их на лице как можно менее заметными, от чего выглядела как бледная смерть с чёрными глазами от туши.

Когда моя мама злилась, её губы от напряжения превращались в натянутую тонкую линию. Губы я унаследовала от неё и потому пыталась их скрыть, боясь, что окружающие увидят в них «мамину агрессию».

У меня даже заколок для волос нормальных не было, и единственное, что я могла себе позволить, — это либо собрать волосы в хвост, либо распустить. У Жени была та же беда: она носила либо пучок, либо хвост, начёсывая чёлку набок.

Длинных юбок у нас не было, и Вера решила помочь Жене — подарила ей юбку. Мне же пришлось кланяться у отца чёрную юбку до пят, с боковым разрезом. Мне нравилась эта юбка, но в ней позже было неудобно попрошайничать: мужчины как-то странно реагировали на меня в этой юбке — с каким-то высокомерием — и ничего не давали.

Но некоторое время я надевала эту юбку в церковь и даже, когда училась в техникуме, приходила в ней на учёбу.

Несколько раз сходить с нами мы уговорили Алину и Машу, но надолго они не задержались в церкви: им было попросту скучно. О каком «благословении» я вела речь, они не понимали, списывая это лишь на эмоции. Так и моя мама думала, что «радость в груди» — обыкновенная радость, которую можно получить непосредственно от церкви, достаточно погрузиться в молитвы на ином языке. Она, ритмично покачиваясь на кровати, входила своими методами в транс. Её иной язык не был похож на язык пятидесятников: «Омене, омене, ом, ом...» — скорее на мантру. Так как мама читала много оккультной литературы, ей удавалось смешивать совершенно противоположные вещи и создавать новое.

Однажды мы с мамой решили совместно помолиться у неё в комнате. Был вечер, мы выключили свет, мама сидела на кровати, я по привычке — на полу лицом к окну. Мама молилась по своей методике, я по своей, и, как только я стала погружаться в транс, увидела в углу рядом со шторой белое облако — как туман, оно надвигалось на меня. Я подумала: возможно, это что-то от Бога — и продолжала молиться. Но почувствовала сильную расслабленность и лень: сопротивляться ему не хотелось. Облако словно желало мною овладеть. Оно, как мягкое, но бесчувственное, окутало меня и пыталось проникнуть в сердце. Напал ужас, и я закричала, выбежала из маминей комнаты. Мама очнулась и вышла спросить, что случилось. Я ей рассказала об этом облаке, а она ответила: «Это же и был Дух Святой!»

После того дня, как мама покаялась в церкви, настроение её радикально изменилось: она перестала плакать и утверждала, что чувствует приятную лёгкость и счастье, будто вознеслась на Небеса, теперь её охраняют ангелы, и она чувствует Его Любовь.

Позже случай с облаком повторился. Перед сном, когда уже все спали, только у меня была бессонница, я молилась. Я увиделадвигающуюся белую тень на стене. Когда открыла сердце Богу, почувствовала, что в него пытается войти нечто мягкое, но чужое, незнакомое, не похожее на Бога, к Которому я привыкла. Напала паника, и я закричала: «Господи, приди!» Проснулся брат, выругался, отец вбежал в комнату: «Что случилось?» Я легла на кровать и заплакала. Вдруг ощутила мурашки по телу, по ногам, а грудь наполнилась «благословением». Тогда я поняла, что Он меня никогда не бросал и не отдаст во владение непонятному духу. Прижав к сердцу Библию, влюблённая в Него и счастливая, я уснула.

Нам в церкви внушали: «Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдёт ли искать заблудившуюся? И если случится найти её, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся. Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих» (От Матфея 18:12–14).

Таким образом, за каждого приведённого человека в церковь ждала христианина награда на Небесах, и все старались, молились за грешников, бились за родных. И когда маму с Женей мне вначале удалось завербовать в секту, я тоже радовалась, ожидая награды. Вот только уже позже стала об этом жалеть, когда поняла, какую ошибку совершила: я отдала их в руки самого Дьявола. И уже радовалась тому, что мама всё же не задержалась надолго в церкви, а вот за Женю до сих пор стыдно. Хотя, с другой стороны, она обрела семью, которой ей в реальности

не хватало, и очень надеюсь, что уже вышла удачно замуж, поскольку найти мужа у нас в церкви всегда была большая проблема. Сестёр-девственников много, а братьев катастрофически не хватает. Поэтому сёстры переходили в другие молодёжные церкви в поисках мужей, не выдерживая одиночества, оставляя уже замужних бабушек и женщин петь псалмы самостоятельно.

Один из уроков Вера посвятила дарам Духа Святого, в том числе дару пророчества и иных языков. Все дары Духа должны присутствовать в любом истинном христианине, но какие-то из даров Богом даются в большей мере — тогда христианин занимает определённое служение в церкви: либо молитвенное, либо миссионерское, либо пророческое. Все мечтали, как правило, быть миссионерами, так как это даёт возможность путешествовать и удачно выйти замуж. Гуляли сказки о том, что пасторы из-за границы приезжали с миссионерским служением для проповеди в Россию и находили сестёр, увозили их с собой. Это у нас считалось идеальным браком, поэтому с каждым приезжим иностранцем девушки напрягались, прихорашивались в надежде, что он выберет их. Но такие случаи за 12 лет, что я ходила в церковь, ни разу не произошли.

Когда мы в очередной раз собрались на домашнее служение у Веры в квартире, она с возложением рук по очереди стала молиться за то, чтобы Бог дал нам дар иных языков. Женя на языках заговорила в тот же день. Она сидела на коленях с закрытыми глазами, пока Вера громко молилась на языках, держа руку на её голове. Женя закрыла лицо руками, и Вера перестала молиться. Когда убрала руки, по её лицу текли слёзы, и она заговорила на языках.

Позже я спрашивала, как это произошло, что она чувствовала. Она лишь сказала, что увидела приближающийся к ней свет, а потом просто заговорила. Меня это «просто заговорила» насторожило, так как в Евангелии в день Пятидесятницы перед иными языками происходили грандиозные знамения: поднялся сильный шум, комната наполнилась ветром, а в реальности ничего подобного не было.

Я пришла домой и начала молиться по настоянию Веры, потому что уже в то время все говорили на языках кроме меня, и я чувствовала свою ущербность. У меня даже возникла обида на Бога за то, что Он меня обделил этим даром, как какого-то изгоя. Тогда я в молитве стала высказывать Богу свою обиду, плакала, но, видя, что ничего не происходит и языки так и не появляются, успокоилась и села на диван в зале. Дома никого не было, было тихо, в окне светило солнце, и я подумала: «Попробую я просто заговорить, как это сделала Женя. Расслаблюсь и буду просто говорить всякую ерунду, может, из этого что-нибудь получится» — и получилось. Я заговорила на языках, всё оказалось настолько легко, что даже не чудесно. Но чувство некоторой гордости и принадлежности к таинственному всё же появилось: я уже не ощущала себя крайней, а по-настоящему приобщённой к обществу святых.

Уже через год после покаяния мамы в церкви, как испытания от Господа (так я это воспринимала в то время), мама заболела. Её спину скрутило, и она слегла, не в состоянии передвигаться по квартире. Боль заставляла её ночами кричать, в невозможности уснуть, а мы с отцом выполняли все её просьбы, лишь бы хоть как-то помочь. Я начала за маму молиться, ухаживала за ней, убиралась в её комнате, наливала чай, приносила, что просила. После обследо-

дования в больнице ей поставили грыжу позвоночника и предложили операцию, но мама испугалась операции и решила ждать чуда, сидя на обезболивающих, которые колал ей отец каждый день. Я до сих пор помню, как она, согнутая, пытается по стенке добраться до туалета или ванной. Мне маму было ужасно жалко, я плакала, умоляя Бога ей помочь, в церкви, преодолевая социофобию, просила людей молиться за неё.

Год страданий, а боль не проходила. Ночью из её комнаты раздавались крики, мы приходили, но не знали, что делать, и чувство беспомощности вторгалось в отчаяние. Мама узнала о мануальном лечении от женщин в палате, в которой она лежала, и взяла телефон той чудомассажистки. Отец отвёз её к ней, и после первого же сеанса ей стало легче, а уже после третьего мама разогнулась и с того дня навсегда забыла о боли в спине.

Женя рассказывала, как Витя принял ЛСД и потом целый день ловил каких-то пингвинов у себя в кармане. Мне тогда тоже хотелось хоть раз попробовать ЛСД вместо газа, но я не знала, где они его добывают, у кого покупают, как выйти на этих людей. Да и денег своих никогда не было. Отец иногда давал на проезд в церковь, и я либо просила водителя подвезти, либо шла пешком, лишь бы сэкономить деньги и купить баллон.

До того как я начала ходить в церковь, мы с братом воровали у мамы деньги на баллоны, из-за чего у неё развилась паранойя и она начала всегда закрывать свою комнату на замок. При малейшем подозрении устраивала скандал с обвинениями в воровстве, а ведь воровства не было. Когда я стала христианкой, я больше никогда ничего не крада, ведь это грех.

Я стала бороться со многими грехами в себе: зависть, жадность, зло, ненависть, коварность, ложь, лицемерие, гордыня, чревоугодие, богатство, похоть и так далее. Постоянно отслеживала свои мысли и пресекала их, останавливала, если мне казался в них какой-то грех. Сверяла по Библии каждое своё слово и действие, постоянная работа над собой, бесконечная самокритика и самоуничтожение. Но курить бросить никак не получалось.

Мучилась тем, что мне никогда не удавалось стать безупречной: всегда находила в себе изъян и постепенно начала понимать, что грех в принципе неискореним из человеческой природы. Сколько ни бейся с собой, всё равно человеку это не по силам — стать святым. Тогда я много молилась, чтобы Господь меня изменил, надеясь на чудо, и сделал лучше для Себя, для Своей Любви. И бывало так, что я не находила в себе греха, но Он был далёк, а иногда я грешила, но Он был близок, и я чувствовала Его любовь. Отсюда сделала выводы позже, что единственный грех — это не быть в Нём, все остальные грехи — лишь следствия этого греха. Нет ничего нечистого в тебе, когда ты принят и оправдан Им, когда Он рядом. Его близость и есть единственное верное доказательство твоей внутренней чистоты: к нечистому Бог не приблизится. Поэтому в курении, в газе и алкоголе нет греха. Грех лишь — в смирении с Его отсутствием в твоей жизни.

И несмотря на то, что денег ни у кого не было, мы всё же находили какие-то копейки на каждое служение, чтобы кинуть десятину в ведро, когда брат с ним ходил по рядам, собирая деньги. Все кидали столько, сколько не жалко, сколько могли.

А ещё у меня была странная галлюцинация, которая до сих пор есть, и эта галлюцинация постоянная и непрерывная. Я чувствую присутствие кого-то рядом — и почему-то только с левой стороны. Будто кто-то стоит сзади меня. Когда-то я читала, что с левой стороны стоит чёрт, а с правой — ангел. Но вот что странно: присутствие кого-то с правой стороны я ощущаю лишь когда уверена, что меня сексуально хотят. То есть будто какой-то дух стоит справа — дух похоти и страсти. Но это настолько редко случается, потому что по-настоящему меня никто никогда не хотел, посему этот дух скорее исключение из правил.

А вот слева я всегда ощущаю чьё-то присутствие, даже сейчас, и думала когда-то, что это чёрт, раз слева. Я пыталась его гнать, плевала через левое плечо, как советовали, руками представляя луч света, старалась рассеять его, крестила свечкой с молитвой ту сторону, но он не уходил. Такие вот тактильные галлюцинации, происхождение коих мне до сих пор неясно. Вера на домашнем служении расспрашивала о странностях, что нас беспокоят, и я ей рассказывала о духе с левой стороны. Она протянула руку сзади меня и сказала, что чувствует холод.

Вообще тема холода была частым феноменом у Веры дома во время молитвы. К примеру, форточки были закрыты, но ветер ощущался в комнате и колыхал цветы на пианино, на что Вера обратила всеобщее внимание. Хотя я дух с левой стороны ощущаю как тепло, а не холод.

Вечером я с Женей однажды сидела на даче, и я ей рассказала о моём друге — духе слева. Тогда Женя попросила меня обратиться к нему и дать какой-нибудь знак. Я зачем-то сказала, что дух с левой стороны хочет, чтобы ты взяла на руки кошку. С нами на даче в это время была кошка — я её привезла из дома, и мы с ночёвкой остались с Женей. Она взяла её на руки, и у той появились рвотные спазмы. Женя кинула её на пол, и кошку вырвало. Женю это удивило, и она поверила, что я правда общаюсь с каким-то духом. Однако мне такое доказательство убедительным не показалось.

Я всегда восхищалась Машей — её пением, женственностью и умением красиво одеваться, преподносить себя гордо, с достоинством. Она была словно принцесса среди недостойных плебеев и нищеты, хорошо говорила по-английски и в музыкальной школе профессионально развила голос, играла на пианино, училась хорошо. В неё многие в церкви были влюблены, но Вера хранила свою дочь от блуда и в прямом смысле преследовала, отгоняя ухажёров. Маша никогда со мной не шла на сближение, брезгуя мараться, как и с Женей. Мы были не её ранга, слишком бедные и больные, но она была вынуждена терпеть наше общество из-за общего дела веры.

Вечером я сидела в зале на кресле, и на столе лежали обычные газеты. Я от скуки решила одну почитать и нашла статью о мальчишке, которого все обижали в школе, и у него развилась социофобия — страх перед общением с незнакомыми людьми. В то время интернет и ПК были

для нас недоступны, информацию узнать можно было лишь через ТВ, газеты, журналы. Когда читала симптомы этого расстройства, всё совпало с моим состоянием во время общения. Но все воспринимали мою зажатость, молчаливость и интроверсию как обычную скромность, и никто не придавал этому особого значения. В то время и о социофобии мало знали, в МКБ как отдельное заболевание она ещё не была внесена, и я просто мучилась, каждый раз себя преодолевая, и думала, что это нормально.

Да, странная, я не от мира сего, да, в обществе предпочитаю позицию в углу и не высываться. И когда меня о чём-то спрашивают, я отвечаю тихо, голос меняется от страха, в глаза людям не могу смотреть, хочется бежать и не оглядываться. С годами эти симптомы только усиливались и усложняли мою жизнь: чем старше я становилась, тем несчастнее.

Но теперь я знала название этой болезни, и, набирая номер тёти Веры, я хотела поделиться с ней своим открытием. Но когда она взяла трубку, у меня как обычно от страха сковало язык, и я не смогла объяснить ей ничего толком: «Я знаю, что со мной. У меня социофобия». Она не поняла ничего, попрощалась и сказала, что будет молиться. А я решила этот разговор отложить до следующего раза.

Уже дома у Веры я ей попробовала рассказать о своей социофобии, но Вера стала отрицать такую болезнь и молиться за то, чтобы меня оставил в покое дьявол. Это было что-то вроде экзорцизма: когда все девочки молились за изгнание из меня дьявола, а я чувствовала себя прямо дьяволицей во плоти.

Я помню, мама говорила: «Пусть лучше боится», — и мне даже льстило, что я хоть чем-то выделюсь из толпы, пусть даже своим бесом. Но позже молитва за изгнание из меня дьявола стала обычным делом, и не раз ещё из меня изгоняли всяких духов: и дух блуда, и дух курения, и дух пьянства, и дух бродяжничества и так далее, но об этом позже.

Родители тоже не верили, что у меня есть какая-то социофобия, списывая всё на инфантилизм, тормознутость и лень. Мне было не к кому обратиться за помощью, и алкоголь я ещё не рассматривала в качестве лекарства, и мне оставалось лишь силой воли каждый раз преодолевать внутренний дискомфорт и делать дела, которые другим даются легко. Вера спросила меня: «Ты боишься быть непонятой?» Я обрадовалась, что наконец-то она близко к сути социофобии подошла: «Да».

Когда я ехала в церковь с Женей на воскресное служение, ко мне подсел бывший одноклассник Тимофей: «Привет! Куда едешь?» Я его не сразу узнала, но ответила, что в церковь. «Какое совпадение, я тоже. А вот и моя остановка, если что — приходи к нам на служение», — он вышел, а я удивилась тому, что Тимофей оказался верующим и его церковь по иронии судьбы находилась рядом с моей. Корейская протестантская церковь — голубое здание из бетона, с большим крестом, рядом с дорогой, — сразу бросалась в глаза. И уже на следующей остановке вышли и мы.

Какой это был счастливый день, когда меня, отшельницу, посетила Вера: «Я с трудом нашла твою дачу». Она принесла несколько пачек куксы и расспрашивала, как я тут живу. Я как обычно из-за сильного смущения была немногословна, но так рада её присутствию, что всё валилось из рук от волнения. Я не могла скрыть улыбки радости, что меня не забыли. Вера помолилась и ушла, а я целый день ходила после этого под впечатлением. Позже Вера ещё несколько раз приезжала ко мне в гости, так же, как и Женя. Мы с Женей вместе пели и молились, она мне напевала новые песни, которые у них уже разучивали к очередному выступлению. Только я больше не выходила на сцену. Я была только отстранённой и безучастной наблюдательницей. Они постоянно держались вместе, а мне лишь изредка доставались знаки внимания.

В один из летних дней в воскресной школе наставница предложила мне с Женей поехать в христианский лагерь вместе со всеми детьми. Мы радостно согласились и с энтузиазмом стали готовиться к поездке: обсуждали детали и собирали вещи. Когда пришли с сумкой на рассвете в церковь, было больше детей, чем взрослых, все ждали автобус. Я взяла с собой мало вещей, как и Женя, так как вещей в то время было у нас немного. Когда подъехал автобус, пастор за всех помолился, и мы поехали.

Я помню, как при свете солнца светлые волосы Маши как золото переливались — она сидела впереди меня. Когда расположили палатки и мы залезли внутрь, Вера сняла обувь, и меня поразили её белоснежные носочки на ногах. У меня же одежда была заношенная, ничего чистого, и сменную одежду я с собой не брала. Вся моя одежда — это только то, что было на мне, сменной не было.

Я специально не взяла с собой сигареты, в надежде что Бог мне поможет освободиться от зависимости за две недели жизни на природе, и потому чувствовала себя очень плохо. Шла по берегу озера, ногами или руками разрыхляя песок и землю, в надежде найти хотя бы один бычок. Что-то сырое находила, но зажечь это без зажигалки и покурить было невозможно. Пока в лагере творилась суета, я бродила одна по лесу, изучая местность и ища хотя бы одну сигаретку. Иногда встречала людей, просила закурить, но ни у кого не было. Вера увидела меня, как я раскапываю песок, подошла и спросила, как я себя чувствую, и я призналась, что у меня ломка. Тогда она помолилась, дабы Господь помог изгнать беса курения из меня, и ушла к остальным.

Женя участвовала со всеми в играх, и с подругой я практически не общалась. Из-за соци-офобии я весь лагерь мучилась от ощущения себя лишней и чужой. Что я тут делаю среди этих людей, которым до меня нет дела? Но природа красивая, и я наслаждалась её видами, приятными запахами леса и одиночеством, наедине с Богом. Я сидела на берегу, прячась ото всех, специально отошла на далёкое расстояние, чтобы уединиться, так и проводила все дни лагеря. Утром поём и ухожу в лес, до вечера бродя одна и общаясь с Богом, а вечером снова поём и ложимся спать.

Я никогда не была в лагере, это был единственный и последний раз в моей жизни, потому что позже Вера зареклась никогда меня больше в лагерь не брать, поскольку я непослушна. Я Жене сказала, что взяла с собой перцовый баллончик, она передала это Вере, на что та ответила: «Ты согрешила перед Господом. Отдай баллончик! Нельзя иметь средства самообороны, иначе тем самым ты не доверяешь защите Бога! Из-за тебя полил дождь, Бог гневается теперь на нас». А погода и впрямь испортилась, и небо заволокло тучами. Я отдала баллончик, и Вера закопала его в песок вдали от лагеря, дабы отвести гнев Божий.

Иногда я заходила к поварам, и чтобы хоть как-то помочь старым женщинам, которые вынуждены кормить ораву детей, постоянно у плиты, стала мыть посуду. Меня никто об этом не просил — чисто моя инициатива хоть как-то послужить Господу.

В христианском лагере всем разрешили купаться в озере, и я разделась и пошла в воду, обернулась и увидела на себе осуждающий взгляд тёти Веры. Позже мне сказали, что девушки и парни купаются отдельно, не в закрытых купальниках, что был на мне, а в белых сорочках, чтобы нагота была максимально скрыта. Мама мне подарила свой розовый купальник, который мне был велик, и я его затянула у талии, чтобы не спадал. Белой сорочки у меня не было, поэтому я ушла подальше от лагеря, чтобы не совращать никого, и купалась в озере одна. Я и не знала про белые сорочки — меня ведь никто не предупредил.

Мне запомнился только один почти приятный вечер в лагере, когда все сидели возле костра и жарили сосиски. Мне пожарили одну, так как я сама брать сосиски и жарить их не решалась. Не помню кто поделился сосиской, возможно, это была Женя или тётя Вера, но сама романтическая атмосфера тёплой ночи у озера, у костра с гитарой, подарила мне минуты счастья, которые никогда не забудутся, даже несмотря на ущербность моего положения среди здоровых и полноценных.

В одной палатке спали я, Юля, Женя, Вера и Маша. Я спала прямо в одежде, ложилась не раздеваясь, потому что всегда чувствовала сильное внутреннее напряжение спать с чужими людьми. Будто на случай опасности, чтобы была возможность бежать. У меня не было средств гигиены, и, когда я просыпалась, я стеснялась себя приводить в порядок на глазах у Маши и других, потому что у меня была очень бедная косметичка, состоящая из чёрной ручки, туши, зеркальца и тонального крема. Я заменяла, да и сейчас заменяю косметику фломастерами и ручками, потому как привыкла делать это уже давно, и так дешевле. Я всегда сразу же выходила из палатки, взяв с собой сумку, и уединялась в лесу, чтобы накраситься. Маша же была красивой, и она не комплексовала краситься и делать причёски при нас.

Я сидела на берегу озера, ко мне подошёл парень: «Ты из того лагеря?» Так мы и познакомились. Я ему рассказала о Боге, о вере, о чудесах, которые происходили в моей жизни, с желанием спасти ещё одну заблудшую душу. Парень пригласил меня посидеть с ними, и мы направились к костру. Рядом с огнём сидел мужчина лет сорока и кипятил в железной кружке воду — он предложил присесть рядом. Всю ночь мы общались на тему религии, а мужчина рассказывал о своих чудесах, которые у него происходили, как Бог его спас от смерти. Под утро он проводил меня к палатке, и я легла спать, а наутро он меня искал и спрашивал у Веры.

Но она, когда узнала, как я провела ночь, была в гневе. Он постарался объяснить, что просто хотел поговорить, и обещал мне покатать детей на лодке. Вера сказала мне, что это последний раз, когда она меня взяла в лагерь. А днём этот мужчина прокатил на своей надувной лодке детей по озеру, от одного берега к другому.

Мы ездили на море на автобусе, и я с собой взяла шампунь. Залезла в море, помыла волосы. Все смотрели на меня как на сумасшедшую. А потом Вера спросила: «Тебе надо было помыться — сказала бы мне, зачем в море волосы мыть? У нас есть душевая». Я не знала о душевой, а спросить боялась, ведь я никогда не подхожу к людям первая из-за страха быть отвергнутой.

Была у нас в лагере девушка с ДЦП на инвалидной коляске, её звали Маша. Я сидела вечером за столом одна, пока все были на собрании. Она подъехала ко мне, чтобы поинтересоваться, почему я грущу. Я ей рассказала, что хочу умереть и что у меня уже были попытки, показала шрамы на руке. Она назвала меня дурой и рассказала, что сама не раз в прошлом пыталась покончить с собой, показав свои шрамы, но у неё есть хоть уважительная причина, и она не понимает меня, здоровую. Ещё она сказала, дабы я мирилась с Верой и попросила у неё прощения. Я тогда ничего на это не ответила, встала и пошла в большой туристический шатёр, который специально поставили для молитвенного служения.

Шло собрание, все сидели по рядам, читали проповеди, и Вера была на сцене. Я шла напрямик к ней, упала на колени и прижалась к её ногам, стала плакать: «Простите меня! Простите!» Вера обняла меня, и вся церковь стала молиться. Моё желание было только одно — быть с Ним, и мне из-за этого терять тётю Веру было опасно, и если для этого мне необходимо было унизиться публично, то я это сделаю. Я боялась, что её гнев — это Его гнев. Если Он меня не простит, мне конец. Да и хорошей репутации как таковой у меня всё равно не было: курящая, одержимая, непослушная, одинокая, непонятная — как позорное клеймо на церкви, которой дают шанс на исправление.

От комаров использовались спирайки, которые дымились, и я во время служения наблюдала за дымом, до сих пор помню этот запах. Во время служения пела Маша, а Сергей смотрел на неё влюблёнными глазами. Она молилась, закрыв глаза и подняв голову, я смотрела на её профиль — он был прекрасен. Смотрел на Машу и Сергей, брат Тани. Таня с Сергеем относились к другой группе, младшей, у них была другая наставница.

Утром я заметила, что Маша плачет, и мне захотелось её утешить. Но, когда я к ней подошла, Вера стала кричать: «Не трогай Машу, это наше дело! Не вмешивайся. Ты её заразишь своим пороком!» Я вышла из палатки, словно на меня вылили ведро с помоями. Ведь я лишь хотела искренне помочь, я же ничего плохого не желала ни ей, ни кому другому — за что такая неоправданная агрессия? Будто Вера берегла Машу от меня, как от прокажённой, и это та женщина, которой я доверяла свою душу, которой я верила, как Богу. Но в то время я воспринимала это как заслуженное, поэтому злилась скорее на себя, чем на неё. Видимо, я и впрямь настолько порочная, что даже не достойна приблизиться к её дочери.

Я ушла в лес, бродила там по заброшенному лагерю. Потолки в домах висели надо мной, готовые от малейшей встряски упасть, обшарпанные стены с облупившейся штукатуркой. Во дворах ржавые качели и лестницы. Я села на качели и стала петь Богу псалом под тоскливый скрип железа, полная любви к Нему и обожания, раскачиваясь под тёплым дождём, смотря в серое небо. В тот момент я была счастлива.

Неожиданно услышала своё имя — кто-то меня звал. «Я нашёл её!» — вышли из леса несколько человек: «Мы тебя везде ищем. Ты зачем убежала из лагеря, кто тебе разрешил?» Меня привели в лагерь, поставили в центр круга, и вся церковь вознесла молитвы за изгнание из меня Дьявола. Меня обнимала Настя и почему-то плакала, стоя в центре вместе со мной. Я была рада, что за меня молятся, ведь тогда я буду чувствовать Его ещё ближе. Дальше я ушла из круга ко всем остальным, и все стали петь псалмы, и я вместе со всеми — впервые громко, не стесняясь своего голоса. На меня оглядывались, но я старалась не обращать внимания, ведь я пою Ему.

Мне мало было заброшенных зданий и ржавых качелей, меня тянуло на приключения, и я решила отправиться в поход. Шла по лесу, по тропинке, пока не забрела очень далеко и не заблудилась. Мне стало страшно после того, как я в попытках выбраться из леса не могла найти ни одной дороги. Уже темнело, и я боялась остаться ночью одна в лесу, и стала плакать и молиться: «Господи, пожалуйста, помоги выйти к лагерю». Как только произнесла: «Аминь», — услышала лай собаки и поспешила к ней. Лесник с хворостом и собакой бродил по лесу. Я попросила его помочь мне найти христианский лагерь, так как я заблудилась. Он вывел меня на дорогу, а там уже я вышла к лагерю. Никто так и не узнал, кроме Жени позже, какой страх мне пришлось пережить.

Перед отъездом, прощаясь с лагерем, нас всех собрали и девушек поставили в ряд: всех награждали подарками за разные заслуги. И Вера спросила, обращаясь ко мне: «Какой твой любимый цвет?» Я ответила: «Голубой». Она: «А я почему-то думала — розовый». Она вытащила из коробки розовый искусственный букет цветов и вручила его мне за то, что я помогала поварихе мыть посуду. Странно, как она не запомнила моего любимого цвета, ведь на одном из домашних собраний, когда она каждую из нас спрашивала о нашем любимом цвете, все ответили про свои цвета: Женя — синий, Маша — розовый, я — голубой. Я даже запомнила, что у Веры любимый цвет — бирюзовый. Потом эти цветы, которые обычно покупаются для поминок на кладбище, ещё долго украшали мою комнату.

Когда я приехала домой, меня никто не ждал. Я стояла в подъезде с сумкой, мама не хотела открывать дверь, и некоторое время мне пришлось долго звонить. Когда она открыла со словами: «Что приперлась?» — меня это глубоко ранило. Ведь я отсутствовала почти две недели, и никто по мне не скучал, напротив — я тут на фиг кому сдалась. Мама бросала курить, потому на нервной почве сказала: «Чтобы ты сдохла!» — и громко и истерично рассмеялась. Я стала молиться на языках от обиды, прямо стоя в её комнате, думая, что в неё вселился бес, но она смеялась ещё громче. Это была всего лишь никотиновая ломка, и ей было так же тяжело, как и мне. Я своим приездом помешала ей бросить курить: она пошла на балкон и закурила,

из-за меня сорвалась. И я тоже сорвалась в тот день — нашла сигареты и вышла в форточку дымить.

У меня же есть и был всегда один самый страшный недостаток: я верила людям и слишком их идеализировала. Есть в Библии заповедь: «Почитай другого выше себя». Так вот, советую никогда этого не делать — нужно уметь видеть людей насквозь, а не идеализировать. «Всегда во всех сомневайтесь» — стало моим правилом.

Я стояла возле зеркала в маминей комнате и смотрела в него, мама лежала на кровати. Мы в этот момент не были в соре, и причин, почему так мама сказала, я не знала: «Тебя муж будет презирать». Учитывая, что у меня дисморфофобия, то есть я всегда чувствую себя уродлиной, даже когда это не так, моё воображение рисует совершенно неправдивую картину о себе. Из-за непонимания ненависти и злобы людей всё это переходит в когнитивный диссонанс с такими мыслями: «Раз ненавидят, может, это со мной что-то не так?» А почему я говорю «ненавидят» — ведь когда людей держишь на расстоянии и не позволяешь переходить личные границы, то они вполне дружелюбные, но стоит только довериться человеку и расслабиться, как видишь всю его внутреннюю мерзоту, всех его демонов. Потому что я очень часто доверяла людям, открывалась и позволяла нарушать свои личные границы, иска в каждом друга.

Позже я узнала, что в принципе «настоящих друзей» как таковых крайне сложно найти — это травматично искать их в мире межвидовой конкуренции. И в тот период времени, когда аутоагрессия зашкаливала, я готова была поверить маме, ведь как можно любить такого гоблина? Можно лишь унижать, презирать и убивать, что в дальнейшем и подтверждала вся моя жизнь. Нет, не то, что я гоблин, а именно то, что гоблины вокруг меня, их тысячи, и найти мужа, который не будет презирать, крайне сложно. И я нашла своё сокровище, алмаз среди навоза, но сколько слёз мне пришлось пролить, сколько боли пережить — в этом дневнике я расскажу.

Внутреннее человеческое уродство хорошо видно в интернете: чувствуя свою безнаказанность, люди смело открывают свою скверну и нечистоту внутренностей. И в реальности я своим светом, своей незащищённостью обличала таких чудовищ: моё существование заставляет их снимать свои лицемерные маски. Ведь в моём присутствии они тоже чувствуют свою безнаказанность, поэтому не боятся показать своё истинное лицо.

Я пошла снова учиться на бухгалтера, потому что, по мнению родителей, это работа с деньгами, а значит — шанс быть хорошо обеспеченной. Но и в этот раз я не прошла тест, хотя я к ним даже не готовилась. Пришла в техникум, мне дали листы с вопросами, и я на них ответила, как смогла. Оценку мне не сказали, а лишь: «Места на бухгалтера уже заняты, есть места на специальность ГМУ. Пойдёшь туда учиться?» Я посоветовалась с родителями, те даже обрадовались такой перспективе, ведь ГМУ — это будущий чиновник, и я поступила учиться на ГМУ.

В этот раз я решила защититься от агрессии христианством, то есть стать «блаженной», лишь бы меня больше не трогали. Всем улыбалась, смотрела на людей самыми чистыми и невинными глазами ребёнка. Я не просчитывала этот ход — это получилось случайно, интуитивно. Раз не могу быть как все, попробую спрятать себя за религию, якобы: «Это не я странная, такой меня сделала церковь». Это было не притворство: я искренне отказалась от агрессии, заставляя себя «любить врагов», и у меня это очень даже получилось.

Я полюбила группу, в которой училась. Насмешки парней воспринимала как неуклюжие заигрывания (этому уже наловчилась в школе), а девушек — как желание стать моими подругами, но невозможность найти ко мне подход. Я внушала себе, что они не злые, они меня любят на самом деле, просто это хорошо скрывают, и вот я заставила себя полюбить их. В этом и заключается мой эротоманный бред — в желании компенсировать недостающую любовь выдуманной. Одна часть меня говорит: «Это ложь, твои фантазии!», а другая: «Но как же приятна сладкая ложь, и поэтому буду в неё верить».

Все знакомились, общались, я всегда стояла одна у стены, наблюдала за всеми. Их первые попытки познакомиться со мной привели к выводу, что не стоит. Но такое моё поведение очень усложняло мне обучение. Я по-прежнему боялась отвечать на парах: когда приходила моя очередь, учащался пульс от страха, мутилось сознание, и голос становился ещё тише и тоньше. Из-за сильного волнения некоторые учителя делали мне исключения, не спрашивали или позволяли не выходить к доске, но это было редко. Чаще я, мучаясь, сознанием уходила в дереализацию, а язык что-то говорил заученное. Желание было только одно — быстрее бы всё это закончилось.

Но проблема была в том, что я курила, и как-то в сознании у людей не состыковывается «курение + блаженная», а этот факт скрыть от одноклассников было крайне сложно. По дороге в техникум я собирала бычки и складывала в спичечный коробок или экономила на проезде. Деньги на проезд туда и обратно и ни копейки лишней давал отец. Родители уже были в курсе, что я токсикоманю, и боялись давать лишние деньги. Идя домой полчаса пешком после пар, у меня появлялась возможность купить дешёвую «Приму» или «Беломор». Курила за общением, забором, уходила подальше в лес, чтобы не попадаться на глаза студентам. Иногда в этом же лесу я и застревала, не желая возвращаться в техникум из-за социофобии. И как было приятно делать себе такие поблажки, освобождать себя от лишнего стресса.

В лесу я как обычно одна, наедине с Ним, Ему рассказывала о своих желаниях, переживаниях и пела о любви. Я всё время мыслями была в Нём, Он был мой единственный Друг. Я чувствовала Его присутствие и близость тактильными галлюцинациями. Я ощущала, как Он наблюдает за мной, реагирует ветром, природой, облаками, даже окружающими людьми. Когда проезжала машина, из неё гремела музыка: «За тобой поднимусь в небо, за тобой упаду в пропасть...» — и эту и следующие подобные я мысленно подхватывала и посвящала Ему.

Нас учили в церкви, что Бога за всё надо благодарить, а за страдания тем более: «Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его; ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему». А благодарность, естественно,

лучше всего выразить через «славословие». Поэтому чем сложнее жизнь, чем больше испытаний, тем больше должно быть «славы Богу». И я как послушная христианка старалась Ему петь, как бы плохо мне ни было. Не молиться, а именно петь, потому что, как учили в церкви, молитва — это прошение, а просить что-то у Бога эгоистично. Нужно отдавать, а не просить: Бог лучше знает, что нам нужно, и без наших молитв, ведь Он видит наши сердца.

Из-за того, что я боялась подойти что-то спросить, я не могла знать изменившееся расписание пар и кабинетов. Утром приходила на занятия, но кабинет был закрыт, в расписании на стене ничего не изменено, поэтому мне приходилось ходить по этажам, коридорам и искать своих. И если хотя бы встречала одно знакомое лицо, я шла за ним и так разыскивала свою группу. Но чаще бывало, что я никого не находила, поэтому уходила в лес и там ожидала следующей пары, прогуливая занятия. Если слышала приближающиеся голоса, тут же тушила сигарету или прятала её за камнем, пока люди не проходили мимо. Курила в туалете — это, пожалуй, было самое удобное место, где точно никто не увидит.

Я призналась, во время попытки контакта одноклассников со мной, что я верующая. Моё признание предполагало в дальнейшем два варианта развития событий: либо страдать за веру и терпеть травлю за Иисуса, что я и ожидала, либо в лучшем случае стать просто неинтересной для других. Но чего я точно не предполагала — что я тем самым вызову симпатию у студентов. Две девушки передо мной, которые выглядели моложе всех в группе, подруги-отличницы, даже признались, что тоже ходили в церковь, а одна из них сыграла Марию в сценке. «Необычное совпадение», — подумала я. Да и вообще ребята в нашем составе словно были подобраны специально по какому-то принципу: все были разные, но каждый обладал своей чудаковатостью.

Например, был парень-мечтатель: он смотрел на меня на парах и не отводил глаз, даже когда я к нему поворачивалась, но больше знаков внимания не следовало. Облокотится на руку и смотрит так серыми блестящими глазами. Только однажды я услышала, как он сказал: «Она будто балерина», но не придала этому значения, так как думала — мне, возможно, показалось.

Была девушка, на вид ей 25–28 лет, в короткой юбке из чёрной кожи и длинных сапогах, скрывающих колени, крупная на вид, с громким, властным голосом. Кажется, она была старше всех в группе. Она нечасто появлялась на занятиях, поэтому о ней я мало что знаю.

Рядом с мечтателем сидел деревенский парень — маленький, худенький, бедно одетый. Высокий кучерявый блондин Андрей, который позже выбил дверь ногой в туалете, когда я курила, и спалил меня с сигаретой. Для них было необычно видеть такую противоречивую христианку, как, впрочем, и в церкви. Поэтому на стене кто-то оставил надпись, где была указана моя фамилия, и к ней приписано: «Курит!» Большие буквы на стене в коридоре общежития сразу бросались в глаза всем, кто проходил мимо. Но я не стала стирать эту надпись, не понимая, отчего ко мне, серой и невзрачной, столь повышенное внимание. Потом меня нашла какая-то женщина и сказала стирать надпись, но я ответила, что я её не писала и не знаю, кто её тут оставил.

На даче у нас был свет только с весны до конца осени, потом электричество отключали по всему району. Зимой было холодно, и жить на даче не представлялось возможным, так как ни света, ни воды, ни тепла. Домой не пускала мама: просто не открывала дверь, когда я приходила из техникума. Тогда я шла на работу к отцу, и мы вместе с ним возвращались домой. Отцу мама дверь открывала, и я заходила следом. Иногда я звонила упорно в звонок, стояла часами в подъезде. Проходили соседи, спрашивали: «Опять не пускают?» Делала попытки забраться через балкон, если окно на балконе было открыто. Ставила доску и забиралась по нему, потом стучала в окно, чтобы открыли балконную дверь. А бывало, что кидала камушки в окно на кухне, но мама всё равно не слышала.

Появилась привычка, прежде чем идти на работу к отцу, проходить мимо своего балкона на всякий случай. Вдруг мама на балконе курит — тогда её можно было попросить уже напрямую открыть дверь, и она открывала. На вопрос, почему она меня не пускала, отвечала: «Я спала». Возможно, мама и спала под шипящий звук имитации водопада на телефоне-радио, как она привыкла это делать для нейтрализации внешних звуков, и поэтому не слышала, как звоню. Мама спала очень чутко, и любой малейший шум мог её разбудить. Тогда мама, как разъярённая медведица, выходила из комнаты, и доставалось всем, кто попадался под руку.

Так как я хотела кушать, а денег мне на еду не давали и целый день мне приходилось оставаться голодной, я приходила к отцу на работу специально, чтобы поесть. Он угощал булочкой с йогуртом или иногда давал ровно на булочку и йогурт, и я шла в ближайший магазин, покупала и отчитывалась перед папой за каждую копейку. Он следил, чтобы ни копейки лишней я не припрятала на газ или сигареты. И сидела, порой, на базе до вечера, пытаюсь спать на скамейке, на чьих-то куртках.

Домой попасть после пар было сложно, но ещё сложнее жить с моими родными. Брат не давал спать музыкой: включал специально её громко, чтобы меня мучить, прятал под мою подушку свои вонючие носки, закидывал мусор мне под кровать, ломал мои вещи, часто несправедливо оскорблял и унижал. Курил прямо в комнате, и от дыма я, задыхаясь, просыпалась. Я пыталась досыпать днём после пар, но из-за братика это сделать было невозможно. Дратся с ним я уже не могла, потому что он стал сильнее меня физически. Теперь не получалось успокоить его агрессию, заломив руки и положив на пол: когда он на тебя кидается, приходилось звать на помощь родителей. Папа заходил в комнату и кричал на брата: «Выключи музыку и не кури в комнате!» Он убавлял звук, но стоило мне только уснуть, как он снова включал громко. Другой комнаты жить у меня не было. Тогда я психанула однажды и, взяв одеяло и подушку, с Библией легла на пол на кухне. Так вечерами я проводила на кухне, но было так же неудобно, потому что все ходили кушать и включали свет. У меня не было своего угла в квартире, мне негде было спрятаться от всех, меня изживали всеми способами.

Мама прямым текстом почти каждый день кричала: «Убирайся из дома! Тут всё моё, ты тут ничего не заработала! Хватит мои продукты жрать, моими вещами пользоваться! Не жги свет, ты за него не платишь!» Однажды мама кинула в меня тарелку, та разбилась о дверь, и я ушла в комнату. Отец убирал осколки, а я плакала и молилась, чувствуя себя никому не нужной. Только Он один единственный, Кто никогда меня не оставлял, всегда был рядом и поддерживал тактильными галлюцинациями: поглаживанием по ногам, голове, плечам. Я плакала

и мысленно погружалась в Него, а Он отвечал, окутывая меня Собой, словно одеялом, будто в желании спрятать от всех. Часами я проводила в одиночестве, весь мир словно стал чужим: никто не любил, не понимал, никому не было до меня дела.

Отцу надоело, что я постоянно околачиваюсь у него на работе, его товарищи стали задавать лишние вопросы, и он просил меня где-нибудь погулять подальше от базы до вечера. И я гуляла, шатаясь по городу, улицам, дворам.

Позже я решила осенью уехать жить на дачу. Собрав свои вещи: полотенце, шампунь, ручки, тетради, зажигалку, мел, заколку, плойку, Библию. Я была одета в розовую кофту, шерстяную юбку до колен, капронки, чёрные сапожки на платформе, купленные на китайском рынке. Отец дал ключи от железного гаража, где хранились все инструменты для работы на даче. Там прятали и старый электрический камин, которому в то время было больше 17 лет. Я приносила камин в домик из гаража, а наутро, когда отправлялась на занятия, убирала его обратно в гараж, чтобы не украли бомжи, взломав дом в моё отсутствие. Туда же и прятала другие свои вещи, привезённые из дома.

Жила жизнью отшельницы: ни одной души рядом, ни одного близкого человека. Даже соседи под осень, собрав урожай, все съехали с дач. Ни интернета, ни радио, ни плеера с музыкой, ни книг, ни смартфона, ни телефона, ни телевизора, ни какой другой связи с внешним миром — абсолютная изоляция. Район опустел, и ночами горел свет только в моём доме. А я громко пела Богу псалмы и молилась на языках, ходила кругами по комнате и разговаривала с Ним — так спасалась от одиночества, чтобы окончательно не одичать.

Отец приезжал первое время почти каждое утро на дачу на красной «Лаурель» (название запомнила в тот день, когда мы собирались на море семьёй и я смотрела на выпуклые буквы на коврике в машине, подумала: «Красивое название, похожее на имя Ариэль — русалки из мультика»), чтобы меня отвезти в техникум, привозил продукты. Так за целый день я разговаривала только с отцом и только на повышенных тонах, потому что он иначе со мной обычно не общался. Он был зол на меня за то, что я разрушаю своё здоровье, за то, что слабая и не могу себя защитить от мамы, за то, что я странная и вдобавок сектантка, и из-за многих других причин. Поэтому у нас с ним были всегда напряжённые отношения, его разочарование в дочери было несоизмеримо.

Я проснулась от того, что отец выбивает дверь: «Открой, сука!» Я испугалась такой реакции, потому что обычно папа редко матерится, а в этот раз он был сам на себя не похож. Я открыла дверь, и он: «Одевайся быстрее, снова опаздываешь! Больше я тебя возить не буду». Я теперь понимаю, почему папа в тот день был в таком раздражении: его достало постоянно ездить за мной на дачу, из-за меня он сам опаздывал на работу, тратил бензин на дорогу. Он просто устал от всего этого и хотел отчаянно снять с себя бремя заботы.

Таким образом, в техникум я стала ездить на автобусе, а отец раз в три дня заезжал ко мне и привозил продукты: растительное масло, хлеб, чай, куксу (китайскую лапшу быстрого

приготовления) — и давал деньги на проезд на три дня. Я либо ходила пешком, экономя на проезде. Приходилось просыпаться очень рано, потому что дорога от дачи до остановки, где останавливалась 16-я маршрутка, была далеко, или просила кондуктора автобуса подвести. Таким образом часть денег мне удавалось сэкономить на сигареты.

В то время я уже не пыхала, старалась не срываться, потому что токсикомания — это такой же грех. Но мир галлюцинаций неудержимо манил, и, когда я проходила мимо киоска, видя газовый баллон на витрине, сложно было удержаться от искушения снова испытать сказочные видения. Того, что приносил папа из продуктов, не хватало, и я перекапывала поле, добирала из земли оставшуюся после сбора картошку. Колола дрова из сломанного дачного забора, так как не знала, где ещё взять доски для растопки печи. За всю осень таким образом я сломала и сожгла весь забор нашей дачи. Он всё равно был сломанный и не стоял, а лежал на земле. Когда же закончились все доски на даче, приходилось искать на других заброшенных участках.

Растапливала печь и на чугунной сковороде жарила картошку. Благо соль и растительное масло всегда были. Воду я набирала в канаве, вырытой возле дороги, ею мылась и в ней стирала. Питьевую воду возила на тележке в металлической фляге на 40 литров. Её полную было не поднять, поэтому без тележки не донести. Воду брала у соседей, которые разрешили пользоваться их колодцем моим родителям. Подъезжая с баками и видя соседей на даче, я должна была попросить набрать у них воды, но из-за страха контакта я поворачивала обратно. Ждала, когда они уедут. Их дача находилась относительно далеко от моей, и донести тяжёлый полный бак я физически не могла, даже с тележкой, поэтому набирала только 20 литров и с трудом, таща его до выхода из их участка, потом с тяжёлыми усилиями старалась поставить на тележку и после довести до дачи. Эту воду я экономила, потому что она доставалась нелегко. К тому же соседи стали возмущаться, почему я беру воду так часто. И чтобы лишний раз не мозолить им глаза, использовала колодезную воду только для питья, а из канавы — для всех остальных нужд. В канаве вода была грязная, жёлтая, и в ней плавали головастики, насекомые и другая живность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.